Энн Райс

ВАМПИР ЛЕСТАТ

Тонкое словесное кружево, наполненное чувственностью и музыкой, воистину чарующая история...

The New York Times Book Review

Вампирские хроники

Энн Райс

Вампир Лестат

«Азбука-Аттикус»

1982

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Райс Э.

Вампир Лестат / Э. Райс — «Азбука-Аттикус», 1982 — (Вампирские хроники)

ISBN 978-5-389-20232-0

Исповедь вампира Лестата, героя «Вампирских хроник», пытающегося отыскать истоки своего вечного существования, встретиться с Детьми Тысячелетий, проносит нас сквозь века и континенты: Древний Египет и Америка XX века, Римская империя и Венеция эпохи Возрождения... Исторически точное и в то же время исполненное безграничной фантазии повествование позволяет приоткрыть завесу над древними тайнами, проникнуть в секреты древней магии, заглянуть в бездну, наполненную страстями, — бездну под названием человеческая душа… Предыдущий роман писательницы «Интервью с вампиром», открывший цикл «Вампирских хроник» и продолженный романом «Вампир Лестат», стал настоящим событием в мире литературы. Общий его тираж превысил рекордные 15 миллионов экземпляров, это едва ли не самая продаваемая из книг современных авторов в истории книжной торговли.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-20232-0

© Райс Э., 1982
© Азбука-Аттикус, 1982

Содержание

Центр города 6
Юность, воспитание и приключения вампира Лестата 18
Часть I 18
Глава 1 18
Глава 2 23
Глава 3 31
Глава 4 33
Глава 5 38
Глава 6 44
Глава 7 46
Глава 8 52
Часть II 56
Глава 1 56
Глава 2 58
Глава 3 66
Глава 4 69
Глава 5 70
Глава 6 75
Глава 7 77
Глава 8 79
Глава 9 83
Глава 10 86
Глава 11 90
Глава 12 94
Конец ознакомительного фрагмента. 96

Энн Райс
Вампир Лестат
Роман

С любовью посвящаю эту книгу Стэну Райсу, Карен О'Брайен и Аллену Даво

Anne Rice
The Vampire Lestat

* * *

Copyright © 1985 by Anne O'Brien Rice
All rights reserved
© И. И. Шефановская, перевод, 2002
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021 Издательство АЗБУКА®

Центр города
Субботний вечер
XX век
1984

Я – вампир Лестат. Я бессмертен. В определенной степени, конечно. Солнечный свет или сильный жар от огня вполне способны меня уничтожить. Но могут и не причинить мне никакого вреда.

Мой рост – шесть футов, и в 1780-е годы, когда я был еще вполне обыкновенным смертным молодым человеком, он производил довольно сильное впечатление. Впрочем, я и сейчас выгляжу неплохо. Мои густые, немного не достающие до плеч светлые вьющиеся волосы при искусственном освещении кажутся совершенно белыми. Глаза у меня серые, но в зависимости от окружающей обстановки легко принимают голубой или лиловый оттенок. У меня небольшой тонкий нос, но рот, хотя и красиво очерченный, кажется несколько великоватым. Рот мой, однако, способен придавать лицу выражение как самой низкой подлости, так и поистине удивительного благородства – он всегда выглядит чувственным. Все мои чувства и эмоции, мое отношение ко всему происходящему отражаются на моем чрезвычайно подвижном лице.

Моя вампирская сущность проявляется в неестественной белизне лица и на редкость чувствительной коже, которую я вынужден густо припудривать перед любыми съемками.

Когда же меня начинает одолевать жажда крови, я выгляжу просто ужасно: кожа моя делается морщинистой, из-под нее выпирают кости и набухают толстые, как веревки, вены. Но на людях я не допускаю ничего подобного, и единственным свидетельством моего нечеловеческого естества являются ногти. Это общее свойство всех вампиров: наши ногти напоминают стеклянные, и это часто бросается людям в глаза, даже если ничто другое им не кажется странным.

В настоящее время я, как говорят в Америке, рок-звезда. Мой первый альбом разошелся тиражом в четыре миллиона экземпляров. Я отправляюсь в Сан-Франциско, откуда начнется большое турне моей группы по всей стране – от побережья до побережья. Вот уже две недели подряд кабельный рок-канал MTV днем и ночью крутит мои видеоклипы. Их также показывали в Англии, в программе «Top of the Pops», еще на континенте, кое-где в Азии и в Японии. Видеокассеты со сборниками моих клипов продаются по всему миру.

Ко всему прочему я являюсь и автором вышедшей на прошлой неделе моей собственной биографии.

Что касается английского – а именно на этом языке написана автобиография, – то моим первым учителем в нем был человек, двести лет назад приплывший в Новый Орлеан по Миссисипи на плоскодонке. После, в течение многих десятилетий, я продолжал учиться у англоязычных писателей – у всех, начиная с Шекспира и Марка Твена и вплоть до Райдера Хаггарда. Завершающие штрихи в свое знание языка я внес уже в самом начале XX века, читая детективные рассказы в журнале «Черная маска». Последним, что я прочел, прежде чем буквально и фигурально уйти под землю, были опубликованные в «Черной маске» рассказы Д. Хэмметта о приключениях Сэма Спейда.

Это произошло в 1929 году в Новом Орлеане.

Когда я пишу, я заглядываю в словарь и пользуюсь той лексикой, которая была свойственна мне в восемнадцатом веке, а также выражениями и даже целыми фразами, почерпнутыми у тех писателей, произведения которых мне приходилось читать. Но, несмотря на французский акцент, речь моя представляет собой нечто среднее между речью хозяина плоскодонки

и речью детектива Сэма Спейда. А потому, я надеюсь, вы простите меня, если стиль мой не всегда окажется гладким. Или в тех случаях, когда я в своем повествовании вдребезги разбиваю атмосферу восемнадцатого века.

Я появился в двадцатом веке лишь в прошлом году. Заставили меня сделать это две вещи. Во-первых – та информация, которую распространяли разного рода голоса, какофония которых началась примерно в то время, когда я погрузился в сон, и с тех пор расходилась все шире и шире.

Я, конечно же, имею в виду радио, фонографы и появившиеся позднее телевизоры. Голоса радио доносились до меня из автомобилей, проносившихся по старому Садовому кварталу недалеко от того места, где я лежал. Звуки фонографов и телеприемников я слышал из расположенных поблизости домов.

Должен сказать, что, когда вампир, как мы говорим, уходит в подполье, затаивается, то есть перестает пить кровь и лежит под землей, он быстро теряет силы и становится слишком слабым, чтобы возродиться самостоятельно, – для него наступает период сна.

Именно в таком состоянии я, поначалу вяло и инертно, воспринимал звучавшие отовсюду голоса, соединяя их с жившими в моем воображении образами, подобно тому как делают это во сне все смертные. Но в какой-то момент за прошедшие пятьдесят пять лет я начал вдруг «вспоминать» все, что слышал, следить за развлекательными программами, прислушиваться к сводкам новостей, интересоваться популярными мелодиями и ритмами.

Постепенно до меня начали доходить масштабы происшедших в мире перемен. Я стал с особенным вниманием прислушиваться к той информации, которая касалась разного рода войн, новых открытий и изобретений, старался запомнить новые слова и выражения, усвоить современный стиль речи.

Наконец ко мне вернулось сознание. Я понял, что больше не сплю. Я размышлял над услышанным. Я окончательно проснулся. Я лежал под землей и страстно жаждал живой крови. Я начинал верить, что все полученные мной старые раны уже зажили. Возможно даже, что за прошедшее время силы мои увеличились, как бывало это всегда, однако прежде мне никогда не приходилось получать серьезные повреждения. Мне не терпелось поскорее выяснить это.

Мысль о необходимости напиться человеческой крови стала преследовать меня постоянно.

Второй – и, надо сказать, главной – причиной моего пробуждения стало неожиданное появление возле меня группы рок-музыкантов, которая называлась «Бал Сатаны».

В 1984 году они поселились и начали репетировать в доме на Шестой улице, меньше чем за квартал от моего дома на Притания-стрит – что неподалеку от кладбища Лафайет, – под фундаментом которого я пролежал все эти годы.

До меня доносилось завывание электрогитар, я слышал громкое и эмоциональное пение. Должен сказать, что музыка их была ничуть не хуже, чем та, которую мне приходилось слышать по радио, а зачастую и более мелодична. Несмотря на оглушительный грохот барабанов, в их музыке и пении присутствовали поэзия и чувство. А электрическое пианино звучало совсем как клавикорды.

Из прочитанных мною мыслей музыкантов я сумел узнать, что видели они, глядя друг на друга и смотрясь в зеркало, и таким образом составил себе представление о том, как они выглядели. Это были стройные, мускулистые и в целом весьма симпатичные юные смертные. Их было трое – двое юношей и одна девушка, но одевались и вели они себя несколько по-варварски и так, что порой трудно было определить, кто есть кто.

Когда они играли, их музыка заглушала все другие звуки вокруг меня. Я, однако, ничего не имел против.

Мне хотелось встать и присоединиться к рок-группе под названием «Бал Сатаны». Мне хотелось самому петь и танцевать.

Нельзя сказать, что мое желание было обдуманным с самого начала. Скорее это можно назвать инстинктивным импульсом, достаточно сильным, чтобы заставить меня покинуть подземное убежище.

Мир рок-музыки заворожил и очаровал меня – я восхищался тем, как эти певцы вопят во все горло о добре и зле, провозглашают себя то ангелами, то дьяволами, а окружающие их смертные при этом веселятся. Иногда казалось, что они просто безумны. Однако выступления их всегда поражали технической сложностью и великолепной организацией. Думаю, что за всю историю своего существования мир не видел ничего подобного – такого удивительного сочетания дикого варварства и интеллекта.

Конечно же, это все были метафоры, выдумки. На самом деле никто из них не верил ни в ангелов, ни в дьяволов, хотя роли свои они исполняли великолепно. Столь же шокирующими, изобретательными и непристойными были когда-то персонажи старой итальянской комедии масок.

И все же это было нечто совершенно новое. Я имею в виду те крайности, до которых они доходили в своей игре, словно бросая грубый вызов обществу, – а члены этого общества, от самых богатых до самых бедных, принимали их и восхищались ими.

К тому же в рок-музыке было что-то вампирическое. Даже те, кто не верил в сверхъестественное, воспринимали ее звучание как нечто необыкновенное. Я говорю о том, как с помощью электричества можно до бесконечности тянуть одну ноту, о том, как одна гармония накладывается на другую, пока наконец вы не почувствуете, что буквально растворяетесь в звуках. Ничего подобного и ни в какой форме в мире прежде не было.

Да, я хотел оказаться как можно ближе к этому. Я сам хотел заниматься этим и, возможно, сделать никому не известную группу «Бал Сатаны» знаменитой. Я готов был возродиться к жизни.

Процесс моего воскрешения длился около недели. Я пил свежую кровь мелких зверьков, живших под землей, – любых, каких только удавалось поймать. Потом начал потихоньку выбираться на поверхность, где можно было раздобыть крыс. Теперь для меня не представляло трудности отлавливать кошек, а там и рукой было подать до настоящей человеческой жертвы, хотя мне пришлось ждать довольно долго, пока наконец я нашел то, что нужно, – человека, который убивал других смертных и не испытывал при этом ни сожаления, ни раскаяния.

В конце концов такой человек появился. Еще молодой мужчина с подернутой сединой бородой, убивший себе подобного далеко отсюда, на другом краю света, шел возле самой ограды. О, это был настоящий убийца. Как прекрасен был вкус настоящей человеческой крови!

Украсть необходимую одежду из близлежащих домов и достать спрятанные мною на кладбище Лафайет золото и драгоценности не представляло проблемы.

Кое-что меня, конечно же, иногда пугало. Запах бензина и химикатов вызывал у меня слабость. Гудение кондиционеров и рев моторов реактивных самолетов над головой казались оглушительными.

Но уже на третью ночь после своего воскрешения я с шумом и грохотом гонял по Новому Орлеану на большом черном мотоцикле «харлей-дэвидсон» в поисках других убийц, чтобы напиться их крови. На мне была одежда из блестящей черной кожи, которую я снял со своих жертв, а в кармане лежал плеер фирмы «Сони», из наушников которого мне в уши лились прекрасные звуки фуги Баха, неизменно сопровождавшие меня в метаниях по городу.

Я вновь стал прежним вампиром Лестатом. Я вернулся к активной жизни. Новый Орлеан вновь превратился в территорию для охоты.

За прошедшие годы силы мои утроились. Я с легкостью мог взлететь с тротуара на крышу четырехэтажного дома. Я способен был сдергивать с окон железные решетки. Мог согнуть пополам медное пенни. При желании я мог слышать человеческие голоса и улавливать мысли на расстоянии нескольких кварталов.

К концу недели у меня появился свой адвокат – симпатичная женщина, чья контора находилась в одном из небоскребов из стекла и металла в деловой части города и которая помогла мне оформить по всем правилам вполне легальные свидетельство о рождении, карточку социального страхования и водительские права. Значительная часть моего состояния, хранившаяся на кодированных счетах бессмертного Лондонского банка и банка Ротшильда, была уже на пути в Новый Орлеан.

Но самое главное, я буквально купался в новых впечатлениях и убедился в том, что все, что мне рассказывали относительно двадцатого века слышанные мною голоса, – правда.

Вот что мне удалось увидеть во время своих странствований по Новому Орлеану в 1984 году.

Темный и мрачный индустриальный мир, который я покинул, засыпая, наконец исчерпал себя, свойственные буржуазии благоразумие, осторожность и упорядоченность жизни перестали оказывать влияние на умы американцев.

Как и в старые добрые времена, до великих буржуазных революций конца восемнадцатого века, людьми вновь владела любовь к приключениям и эротическим наслаждениям. Они даже выглядели так же, как в старину.

Мужчины больше не носили, подобно Сэму Спейду, традиционный наряд, состоявший из серого костюма, рубашки с галстуком и серой шляпы. Они вновь наряжались в шелк и бархат ярких цветов, если, конечно, сами того хотели. Им не было нужды стричь волосы, как римским солдатам, и они носили такие прически, какие им нравились.

А женщины… о, женщины были поистине прекрасны в своей едва ли не наготе. Окутанные весенним теплом, одетые в коротенькие юбочки или похожие на туники платья и даже, если им того хотелось, в мужские рубашки и брюки, плотно облегающие их округлые формы, они напоминали египетских женщин во времена фараонов. Они красились и надевали золотые и серебряные украшения, даже если отправлялись в бакалейную лавку. Но даже без косметики и украшений они все равно оставались прекрасными. Некоторые завивали волосы, как в эпоху Марии-Антуанетты, другие позволяли локонам свободно и естественно струиться по плечам или коротко стригли их.

Наверное, впервые в истории человечества женщины были столь же сильны и интересны как личности, сколь и мужчины.

И все это были простые американцы, отнюдь не те богачи, которые в прежние времена обладали изнеженными манерами и стремились ко всякого рода радостям жизни и которых буржуазные революционеры в прошлом называли декадентами.

Чувственность, бывшая в прежние времена неотъемлемой чертой старой аристократии, теперь была свойственна всем. Она тесно переплелась с достижениями буржуазной революции, и теперь каждый человек имел право на любовь, роскошную жизнь и обладание разного рода изящными безделицами.

Универмаги превратились в дворцы, поражающие почти восточной красотой, где товары располагались по соседству с мягкими красочными коврами, таинственной музыкой и освещались янтарным светом. В круглосуточно работающих аптеках на стеклянных полках, словно драгоценные камни, поблескивали фиолетовые и зеленые бутылки с шампунем. Официантки ездили на работу в обтекаемой формы автомобилях с кожаными сиденьями. Докеры возвращались вечером в свои дома, где их ждали собственные бассейны с подогретой водой. Уборщицы и водопроводчики в конце рабочего дня переодевались в великолепно сшитую на заказ одежду.

С незапамятных времен присущие всем крупным городам мира бедность и нищета практически исчезли.

Едва ли теперь можно было увидеть, как падает где-нибудь на аллее парка и умирает от голода бедный иммигрант. Не было больше трущоб, где в одной комнатушке спали по восемьдесять человек. Никто не выплескивал помои в сточные канавы. Нищих, калек, сирот и неиз-

лечимо больных людей осталось так мало, что казалось, будто на этих бесконечных улицах их нет вовсе.

Даже у спавших на скамейках парков и на автобусных остановках пьяниц и сумасшедших всегда были еда, чистая одежда, а у некоторых и радиоприемники.

Таковы были внешние изменения. Однако еще больше поразили меня перемены, которые стали движущей силой этого внушающего истинное благоговение потока жизни.

Так, например, нечто невероятное произошло с временем.

Старое больше не уступало место новому. Напротив, вокруг меня говорили по-английски точно так же, как и в 1800-х годах. По-прежнему была в ходу старая лексика, люди пользовались все тем же сленгом. Но появились и новые, прежде незнакомые мне выражения – «промывание мозгов», «ну чисто по Фрейду» и тому подобные, – которые тем не менее были у всех на устах.

В мире искусства и развлечений достижения прошлых веков как бы возвращались снова и снова. Наряду с джазом и роком музыканты исполняли произведения Моцарта; сегодня вечером люди шли смотреть пьесу Шекспира, а завтра – новый французский фильм.

В огромном, ярко освещенном торговом центре можно было купить кассеты с записями средневековых мадригалов, чтобы потом вставить их в автомагнитолу и наслаждаться, мчась по шоссе со скоростью девяносто миль в час. На полках книжных магазинов стояли рядом сборники поэзии эпохи Возрождения, издания произведений Диккенса и Эрнеста Хемингуэя. Руководства по проблемам секса соседствовали с египетской Книгой мертвых.

Иногда мне казалось, что царящие вокруг чистота и благосостояние не более чем галлюцинации. Создавалось впечатление, что я схожу с ума.

Я тупо разглядывал выставленные в витринах магазинов компьютеры и телефонные аппараты таких совершенных форм и чистых цветов, что казалось, будто это прекрасные раковины, созданные самой природой. По узким улочкам Французского квартала курсировали огромные лимузины, похожие на сказочных морских чудовищ. Высокие сверкающие здания офисов и контор, словно египетские обелиски, устремлялись в вечернее небо над приземистыми кирпичными строениями Кэнал-стрит. Бесчисленное множество телевизионных каналов с несметным количеством программ выплескивали бесконечный поток информации на головы обитателей оборудованных кондиционерами номеров отеля.

Однако все это не было галлюцинациями. Этот век в полной мере и во всех отношениях унаследовал мировые достижения прошлого.

Одной из важнейших черт столь удивительного чуда была поистине редкостная наивность этих живших в роскоши и абсолютно свободных людей. Так же как и в восемнадцатом веке, христианский бог был мертв. На смену прежней религии не пришла никакая другая.

Напротив, простые люди в этом веке жили по строжайшим законам светской морали и следовали им не менее неукоснительно, чем любым известным мне религиозным установкам прошлого. Интеллигенция служила образцом во всех отношениях. Однако самые обыкновенные американцы по всей стране с удивительной страстью и каким-то, я бы сказал, мистическим усердием заботились о «мире», «бедных» и о «планете».

В этом веке они намеревались избавиться от голода. Они собирались любой ценой победить болезни. Вели яростные споры о целесообразности казни преступников, о допустимости абортов. А с угрозой «загрязнения окружающей среды» и «разрушительных войн» они боролись столь же яростно, сколь в прежние времена с колдовством и ересью.

Что же касается сексуальных отношений, то они перестали быть предметом страхов и предрассудков. С этого вопроса были сняты последние религиозные ограничения. Вот почему люди уже не стеснялись ходить полуодетыми. Вот почему они беззастенчиво обнимались и целовались прямо на улицах. Теперь они рассуждали об этике, об ответственности, о красоте человеческого тела. Держали под контролем рождаемость и венерические болезни.

Ах этот двадцатый век! О, поворот великого колеса времени! Он далеко превзошел мои самые смелые мечты о будущем. Он оставил в дураках всех мрачных предсказателей и провидцев прошлых веков.

Я много размышлял о лишенной греховности светской морали, о человеческом оптимизме, об этом великолепном мире, где наивысшее значение имеет жизнь человека. В прежние времена ничего подобного не было.

Я сидел в просторном, освещенном мягким янтарным электрическим светом номере отеля и смотрел потрясающий, мастерски сделанный фильм «Апокалипсис сегодня». Это была поистине симфония звуков и красок, воспевающая вековой давности битву западного мира со злом. «Ты должен смириться и встать на сторону ужаса и морального террора», – говорит в джунглях Камбоджи безумный командир одному из представителей западного мира. «Нет», – неизменно отвечает тот.

Нет. Ужас и моральный террор не могут быть оправданы. Они не представляют никакой ценности. Злу не может быть места.

Но ведь это означает, что и мне не может быть места.

Кроме разве что произведений искусства, отвергающих зло, – таких, например, как романы о вампирах и разного рода ужасах, средневековые сказания или оглушительные песнопения рок-звезд, предельно драматизирующие ту борьбу со злом, которую ведет в душе каждый смертный.

Всего этого было вполне достаточно, чтобы заставить старое чудовище спрятаться обратно под землю и оплакивать там свое полнейшее несоответствие тому, что происходит в мире, свою неприспособленность к современному положению вещей. Или достаточно для того, чтобы по здравом размышлении превратиться в рок-музыканта…

Но где же тогда сейчас находятся остальные чудовища старого мира? Этот вопрос не давал мне покоя. Как же существуют остальные вампиры в мире, где каждая смерть регистрируется в гигантской электронной памяти компьютеров, а тела хранятся в огромных холодильниках-склепах? Быть может, они, как и прежде, прячутся по темным щелям, словно отвратительные насекомые, независимо от исповедуемой ими философии и количества злодеяний.

Что ж, как только мой голос зазвучит в составе маленькой группы под названием «Бал Сатаны», они рано или поздно выползут на свет.

Тем временем я продолжал свое образование. Беседовал со смертными на автобусных остановках, на заправочных станциях, в элегантно оформленных питейных заведениях. Читал книги. Наряжался в сверкающую кожу в самых модных магазинах. Носил рубашки с высокими воротниками и пиджаки цвета хаки в стиле сафари или бархатные блейзеры с кашемировыми шарфами. Я густо пудрил лицо, чтобы хорошо чувствовать себя под яркими огнями освещения супермаркетов, ресторанов и на карнавально украшенных улицах, где располагались разного рода ночные клубы.

Я познавал мир. Я был влюблен. Единственная проблема состояла в том, что убийцы, чьей кровью я питался, встречались на моем пути не слишком часто. Это был мир наивности и невинности, сытости и изобилия, доброты и веселья. Встречавшиеся в прошлом практически на каждом шагу воры и разбойники теперь почти исчезли.

Вот почему мне приходилось бороться за существование. Но по натуре я всегда был охотником. Мне нравились заполненные табачным дымом бильярдные, где вокруг единственного ярко освещенного пятна – зеленого стола – собирались бывшие заключенные с татуировками

на теле; я любил бывать в расположенных в больших, выстроенных из бетона отелях, в сияющих огнями ночных клубах с обитыми шелком стенами. Я узнавал все больше и больше о милых моему сердцу убийцах – о торговцах наркотиками, о сводниках и бандитах, которые собирались в большие компании рокеров.

Все больше и больше укреплялся я в своем решении никогда не пить невинную кровь.

И вот наконец настало время поближе познакомиться с моими старинными соседями – с рок-группой «Бал Сатаны».

Жарким и душным субботним вечером в половине седьмого я позвонил в дверь музыкальной студии. Красивые молодые ребята, одетые в шелковые рубашки и хлопчатобумажные брюки, лежали кто где, курили гашиш и жаловались на несправедливость судьбы, пославшей им полный провал выступлений на юге.

Чисто вымытые длинные густые волосы и плавные движения делали их похожими на библейских ангелов, а украшения на них были в египетском стиле. Лица и глаза у всех были накрашены даже на репетиции.

Один их вид привел меня в неописуемое возбуждение, и меня буквально захлестнула любовь к ним – к Алексу, Ларри и к маленькой толстушке Таф Куки.

И в этот торжественный момент, когда, казалось, весь мир вокруг меня замер, я поведал им, кто я такой на самом деле. В слове «вампир» для них ничего нового и необычного не было. В том мире, в котором они существовали, тысячи певцов вставляли себе бутафорские клыки и наряжались в черные плащи.

И все же было так странно беседовать на столь запретную тему со смертными. Впервые за прошедшие двести лет я заговорил об этом с кем-либо, кто не должен был вскоре стать одним из нас. Даже своим жертвам в последний миг их жизни я не признавался в том, кто я есть.

Теперь же я четко и ясно высказал правду в присутствии этих милых молодых людей. Я сказал, что хочу петь вместе с ними, что, если они доверятся мне, я сделаю их богатыми и знаменитыми, что благодаря своему беспредельному честолюбию я беспощадно смету все преграды и вытащу их из этой комнаты в большой мир.

Они смотрели на меня затуманенными глазами. И вдруг эти покои двадцатого века, слепленные из картона и штукатурки, задрожали от веселого смеха.

Я был терпелив. Да и мог ли я вести себя иначе? Я-то знал, что я демон, способный изобразить любое движение и воспроизвести любой звук. Но разве им дано было понять это? Подойдя к электрооргану, я заиграл и запел.

Сначала я исполнил несколько рок-композиций, потом стал вспоминать старинные мелодии – французские песни, хранившиеся все эти годы где-то в тайниках моей памяти, но отнюдь не забытые. И вот я заорал их в каком-то неимоверно диком ритме, а перед моими глазами возник заполненный публикой маленький парижский театр – такой, каким был он несколько веков назад. Во мне вскипели опасные страсти, угрожавшие нарушить мое душевное равновесие. Мне не нравилось, что это случилось так быстро. Тем не менее я продолжал петь, изо всех сил барабаня по хрупким белоснежным клавишам электрооргана, и душа моя словно раскрывалась. И пускай стоявшим возле меня смертным существам не дано было понять это…

Стоит ли удивляться тому, что они ликовали, что им нравилась моя мрачная, лишенная гармонии музыка, тому, что они вопили от восторга, видя перед собой блестящие перспективы и чувствуя вдохновение, которого им недоставало прежде. Они включили магнитофоны, и мы стали петь вместе. Студия наполнилась оглушительным ревом и буквально утонула в запахе их крови.

Но потом произошло нечто такое, о чем я не мог помыслить даже в самых фантастических снах, нечто столь же невероятное, как и сделанное мною признание перед смертными. Я был буквально ошеломлен и едва не покинул этот мир, едва не спрятался обратно под землю.

Не думаю, что я готов был вновь впасть в оцепенение. Но я вполне способен был покинуть «Бал Сатаны» и отправиться на несколько лет странствовать по миру, чтобы прийти в себя и собраться с мыслями.

Молодые люди – стройный барабанщик по имени Алекс и его брат, высокий блондин Ларри, – услышав, что я назвал себя Лестатом, заявили, что им знакомо мое имя.

Они вспомнили не только имя, но и ту информацию, которую они получили обо мне из книги.

Им показалось поистине восхитительным, что я не пытался выдать себя за какого-либо никому не известного вампира. Или за графа Дракулу. От графа Дракулы всех уже просто тошнило. Они сочли великолепным тот факт, что я прикидывался именно вампиром Лестатом.

– Прикидываюсь вампиром Лестатом? – переспросил я.

Мое недоумение показалось им смешным, так же как и мой французский акцент.

Я долго и пристально вглядывался в лица молодых людей, пытаясь прочесть их мысли. Конечно же, я не рассчитывал на то, что они поверят, будто я и в самом деле настоящий вампир. Но каким образом и где могли они прочитать о вампире с таким редким именем, как у меня? Как можно это объяснить?

Я начал терять уверенность в себе. А с потерей уверенности я утрачивал и значительную часть своих сил и возможностей. И без того небольшое помещение стало казаться мне еще меньше, а в окружавших меня инструментах, усилителях и проводах виделась какая-то угроза.

– Покажите мне эту книгу, – попросил я.

Из соседней комнаты они принесли небольшой, рассыпающийся на части томик без переплета, с порванными страницами, перетянутый резинкой.

При виде названия на титульном листе томика я почувствовал, как на меня пахнуло могильным холодом. «Интервью с вампиром»… Что-то там о смертном юноше, пристающем к бессмертному с просьбой рассказать историю своей жизни.

Испросив разрешения у хозяев, я ушел в соседнюю комнату и там, растянувшись на их кровати, углубился в чтение. Дочитав до половины, я закрыл книгу и, прихватив ее с собой, вышел из дома. Пристроившись под одним из уличных фонарей, я замер и не двинулся с места до тех пор, пока не дочитал книгу до конца. Потом аккуратно положил потрепанный томик в нагрудный карман.

Целую неделю я не появлялся и не давал о себе знать ребятам из рок-группы.

Большую часть этого времени я скитался, разрезая тишину ночи ревом своего «харлей-дэвидсона» и на полную громкость включив вариации Баха. «Лестат, что же ты собираешься делать теперь?» – беспрестанно спрашивал я себя.

Оставшееся время я посвятил самообразованию в интересующей меня области. Я перечитал огромную кипу всякого рода литературы и справочников по рок-музыке, биографий рок-звезд. Я прослушивал их аудиоальбомы и просматривал видеозаписи их концертов. А в тишине проведенных в одиночестве ночей слышал голоса персонажей «Интервью с вампиром», доносившиеся до меня как будто из могилы. Снова и снова перечитывал я книгу. Но однажды в минуту непреодолимого гнева разорвал ее в клочья.

Наконец я принял решение.

В окутанном сумерками, освещенном лишь проникавшими снизу городскими огнями офисе, расположенном в одном из небоскребов, я встретился со своим адвокатом – молодой женщиной по имени Кристина. На фоне стеклянной стены, за которой виднелись туманные

очертания огромных, примитивной конструкции зданий и тысячи огней, похожих на маленькие факелы, Кристина смотрелась великолепно.

– Теперь мне уже недостаточно обычного успеха нашей маленькой рок-группы, – сказал я. – Нам необходимо добиться такой славы, которая сделает мое имя и мой голос известными в самых отдаленных уголках мира.

Мягко и спокойно, как это обычно делают все юристы, она посоветовала мне не рисковать благосостоянием. Но по мере того как я с поистине маниакальной настойчивостью продолжал упорствовать в своем мнении, я почувствовал, что она начинает сдаваться, что ее здравый смысл постепенно уступает.

– Мне нужны лучшие режиссеры – создатели видеофильмов о рок-музыке, – продолжал я. – Вы можете отыскать их в Нью-Йорке и Лос-Анджелесе. Денег для этого у меня вполне достаточно. А здесь вы без труда найдете подходящие для работы студии. Вам также необходимо нанять самых лучших звукооператоров. Расходы на это предприятие меня совершенно не волнуют. Самое главное, чтобы все было как следует организовано и чтобы мы могли работать в обстановке полнейшей секретности до того момента, когда все наши записи и все наши видеофильмы будут полностью готовы, так же как и книга, которую я собираюсь написать.

В конце концов в предвкушении успеха и богатства у нее закружилась голова. Рука, делавшая пометки в блокноте, двигалась все быстрее и быстрее.

О чем я думал, когда говорил ей все это? О своем беспрецедентном бунте, о вызове, который намеревался бросить всем живущим в этом мире себе подобным.

– Теперь еще несколько слов о видеофильмах, – продолжил я. – Вы должны найти таких режиссеров, которые сумеют воплотить мой замысел. Все фильмы должны быть последовательно связаны между собой. В них будет рассказана история, которая станет сюжетом моей будущей книги. А песни, во всяком случае большую их часть, я уже написал. Вам следует раздобыть самые лучшие инструменты – синтезаторы, электрогитары, скрипки, звукозаписывающую аппаратуру высшего качества. Остальные детали мы обсудим позже. Дизайн костюмов для вампиров, политика нашей презентации на рок-телеканалах, организация нашего первого появления в Сан-Франциско – обо всем этом поговорим в свое время. А сейчас ваша задача – позвонить кому следует и получить всю необходимую для начала работы информацию.

Лишь после того, как первые соглашения были достигнуты и все необходимые подписи были получены, я вновь появился перед музыкантами группы «Бал Сатаны». Даты были определены, студии арендованы и договоры заключены.

В огромном лимузине, предназначенном для моих дорогих рок-музыкантов Ларри, Алекса и Таф Куки, вместе со мной на этот раз приехала и Кристина. С собой мы привезли умопомрачительную сумму денег и бумаги, которые они должны были подписать.

На тихой улочке в Садовом квартале под сонными дубами я разлил по сверкающим хрустальным бокалам шампанское.

– За «Вампира Лестата»! – пели мы при свете луны.

Такое название получила наша группа, так будет называться и моя будущая книга. Таф Куки обвила нежными ручками мою шею, и, окутанные винными парами, мы с ней нежно поцеловались под одобрительные всплески смеха. О, этот восхитительный запах невинной крови!

Когда они наконец уехали в шикарном, обитом бархатом автомобиле, я медленно побрел в одиночестве сквозь непроглядную вечернюю тьму по направлению к Сент-Чарльз-авеню, размышляя по пути о тех опасностях, которые ожидали моих юных смертных друзей.

Конечно же, угроза исходила не от меня. Но как только завершится долгий период строжайшей секретности, они, столь наивные и невежественные, окажутся на виду у всех, в центре всеобщего внимания, рядом со своим зловещим и безрассудным солистом – порочной рок-

звездой. Что ж, я окружу их телохранителями и разного рода прихлебателями на все случаи жизни. Насколько это будет в моих силах, я буду охранять их от других бессмертных. И если вампиры хоть в какой-то степени похожи на тех, кого я знал в былые времена, они никогда не унизятся до вульгарной драки со смертными.

Оказавшись на оживленной улице, я прикрыл глаза очками с зеркальными стеклами. Дальнейший путь по Сент-Чарльз-авеню я проделал в старом дребезжащем автобусе.

Потом, пройдя сквозь заполнившие улицу в этот вечерний час толпы народа, вошел в элегантно оформленный двухэтажный книжный магазин, называвшийся «Книги де Вилле». Здесь я нашел небольшую книжку в бумажной обложке – «Интервью с вампиром».

Не сводя с нее взгляда, я размышлял о том, сколько еще мне подобных могли видеть эту книгу. Смертные в данный момент меня не интересовали, ибо они считали ее фабулу не более чем вымыслом. Но вампиры! Если вообще существует хоть один закон, о котором можно сказать, что вампиры соблюдают его свято, то закон этот гласит: «Никогда ни одному смертному ты не должен рассказывать о нас».

Ты не имеешь права раскрывать наши «тайны и секреты» никому, за исключением тех, кого намереваешься наградить Темным Даром и нашей властью. Не имеешь права называть имена других бессмертных. Не должен никому указывать возможное местоположение их тайных убежищ.

Мой возлюбленный Луи, от лица которого ведется повествование в «Интервью с вампиром», нарушил все эти запреты. Тем самым он совершил преступление гораздо более тяжкое, чем я. Я открыл свой маленький секрет рок-музыкантам. Он же поведал обо всем сотням тысяч читателей. Ему осталось только нарисовать карту Нового Орлеана и пометить на ней крестиком то место, где я спал все это время. Хотя трудно сказать, что именно было ему известно и каковы были его истинные намерения.

Как бы то ни было, но, чтобы наказать за содеянное, все остальные, несомненно, стали охотиться за ним. Существует множество способов уничтожения вампиров – особенно теперь. Если же Луи все еще жив, то он изгой в обществе нам подобных и ему постоянно угрожает серьезная опасность – опасность, какую не может представлять для него ни один смертный.

Следовательно, у меня есть еще одна веская причина как можно скорее обеспечить славу и популярность своей книге и рок-группе «Вампир Лестат». Кроме того, я должен был найти Луи. Мне необходимо было поговорить с ним. По правде говоря, после того как я прочел изложение его версии происшедших событий, я почувствовал, что нуждаюсь в нем. Мне недоставало его романтических иллюзий и даже его непорядочности, его озлобленности, прикрытой светскими манерами, обманчиво мягкого звука его голоса и просто присутствия рядом.

Я, конечно же, ненавидел Луи за всю ту ложь, которую он наговорил обо мне. Однако моя любовь была гораздо сильнее ненависти. Мы провели с ним вместе наиболее мрачные и одновременно самые романтические годы в девятнадцатом веке; ни один бессмертный не был мне лучшим компаньоном, чем он.

Именно ради него жаждал я написать свой роман. Не как ответ на ту злобу, которую он выплеснул на меня в «Интервью с вампиром», но как рассказ обо всем, что я знал и что происходило со мной до того момента, когда мы с ним встретились. Мне хотелось поведать ему о том, о чем я не мог рассказать ему раньше.

Старые запреты не имели для меня никакого значения.

Я собирался нарушить все законы. Я хотел, чтобы моя группа и моя книга заставили выйти на поверхность не только Луи, но и других демонов – всех, кого я когда-то знал и любил. Я жаждал вновь обрести всех, кого некогда потерял, пробудить ото сна тех, кто, подобно мне, спал все эти годы.

Совсем еще неопытные и патриархи, красивые и злобные, безумные и бессердечные – все они последуют за мной, едва лишь увидят наши клипы и услышат наши записи, едва лишь взгляд их упадет на обложку моей книги, выставленной в витрине книжного магазина. Они будут знать, где следует искать меня. Я стану Лестатом – суперзвездой рока. Достаточно будет приехать в Сан-Франциско и прийти на мой первый концерт. Я буду там.

Была еще одна причина, заставившая меня ввязаться в такого рода предприятие, – причина, таящая в себе весьма серьезную опасность, восхитительная и безумная.

Я не сомневался, что Луи поймет меня. Ибо та же причина заставила его дать это интервью, сделать подобные признания. Я хотел, чтобы смертные узнали о нашем существовании. Хотел объявить о нашем присутствии в мире так же, как сделал это перед Алексом, Ларри, Таф Куки и моим прекрасным адвокатом Кристиной.

То, что они мне не поверили, не имело ровным счетом никакого значения. Пусть думают, что это всего лишь игра. Важно то, что после двухвекового одиночества и изоляции я вновь оказался среди смертных! Я мог произносить свое имя вслух! Я признался в том, кто я на самом деле! Я вернулся в реальный мир.

И все же я пойду гораздо дальше, чем Луи. Его рассказ при всей своей необычности воспринимался как вымысел. В мире смертных это было так же безопасно, как и живые картины, представляемые в старинном парижском Театре вампиров, где на удаленной от публики полутемной сцене злодеи прикидывались актерами, игравшими роли злодеев.

Я же появлюсь на ярко освещенной сцене, перед телекамерами, и буду касаться своими ледяными пальцами тысяч и тысяч протянутых ко мне теплых человеческих рук. Я разверзну перед ними адскую бездну, при виде которой они придут в ужас, я очарую их и, насколько это будет возможно, открою им правду.

И если предположить… только предположить, что случится, когда в городе резко увеличится количество трупов и люди из моего ближайшего окружения неизбежно начнут строить предположения и постепенно укрепляться в своих подозрениях… Если допустить, что искусство вдруг перестанет быть искусством и превратится в реальность!

Что, если они действительно поверят, поймут наконец, что в мире по-прежнему живут древние демонические существа – вампиры? Какая же великая и славная битва может тогда начаться!

О нас узнают все, за нами станут охотиться и в этих сверкающих и по-своему диких городах с нами будут бороться так, как не боролись еще ни с одним чудовищем.

Меня приводила в восхищение сама мысль об этом. Разве не стоило ради этого подвергнуть себя величайшей опасности и потерпеть сокрушительное поражение? Даже в самый разрушительный момент я останусь живым как никогда.

Честно говоря, я не думал, что до этого когда-либо дойдет – то есть что люди поверят в реальность нашего существования. Я никогда не боялся смертных.

Вскоре должна начаться совсем другая война – битва, в которой мы сойдемся вместе. Либо все восстанут против меня одного.

Вот в этом и состояла главная причина создания «Вампира Лестата». Вот в какую игру собирался я вступить.

Если же говорить о чудесной возможности устроить настоящий бунт и вселенскую катастрофу… что ж, сама мысль об этом делала жизнь значительно интереснее…

Пройдя по темной Кэнал-стрит, я вернулся к своему старомодному отелю во Французском квартале и поднялся по ступенькам. Здесь было очень тихо и спокойно, что меня вполне устраивало. Окна выходили на Вьё-Карре, за которой тянулись узкие, в стиле испанских городов, улочки, знакомые мне с незапамятных времен.

Я включил огромный телевизор и поставил видеокассету с великолепным фильмом Висконти «Смерть в Венеции». В какой-то момент один из героев говорит, что зло является своего рода необходимостью. Он утверждает, что оно служит пищей для гениев.

Я этому не верю. Но мне хотелось бы, чтобы это было правдой. Тогда я мог бы быть просто Лестатом, чудовищем… А уж чудовище из меня отменное! Ну да что об этом…

Вставив чистую дискету в портативный компьютер, я начал писать историю своей жизни.

Юность, воспитание и приключения вампира Лестата

Часть I
Появление Лелио

Глава 1

Мне шел двадцать первый год. Однажды зимой я сел на лошадь и в одиночестве отправился в путь, намереваясь уничтожить стаю волков.

Дело происходило во владениях моего отца во Франции, в провинции Овернь. Шли последние десятилетия перед Великой французской революцией.

Такой ужасной зимы на моей памяти еще не было, а волки постоянно воровали овец у наших крестьян и по ночам даже бегали по улицам деревни.

Для меня это было очень тяжелое время. Я являлся седьмым по счету и самым младшим из троих оставшихся в живых сыновей маркиза – такой титул носил мой отец. Я не мог претендовать ни на титул, ни на земли и не имел никаких перспектив. Подобная судьба зачастую была уготована младшим сыновьям даже в очень богатых семьях, а благосостояние нашей семьи давно ушло в прошлое. Мой старший брат Августин, который по закону должен был унаследовать все наше имущество, едва успев жениться, тут же промотал небольшое приданое своей жены.

Замок моего отца, окружавшее его поместье и расположенная рядом деревня составляли для меня весь мир. От рождения я был очень непоседлив, мечтателен и вечно всем недоволен. Мне не нравилось сидеть у камина и рассуждать о войнах прежних лет и временах «короля-солнце». История для меня не имела никакого значения.

Этот мрачный, живущий по старинным законам мир сделал меня охотником. В случае необходимости я приносил домой фазанов, оленину и пойманную в горных реках форель и таким образом кормил всю семью. Со временем сей образ жизни стал для меня привычным, мне не приходилось разделять его ни с кем, что меня вполне устраивало. А кроме того, если бы не я, вся наша семья могла бы умереть с голоду.

Охота на собственных наследственных землях считалась привилегией людей благородного сословия, и, кроме нас, заниматься ею никто не имел права. Даже самый богатый буржуа не смел поднять ружье в моих лесах. Хотя он в этом и не нуждался. У него были деньги.

Дважды пытался я избавиться от такой жизни. И оба раза меня заставляли вернуться к ней, словно птицу со сломанными крыльями. Но об этом я расскажу после.

А в данный момент я думал о снеге, покрывшем горы вокруг, и о волках, наводивших страх на крестьян и воровавших моих овец. А еще о том, что провинция Овернь с незапамятных времен совершенно справедливо считается одной из самых отдаленных.

Если учесть, что я все же был господином, причем единственным из господ, кто способен был держаться в седле и умел стрелять, становится понятным, почему именно ко мне обратились крестьяне со своими жалобами на волков, почему именно от меня ждали они помощи и надеялись, что я смогу расправиться с этими зверями. Это входило в мои обязанности.

Я не испытывал совершенно никакого страха перед волками. За всю свою жизнь я ни разу не слышал, чтобы волки напали на человека. Я мог бы просто отравить их, но существовала опасность, что мясо тоже пропитается ядом. А мясо было слишком ценным продуктом, чтобы портить его таким образом.

Итак, ранним январским утром я вооружился, намереваясь одного за другим убить всех волков. У меня было три кремневых ружья и великолепная кремневая винтовка. Я взял их с собой, прихватив также свои мушкеты и отцовскую шпагу. Кроме того, в последний момент я решил пополнить свой маленький арсенал еще кое-каким древним оружием, которым никогда прежде не пользовался.

В нашем замке было очень много старинного вооружения. Еще со времен Крестовых походов Людовика Святого мои предки принимали участие во множестве великих войн. А потому, помимо прочего хранившегося в замке старья, на стенах висело великое множество древних боевых мечей, копий и пик, а также булав и цепов.

В то утро я взял с собой огромную булаву – шар с торчавшими во все стороны острыми шипами – и большой цеп – прикрепленный к цепям железный шар, который можно было с неимоверной скоростью и силой опустить на голову противника.

Не забывайте, что это все происходило в восемнадцатом веке, в те времена, когда парижане носили белоснежные парики, изящно ступали в атласных туфлях, презрительно смотрели на тех, кто нюхал табак, и прижимали к носу вышитые носовые платочки.

А теперь представьте себе меня, собравшегося на охоту: сапоги из сыромятной кожи, плащ из оленьей шкуры, привязанное к седлу старинное оружие и два самых крупных мастифа в ошейниках с шипами.

Таков был мой образ жизни. Точно так же я мог жить и в Средние века. Я очень остро чувствовал это и переживал, ибо не раз встречал на почтовых дорогах нарядно одетых путешественников. Столичная знать презрительно называла нас, провинциальных землевладельцев, «зайчатниками». Мы тоже, конечно же, могли сколько угодно смеяться над ними и обзывать «королевскими лакеями». Наш замок стоял уже тысячу лет, и даже великому кардиналу де Ришелье в то время, когда он вел борьбу с представителями нашего сословия, не удалось разрушить эти древние башни. Но, как я уже говорил, история меня мало интересовала.

Поднимаясь в горы, я был зол и чувствовал себя несчастным.

Я жаждал сразиться с волками. Если верить крестьянам, стая состояла из пяти зверей, а у меня были прекрасные ружья и два пса, способных перекусить своими мощными челюстями волчьи хребты.

Уже более часа я поднимался по горным склонам. Наконец я достиг небольшой долины, которую, насколько мне было известно, не мог засыпать никакой снегопад. Через обширное пустое пространство я направился к голому в это время года лесу, и тут до меня донесся вой первого волка.

Через секунду завыл второй волк, потом еще один и еще… и вскоре их голоса слились в единый мощный хор. Я не мог определить, сколько их было в стае, понял лишь, что они меня увидели и подавали сигналы друг другу, призывая всех собраться вместе. Именно на это я и рассчитывал.

Не могу сказать, что в те минуты я испытывал страх. Но ощущения были такими, что волосы у меня встали дыбом. На всем огромном, казавшемся пустым пространстве я был совершенно один. Я приготовил ружья и приказал собакам прекратить рычать и следовать за мной. В голову мне закралась смутная мысль, что лучше бы мне побыстрее уйти с открытого места и спрятаться в лесу.

Собаки предупреждающе и тревожно залаяли. Оглянувшись через плечо, в нескольких сотнях ярдов позади я увидел волков, несущихся по снегу в мою сторону. Три огромных волка двигались в ряд.

Я помчался к лесу.

Мне казалось, что я без труда успею до него добраться, прежде чем волки меня настигнут. Но я не учел того, что волки – животные чрезвычайно умные. Пока я скакал, остальные представители стаи – пять матерых волков – оказались впереди меня, отрезая мне путь слева.

Это была засада, и я понял, что мне не удастся вовремя достичь леса. В стае было восемь волков, а не пять, как утверждали крестьяне.

Даже в тот момент у меня не хватило здравого смысла, чтобы испугаться. Мне и в голову не пришло, что эти огромные звери голодны, ибо в противном случае они никогда не появились бы в деревне. Их естественная терпимость по отношению к человеку полностью исчезла.

Я приготовился к сражению. Прикрепив к ремню цеп, я поднял ружье и прицелился. Уложив в нескольких ярдах от себя матерого самца, я стал перезаряжать ружье, в то время как собаки и волки сцепились между собой.

Из-за шипов на ошейниках волкам не удавалось вонзить клыки собакам в шею. В первые же минуты этой всеобщей свалки псы с помощью мощных челюстей завалили одного из волков. Я выстрелил и уложил другого.

Но стая уже окружила собак. Я делал выстрел за выстрелом, стараясь перезаряжать ружья как можно быстрее и целиться как можно точнее, чтобы не попасть в собак, как вдруг увидел, что та из них, которая была поменьше, рухнула в снег с переломанными задними лапами. Снег окрасился кровью. Звери накинулись на умирающего пса, и второму удалось выбраться из общей кучи. Однако через пару минут волки вновь на него набросились, вспороли бедняге брюхо и убили его.

Как я уже говорил, мои мастифы были животными очень мощными и крепкими. Я сам вырастил и выдрессировал их. Каждый весил более двухсот фунтов. Я всегда брал их с собой на охоту и, хотя сейчас я называю их просто собаками, всегда звал псов только по именам. Увидев, как они погибли у меня на глазах, я наконец понял, в какую сложную ситуацию попал и что может произойти дальше.

Все это случилось за несколько минут.

Четыре волка были убиты. Еще один лежал покалеченный. Но оставались еще три зверя, один из которых отвлекся от кровавой трапезы, перестал рвать на части собаку и, скосив глаза, пристально смотрел на меня.

Я выстрелил из винтовки, промахнулся, выстрелил из мушкета, но в тот момент, когда волк бросился на меня, лошадь моя попятилась.

Остальные волки, как по команде, прекратили терзать свои жертвы. Резко дернув повод, я пустил лошадь мчаться во весь опор в сторону спасительного леса.

Я слышал позади себя яростное рычание и лязг звериных зубов, но ни разу не обернулся. Но вдруг почувствовал, как волчьи зубы вцепились в мою лодыжку. Выхватив еще один мушкет, я повернулся налево и выстрелил. Мне показалось, что волк вдруг резко встал на задние лапы, однако почти мгновенно он исчез из виду, а моя кобыла неожиданно остановилась. Я едва не упал. Задние ноги лошади подкосились.

Мы были почти у самого леса, и я успел соскочить с лошади, прежде чем она рухнула на землю. У меня оставалось еще одно заряженное ружье. Повернувшись и держа его для верности обеими руками, я тщательно прицелился в готового броситься на меня волка и снес ему верхнюю половину башки.

Теперь хищников осталось двое. Лошадь издавала тяжелые стоны, которые затем переросли в мучительный крик, – ничего более жуткого мне не доводилось слышать за всю мою жизнь. На нее набросились два оставшихся волка.

Я стрелой помчался по снегу, чувствуя ногами скрытую под ним твердую мерзлую землю. Мне необходимо было как можно скорее добраться до деревьев. Если я успею перезарядить ружье, то смогу пристрелить волков оттуда. Но вокруг не было ни одного дерева с ветками, которые росли бы достаточно низко, чтобы я мог ухватиться за них.

Я подпрыгнул, пытаясь достать до сука, однако ноги скользнули по обледенелому насту, и я упал на спину. Волки были совсем рядом. Времени, чтобы перезарядить единственное

остававшееся у меня ружье, не было. Теперь вся надежда на цеп и на шпагу, потому что булаву я где-то потерял.

Пока я с трудом поднимался на ноги, мысли в голове у меня лихорадочно крутились. Я понимал, что могу погибнуть. Но не допускал даже мысли о том, чтобы сдаться. Я обезумел, можно сказать, озверел до такой степени, что сам едва не рычал. Повернувшись лицом к волкам, я пристально посмотрел в глаза тому, который оказался ближе ко мне.

Широко расставив ноги для большей устойчивости, я взял в левую руку цеп, а правой выхватил шпагу. Волки остановились. Передний в свою очередь внимательно посмотрел на меня, потом пригнул к земле голову и осторожно сделал несколько шагов в сторону. Второй в это время словно ожидал какого-то невидимого мне сигнала. Первый снова устремил на меня неподвижный взгляд и вдруг бросился вперед.

Я принялся размахивать цепом таким образом, чтобы шар с шипами описывал вокруг меня круги. Я отчетливо слышал собственное хриплое дыхание и чувствовал, что колени мои сами собой сгибаются, будто готовясь к прыжку. Нацелив цеп в челюсть волку, я взмахнул им изо всех сил, но лишь слегка задел волчью голову.

Волк отскочил прочь, а второй тем временем бегал вокруг меня, то приближаясь, то вновь отпрыгивая. Потом оба хищника стали крутиться возле меня на расстоянии достаточно близком, чтобы заставить меня размахивать шпагой и цепом, но каждый раз волки успевали вовремя отбежать.

Не знаю, сколько времени это продолжалось, однако в конце концов я понял их стратегию. Они намеревались измотать меня, а у них самих сил оставалось вполне достаточно. Для них это было не более чем игрой.

Я вертелся во все стороны, бросался вперед и снова отступал, иногда чуть не падал на колени. Думаю, все это продолжалось не более получаса, но в той ситуации время нельзя было измерять обычными мерками.

Вскоре я уже едва держался на ногах, а посему решился на последний отчаянный шаг. Опустив оружие, я неподвижно замер на месте. Надежды мои оправдались – волки подошли совсем близко, уверенные в том, что на этот раз им наконец удастся убить меня.

В последнюю секунду я резко взмахнул цепом и почувствовал, как под ударом железного шара хрустнули кости. Волк вздернул вверх голову, и я тут же полоснул по его шее шпагой.

Второй волк был уже возле меня. Я ощутил, как зубы его вцепились в мои бриджи, еще секунда – и он разорвет мне ногу. Ударив клинком, я рассек ему морду, попав заодно по глазу, а спустя мгновение на волчью голову опустился железный шар цепа. Зверь разжал челюсти. Отпрыгнув назад, я получил возможность снова замахнуться шпагой и на этот раз всадил ее волку в грудь по самую рукоятку, а потом выдернул обратно.

Битва была окончена.

Волчьей стае пришел конец, а я остался жив.

Тишину, царившую на огромном пустом заснеженном пространстве, нарушало теперь лишь мое тяжелое прерывистое дыхание да издалека доносились пронзительные вопли несчастной подыхающей кобылы.

Почуяв мое приближение, она сделала отчаянную попытку подняться на передние ноги и вновь издала жалобный, полный боли и муки крик, который отразился от гор и достиг, казалось, самих небес. Я продолжал стоять, глядя на ее искалеченное туловище, черневшее на фоне ослепительно-белого снега, на ее неподвижные задние ноги и на судорожно дергавшиеся в тщетных попытках подняться передние, на задранную кверху голову с прижатыми ушами и на закатывающиеся огромные наивно-невинные глаза. Она походила на полураздавленное насекомое. Однако она не была насекомым. Она была моей страдающей, но не желавшей сдаваться кобылой. Она вновь попыталась встать.

Сняв с седла ружье, я медленно зарядил его. И в то время как она продолжала мотать головой и одну за другой предпринимать тщетные попытки подняться, я выстрелил ей прямо в сердце.

Теперь ее муки закончились. Она была мертва и неподвижно лежала на снегу, который постепенно окрашивался потоком льющейся из ее тела крови. Вокруг стояла гробовая тишина. Меня трясло как в лихорадке. Вдруг я услышал какой-то странный сдавленный звук и увидел на снегу рвотные массы, не сразу осознав, что и то и другое принадлежало мне. Воздух вокруг был напоен запахом волков и крови. Попытавшись сдвинуться с места, я чуть не рухнул.

И все же я продолжал, не останавливаясь, двигаться вперед, мимо уничтоженных мною волков, пока наконец не дошел до того, который едва не убил меня и которого я заколол последним. Взвалив его на плечи, я побрел по направлению к дому.

Обратный путь занял, наверное, около двух часов.

Но так это или не так, я опять же не знаю точно. Пока я шел, я снова и снова вспоминал и переживал все, что происходило со мной во время сражения с волками. Каждый раз, когда я спотыкался и падал, внутри меня словно что-то застывало, мне становилось все хуже и хуже.

К тому времени, когда я достиг наконец ворот замка, мне казалось, что я перестал быть Лестатом. Уже не я, а кто-то совершенно другой, пошатываясь, вошел в большой зал, неся на плечах остывшую тушу огромного волка. Неожиданно яркий свет огня в камине раздражающе действовал на мои глаза. Я был измотан до предела.

Я увидел, как навстречу мне встали из-за стола мои братья, как мать успокаивающе похлопывает по руке слепого отца, с тревогой спрашивающего, в чем дело. Я даже начал было объяснять им что-то, но что именно я в тот момент говорил, я не помню, знаю только, что голос мой звучал совершенно ровно и изложение событий было предельно простым.

«А потом… А потом…» – что-то в этом роде.

Неожиданно мой брат Августин вернул меня к действительности. Он подошел ко мне, и его силуэт четко возник на фоне огня, горевшего в камине. Холодным и резким голосом он прервал мою монотонную речь:

– Врешь, негодяй! Ты не мог уничтожить восемь волков! – На лице его явственно читалось отвращение.

Однако самое примечательное состояло в другом: едва эти слова слетели с его губ, он вдруг понял, что совершил ошибку.

Возможно, причиной тому послужило выражение моего лица. А может быть – возмущенный шепот матери или молчание моего второго брата. Как бы то ни было, на его лице почти мгновенно возникло выражение полнейшего замешательства.

Он стал бормотать о том, что все это просто уму непостижимо, что я мог погибнуть, что слугам, наверное, следует сейчас же разогреть для меня бульон и так далее в том же духе. Однако все его усилия оказались тщетными. В тот краткий миг случилось нечто такое, что исправить было уже нельзя. Следующее, что осталось в моей памяти, – это как я лежу один в своей комнате. На моей кровати не спали собаки, как это всегда бывало прежде. Теперь они были мертвы. Несмотря на то что огонь в камине не горел, я, как был – грязный и окровавленный, забрался под одеяло и провалился в глубокий сон.

Много дней не выходил я из своей комнаты.

Августин приходил ко мне и рассказал, что крестьяне поднялись в горы, нашли там убитых волков и принесли их в замок. Но я даже не удостоил его ответом.

Прошло, наверное, около недели. Как только я почувствовал, что способен выносить присутствие других собак, я отправился на псарню и привел оттуда двух уже достаточно больших щенков, чтобы они составили мне компанию. Ночью они спали по обе стороны от меня.

Слуги входили и выходили, но никто из них не отваживался меня побеспокоить.

Но однажды ко мне в комнату бесшумно и едва ли не крадучись вошла моя мать…

Глава 2

Был уже вечер. Я сидел на кровати, рядом со мной удобно вытянулся один из щенков, другой пристроился возле моих ног. В камине ярко пылал огонь.

Наверное, следовало ожидать, что мать наконец-то меня навестит.

Несмотря на полумрак, я тотчас же узнал свойственную только ей одной манеру двигаться и не произнес ни слова, хотя любому другому, кто посмел бы войти сейчас ко мне, я немедленно приказал бы убираться вон.

Я любил ее беззаветно и безгранично, как никого и никогда во всем мире. Одним из наиболее привлекательных ее качеств было для меня то, что она никогда не произносила ничего обыденного.

«Закрой дверь», «ешь суп», «сиди спокойно» – ничего подобного ни разу не слетело с ее губ. Она очень много читала. По правде говоря, она была единственной в нашей семье, кто получил хоть какое-то образование. И если уж она говорила что-то, это было действительно достойно того, чтобы слушать. Вот почему я не чувствовал тогда на нее обиды.

Напротив, во мне проснулось любопытство. Что хочет она мне сказать и сумею ли я понять ее, будет ли мне интересно ее слушать? Я не звал ее, я даже не думал о ней, я даже не повернулся ей навстречу, продолжая смотреть на огонь в камине.

Но между нами существовало полное взаимопонимание. Когда после неудачной попытки убежать из дома меня вернули обратно, именно она помогла мне преодолеть мучившую меня душевную боль. Она творила для меня чудеса, хотя никто вокруг этого не замечал.

Впервые она решительно вмешалась в мою жизнь, когда мне было двенадцать лет и старенький приходский священник, который учил меня читать наизусть стихи и немного разбираться в латыни, предложил послать меня в школу при соседнем монастыре.

Мой отец решительно отказался, заявив, что я могу научиться всему необходимому в собственном доме. И тогда мать оторвалась от своих книг и вступила с отцом в решительную и яростную битву. Она сказала, что, если я сам того хочу, я непременно поеду в школу. Чтобы купить мне книги и одежду, она продала одну из своих драгоценностей. Эти драгоценности достались ей по наследству от бабушки-итальянки, и каждая из них имела свою историю. Вот почему ей непросто было решиться на такой шаг, но тем не менее она сделала это не раздумывая.

Мой отец очень рассердился и сказал, что, случись нечто подобное в то время, когда он еще был зрячим, он непременно сумел бы настоять на своем. Мои братья заверили его, что отсутствие младшего сына не будет долгим, что я примчусь домой, как только меня заставят делать что-либо против моей воли.

Они ошиблись – я и не мыслил о возвращении домой. Мне очень нравилось учиться в монастырской школе.

Мне нравились часовня и песнопения, библиотека, где хранились тысячи книг, колокольный звон, разделявший на части дни, ежедневно повторявшиеся обряды. Меня восхищала царившая повсюду чистота, всепоглощающее ощущение того, что все здесь находится на своих местах и содержится в образцовом порядке, что в огромном доме и в саду всегда можно найти себе занятие.

Когда мне делали замечание, что, надо сказать, случалось не так уж и часто, я испытывал восторженное чувство, вызванное тем, что впервые в моей жизни кто-то действительно пытается вырастить из меня хорошего человека и верит в мои способности.

Через месяц я объявил о том, что нашел свое призвание. Я хотел вступить в члены ордена, собираясь провести всю жизнь среди безупречной чистоты, царствовавшей по эту сторону монастырских стен, в библиотеке, где я мог писать на пергаменте или учиться читать древние

книги. Я намеревался навсегда остаться с теми, кто верил, что при желании я могу стать хорошим человеком.

Самое удивительное, что меня там любили. Окружающие не сердились на меня, я их не раздражал.

Узнав о моем решении, отец настоятель немедленно написал моему отцу, чтобы испросить у него разрешения. Откровенно говоря, я был уверен, что отец будет рад возможности избавиться от меня.

Но через три дня приехали мои братья, чтобы забрать меня домой. Я плакал, умолял оставить меня в монастыре, но отец настоятель был бессилен что-либо сделать.

Как только мы возвратились в замок, братья отобрали все мои книги и посадили меня под замок. Я не в силах был понять причину их гнева. Я догадывался, что в какой-то момент повел себя глупо. Меряя шагами комнату из угла в угол, я беспрестанно плакал, стуча кулаками обо все, что попадалось под руку, и барабаня в дверь.

Потом меня стал навещать мой брат Августин, чтобы побеседовать со мной. Поначалу он ходил вокруг да около, но постепенно выяснилось, что ни один представитель столь знатной семьи французских дворян никогда не станет бедным учительствующим монахом. Как случилось, что я не смог понять такую простую вещь? Меня послали туда, чтобы я научился читать и писать. Почему же меня вечно тянет на крайности? Почему я всегда, словно дикарь, подчиняюсь только своим инстинктам?

Даже если говорить о реальных перспективах в лоне церкви – ведь я младший сын в семье. Разве не так? Следовательно, я должен подумать о своих обязанностях по отношению к племянникам и племянницам.

Короче, все его речи сводились к следующему: у нас нет денег, чтобы обеспечить тебе достойную карьеру священнослужителя, добиться для тебя сана епископа или кардинала, как того требует наше происхождение. Стало быть, ты обречен провести свою жизнь здесь, оставаясь неучем и нищим. А теперь ступай в большой зал и поиграй с отцом в шахматы.

Когда до меня наконец дошел весь трагизм моего положения, я разрыдался прямо за ужином, бормоча себе под нос слова, которые в моей семье никто не способен был понять, – о «хаосе», царящем в нашем доме.

Позже ко мне пришла мать.

– Ты не знаешь, что такое хаос, – сказала она. – Как же ты можешь употреблять подобные слова?

– Нет, знаю, – ответил я и стал говорить ей о грязи и упадке, царящих повсюду, рассказывать о том, как было хорошо и чисто в монастыре, об упорядоченной жизни его обитателей и о том, что при желании каждый может там хоть чего-то добиться.

Она не стала спорить со мной. Несмотря на свою молодость, я все же сумел почувствовать, что к моим словам она отнеслась с удивительной теплотой. На следующий день она взяла меня с собой в поездку.

Наше путешествие длилось приблизительно полдня. Наконец мы подъехали к великолепному особняку, принадлежавшему одному из наших соседей-землевладельцев, и хозяин его вместе с моей матерью повели меня на псарню, где предложили выбрать щенков из недавно появившегося на свет помета мастифов.

Мне никогда не приходилось видеть ничего более красивого и трогательного, чем эти крохотные существа. А наблюдавшие за нами взрослые собаки напоминали огромных ленивых львов. Зрелище было просто восхитительным.

От волнения я даже не мог сделать свой выбор. Владелец этого сокровища посоветовал мне взять кобеля и суку и сам выбрал их для меня. Всю дорогу до дому я держал корзинку со щенками на коленях.

Через месяц мать купила мне первый в моей жизни кремневый мушкет и первую лошадь для поездок верхом.

Она никогда не объясняла причину своего поведения. Но у меня на этот счет было свое мнение. Я вырастил этих собак, сам дрессировал их, и они стали родоначальниками моей собственной псарни.

К шестнадцати годам я превратился в настоящего охотника и вместе с собаками практически все время проводил в полях.

Однако дома я по-прежнему оставался чужим. Никто не хотел слушать мои рассуждения о необходимости восстановления виноградников или возделывания заброшенных полей, о том, что следует наконец лишить наших арендаторов возможности постоянно нас обкрадывать.

Я был бессилен что-либо изменить. Однообразное течение жизни, медленное разрушение всего, что меня окружало, казались мне убийственными.

Пытаясь хоть чем-то нарушить монотонность существования, я каждый праздник ходил в церковь, а когда в деревне происходили ярмарки, проводил на них почти все свободное время, с удовольствием участвуя в обычно недоступных для меня развлечениях и созерцая представления, хотя бы на короткое время избавлявшие меня от ежедневной рутины.

Почти каждый год на ярмарках выступали одни и те же жонглеры, мимы и акробаты. Но для меня это не имело никакого значения. В любом случае это вносило хоть какое-то разнообразие в смену времен года и было лучше, чем бесконечные и пустые разговоры о былых временах и прежних победах.

В тот год, когда мне исполнилось шестнадцать лет, в наших краях появилась бродячая труппа итальянских актеров. Они путешествовали в раскрашенном фургоне, задняя часть которого служила им сценой. Ничего более прекрасного мне еще не приходилось видеть. Они разыгрывали старинную итальянскую комедию, героями которой были Панталоне, Пульчинелла и юные влюбленные Лелио и Изабелла, а также старый доктор. В этом представлении использовались все приемы старого театра.

Их выступления привели меня в полнейшее смятение. Мне еще не доводилось видеть такого насыщенного остроумием, живостью и жизнеутверждающей силой действа. Я был в восторге, даже несмотря на то, что иногда они произносили текст так быстро, что я не успевал понять смысл.

Когда представление закончилось и актеры собрали деньги, обойдя зрителей по кругу, я увязался за ними и в местном кабачке угостил их большим количеством вина, хотя такой жест был мне, честно говоря, не по средствам. Но мне очень хотелось поговорить с ними.

Меня переполняла невыразимая любовь к этим людям. Они объяснили мне, что у каждого актера есть постоянная роль, что они никогда не заучивают текст, а импровизируют прямо на сцене. Достаточно знать имя своего персонажа, понимать характер и заставлять его произносить именно то, что он должен, по вашему мнению, говорить в данный момент. В этом состояла главная основа такого рода театра.

Он назывался «комедия дель арте».

Я был буквально заворожен. Я влюбился в юную девушку, игравшую Изабеллу. Вместе с актерами отправился в вагончик и тщательно рассмотрел все костюмы и нарисованные декорации. А когда мы вновь пили в кабачке, они позволили мне исполнить роль юного возлюбленного Изабеллы Лелио и потом долго аплодировали, говоря, что у меня, несомненно, есть талант и что я вполне мог бы наравне с ними участвовать в представлениях.

Поначалу я подумал, что они просто льстят мне, но их слова звучали так искренне, что меня перестало заботить, являются ли они лестью на самом деле.

Когда на следующее утро их вагончик выезжал из деревни, он увозил и меня. Я спрятался в самой его глубине, прихватив с собой завернутую в одеяло одежду и несколько монет – все мои сбережения. Я собирался стать актером.

Должен напомнить вам, что в старинных итальянских пьесах Лелио непременно обладает привлекательной внешностью – ведь он, как я уже говорил, один из возлюбленных и играет свою роль без маски. Если при этом он не лишен достоинства и аристократических манер, тем лучше, ибо все эти качества являются частью его роли.

Актеры считали, что я обладаю всеми необходимыми данными. Они без промедления начали репетировать со мной, дабы я смог принять участие в ближайшем представлении. Накануне выступления я ходил вместе с ними по городу, призывая всех прийти и посмотреть нашу пьесу. Надо сказать, мне было очень интересно осматривать этот город, который был намного больше моей деревни.

Я был на седьмом небе от счастья. Однако ни само путешествие, ни подготовка к спектаклю, ни дружеские отношения с актерами не шли ни в какое сравнение с теми близкими к экстазу ощущениями, которые я испытал, когда впервые вышел на маленькую деревянную сцену.

Я неотступно преследовал Изабеллу. Во мне вдруг открылись такие способности к стихосложению и такое остроумие, каких я никогда в себе не подозревал. Я слышал, как голос мой эхом отражается от окружавших меня каменных стен. Слышал звучавший в ответ смех зрителей. Чтобы заставить меня наконец остановиться, моим товарищам пришлось утащить меня со сцены. И тем не менее они не сомневались в том, что мы имели огромный успех.

В ту ночь актриса, игравшая роль моей возлюбленной, по-своему совершила обряд моего посвящения. Последнее, что я слышал, засыпая в ее объятиях, были слова о том, что скоро мы приедем в Париж, выступим там на Сен-Жерменской ярмарке, а потом уйдем из труппы и станем работать на парижском бульваре Тамплиеров, до тех пор пока не сумеем попасть в «Комеди Франсез», где будем играть для Марии-Антуанетты и короля Людовика.

Наутро, открыв глаза, я не увидел ни ее, ни других актеров… Возле меня были лишь мои братья.

Я так никогда и не узнал, каким образом – подкупом или угрозами – им удалось заставить моих друзей бросить меня. Скорее всего, с помощью последнего. Как бы то ни было, меня снова вернули домой.

Конечно же, мой поступок привел в ужас всю семью. Желание двенадцатилетнего мальчика стать монахом еще простительно. Но театр нес на себе печать дьявола. Даже великому Мольеру было отказано в христианском погребении. А я посмел сбежать с шайкой оборванцев, с бродячими итальянскими актерами, да еще позволил им выкрасить белой краской мое лицо и играл вместе с ними на городской площади за деньги.

Меня жестоко избили, а когда я в ответ осыпал братьев всеми известными мне проклятиями, меня избили еще раз.

Наихудшим наказанием, однако, послужило мне выражение лица матери. Ведь даже ее не предупредил я о своем бегстве и тем самым очень обидел, чего никогда не случалось прежде.

Однако она никогда ни словом не обмолвилась о происшедшем.

Поднявшись ко мне в комнату, она застала меня в слезах. Да и ее глаза были влажными. И тут случилось нечто, чего я от нее никак не мог ожидать, – она положила мне на плечо руку.

Я не рассказал ей о том, что пережил за эти несколько дней. Думаю, она и без слов все понимала. Я безвозвратно утратил нечто волшебное и очень для меня дорогое. И вновь она проявила неповиновение и пошла против воли моего отца – она навсегда положила конец всякого рода обвинениям в мой адрес, наказаниям и ограничениям в отношении меня.

Она потребовала, чтобы за столом я сидел рядом с ней. Она беседовала со мной, что обычно не было ей свойственно, прислушивалась к моему мнению и в конце концов сумела победить и разрушить враждебное ко мне отношение со стороны других членов семьи.

И наконец, она продала еще одну из своих фамильных драгоценностей и купила для меня великолепное охотничье ружье, которое я и взял с собой в тот день, когда отправился сражаться с волками.

Оружие было настолько совершенным и дорогим, что мне, несмотря на горе и отчаяние, не терпелось поскорее опробовать его в деле. Мать сделала мне еще один бесценный подарок – холеную гнедую кобылу, такую сильную и быструю, каких мне не доводилось видеть прежде. Однако все это не сравнится с миром и душевным спокойствием, которые я обрел благодаря своей матери.

И все же меня не покидала запрятанная где-то в глубине моего сердца горечь.

Мне не забыть было тех ощущений, которые я испытывал, играя роль Лелио. Меня по-прежнему мучили воспоминания о случившемся, и никогда больше я не посещал деревенские ярмарки. Я смирился с мыслью о своей обреченности навсегда остаться в этих местах. Но самое странное состояло в том, что, по мере того как росло мое отчаяние, я приносил все больше и больше пользы семье и окружавшим меня людям.

К тому времени, когда мне исполнилось восемнадцать лет, я сумел внушить нашим слугам и арендаторам страх перед Господом. Я был единственным кормильцем в семье, мысль об этом приносила мне удовлетворение. Не знаю почему, но мне было приятно, сидя за столом, отмечать про себя, что все присутствующие едят плоды моего труда.

Все то, о чем я только что рассказал, тесно связало меня с моей матерью и подарило нам великую взаимную любовь, оставшуюся не замеченной окружающими и, пожалуй, такую, которой сами они никогда в жизни не знали.

И вот теперь мать пришла ко мне именно в тот момент, когда я сам себя не понимал и был не в состоянии переносить общество кого-либо еще.

Не отрывая взгляда от огня, я слышал ее шаги и чувствовал, как она подходит к моей кровати и садится рядом.

Стояла полная тишина, нарушаемая лишь потрескиванием поленьев в камине и ровным, глубоким дыханием спящих собак.

Когда я наконец искоса взглянул на мать, в душе у меня возникло смутное ощущение тревоги.

В течение всей зимы она беспрестанно кашляла и сейчас выглядела совершенно больной. Впервые в жизни я понял, что ее красота, которую я всегда так высоко ценил, не может быть вечной.

Лицо ее было худым, но высокие и довольно широкие скулы обладали тем не менее совершенной формой и казались очень нежными. Из-под густых пепельно-серых ресниц на меня смотрели ясные кобальтово-синие глаза.

Единственным недостатком можно было считать то, что все черты ее лица казались очень мелкими, отчего она по-прежнему походила на маленькую девочку. В минуты гнева глаза ее делались еще меньше, а нежный ротик казался суровым и твердым. Впрочем, уголки его никогда не опускались, и сами губы не имели обыкновения кривиться – уста ее всегда напоминали мне нежную розу. Когда же она сердилась, ее улыбка на фоне гладких и нежных щек по какой-то непонятной причине производила впечатление презрительной гримасы.

Даже сейчас, со слегка запавшими щеками и осунувшимся лицом, она казалась мне очень красивой. Да она и была по-прежнему прекрасна. Мне нравилось на нее смотреть, любоваться густыми светлыми волосами, которые, кстати, я унаследовал именно от матери.

Должен сказать, я вообще очень похож на нее, во всяком случае – внешне. Но мои черты в целом крупнее, грубее, а рот гораздо более подвижен и временами может быть очень чувственным. По моему внешнему виду вы легко можете заметить, что я обладаю чувством юмора,

способен на озорство и в любой момент готов разразиться истерическим хохотом. Эти качества были свойственны мне всегда, даже в самые тяжелые минуты жизни. Она же смеялась очень редко, а временами производила впечатление весьма холодной женщины. И все-таки ей всегда были присущи нежность и обаяние маленькой девочки.

Так вот, когда она присела ко мне на кровать, я стал внимательно, возможно даже чересчур пристально, присматриваться к ней, но она тут же заговорила.

– Я понимаю, что ты сейчас чувствуешь, – сказала она. – Ты всех их ненавидишь. И причина тому – все, что пришлось тебе пережить и что они не в силах понять. Они и представить себе не могут, что именно произошло с тобой там, в горах.

В ее словах чувствовалось какое-то холодное восхищение. Я продолжал молчать, но по моему виду она догадалась, что ее предположения были верны.

– Нечто подобное я чувствовала, когда рожала своего первенца, – продолжала она. – Мои мучения длились двенадцать часов, и все это время я находилась в плену невыносимой боли, сознавая, что избавить меня от нее может только рождение или смерть ребенка. Когда же наконец все было позади и на руках у меня лежал твой брат Августин, я никого не желала видеть возле себя. И отнюдь не потому, что считала окружающих виновными в своих страданиях. Все дело было в том, что мне пришлось испытать такие муки, пройти через все крути ада, в то время как им не довелось побывать в этом аду. Я вдруг почувствовала себя всеми покинутой. Казалось бы, вполне обычный акт зарождения новой жизни заставил меня понять истинное значение слова «одиночество».

– Да, да, именно так, – потрясенно отозвался я.

Она не ответила. Я бы удивился, поступи она по-другому. Мать сказала лишь то, ради чего пришла, и вовсе не собиралась вести со мной долгую беседу. Она, однако, положила мне на лоб руку, что тоже было для нее весьма необычным, а потом внимательно оглядела меня. Только тогда я вспомнил вдруг, что все это время на мне была испачканная кровью одежда, и осознал, как, должно быть, отвратительно я выгляжу.

Какое-то время она продолжала молчать.

Я сидел, глядя мимо нее на горевший в камине огонь, и мне хотелось так много сказать ей, особенно о том, как я ее люблю.

Но я не посмел это сделать. Слишком свежи были воспоминания о ее манере решительно прерывать меня, если я заговаривал с ней. В моем отношении к матери удивительно сочетались огромная любовь и величайшая обида.

Всю жизнь я видел ее за чтением итальянских книг, смотрел, как она пишет письма разным людям в Неаполь, где прошли ее детство и юность, но при этом у нее никогда не хватало терпения обучить меня или моих братьев алфавиту. Ничего не изменилось и после моего возвращения из монастыря. В двадцать лет я не умел ни читать, ни писать, за исключением разве что нескольких молитв и своего имени. Я ненавидел ее книги, меня выводила из себя ее погруженность в иной мир.

Где-то в глубине души я ненавидел даже мысль о том, что только невыносимая боль, которую я сейчас испытывал, оказалась способна вызвать в матери хоть какое-то подобие интереса и теплого чувства ко мне.

И все же она была моим единственным спасителем. Только она. А я так устал от одиночества! Наверное, подобные чувства человек может испытывать только в юности.

Сейчас она покинула стены библиотеки – своего постоянного убежища – и присоединилась ко мне. Она была добра и внимательна ко мне.

Когда я наконец понял, что она не встанет сию же минуту и не уйдет, я осмелился заговорить с ней.

– Матушка, – тихо сказал я, – это еще не все. До того как все это произошло, я временами испытывал ужасные чувства. – Лицо ее оставалось непроницаемым, и я продолжил: – Иногда

мне снилось, что я убиваю их всех. В своих видениях я убивал своих братьев и отца, я шел из комнаты в комнату и уничтожал их точно так же, как уничтожил волков. Я ощущал в себе непреодолимое стремление убивать…

– И я тоже, сынок, – ответила она. – И я тоже… – Она взглянула на меня, и лицо ее при этом осветилось очень странной улыбкой.

Я придвинулся к ней, наклонился ближе и, понизив голос, продолжал:

– Мне снится, что я кричу, когда это происходит, что лицо мое искажено гримасой, а из широко раскрытого рта вырываются дикие вопли и визг.

Она вновь понимающе кивнула, и мне показалось, что глаза ее освещены изнутри странным огнем.

– А когда я сражался с волками там, в горах, матушка… я испытывал примерно такие же ощущения.

– Только примерно? – спросила она.

Я кивнул:

– Когда я убивал волков, мне казалось, что это делаю не я, а кто-то другой. Даже сейчас я не могу с точностью сказать, кто именно сидит рядом с тобой – твой сын Лестат или тот, другой, – убийца.

В течение долгого времени мать не произнесла ни слова.

– Нет, – наконец вымолвила она, – волков убил именно ты. Ведь ты же охотник, воин. Твоя беда в том и состоит, что ты намного сильнее всех остальных, живущих здесь.

В ответ я лишь покачал головой. Да, ее слова таили в себе правду, но дело было совсем не в этом. Причина моих несчастий состояла совершенно в другом. Но какой смысл говорить об этом сейчас?

Мать на мгновение отвернулась, потом снова взглянула на меня.

– Но в тебе заключено не одно, а сразу несколько существ, – сказала она. – Ты одновременно и обыкновенный человек, и убийца. И ты не должен позволять убийце в себе одержать победу только лишь потому, что ты их ненавидишь. Ради возможности покинуть эти места ты не имеешь права взваливать на себя бремя убийства или безумия. Вне всяких сомнений, существуют и другие пути.

Ее последние слова потрясли меня до глубины души, ибо она сумела добраться до самой сути. Меня поразил вложенный в них смысл.

Меня никогда не покидало ощущение, что мне не удастся победить, оставаясь при этом добродетельным человеком. Быть великодушным и добрым означало потерпеть поражение. Разве что мне удастся найти какие-либо иные критерии добродетели.

Какое-то время мы сидели неподвижно и молча. Между нами возникла вдруг необычная даже для наших отношений близость. Мать не сводила взгляда с огня, поглаживая густые, уложенные кольцом на затылке волосы.

– Знаешь, какие мысли иногда приходят мне в голову? – спросила она. – Не столько о том, чтобы убить их, сколько о том, чтобы навсегда покинуть и таким образом заставить почувствовать, что такое полное пренебрежение их интересами. Мне представляется, что я все пью и пью вино, пока наконец не напиваюсь до такой степени, что полностью раздеваюсь и обнаженной купаюсь в горной реке.

Я едва сдержал смех. Однако моя веселость несла на себе некий отпечаток возвышенности. На какое-то мгновение мне вдруг показалось, что я неправильно понял ее слова. Но, внимательно вглядевшись в лицо матери, я убедился в том, что она говорила именно это и еще не закончила.

– А потом мне представляется, что я направляюсь в деревню, захожу в кабачок и приглашаю в свою постель первого встретившегося мне там мужчину – не важно, будет ли это неотесанный грубиян, старик или мальчик. Важно лишь, что я лежу в постели и одного за другим

принимаю мужчин, испытывая при этом восхитительное ощущение триумфа и совершенно не интересуясь тем, что происходит с твоим отцом и братьями, живы ли они еще. В такие минуты я словно становлюсь наконец собой и никому, кроме себя, не принадлежу.

От удивления и потрясения я совершенно лишился дара речи. И в то же время меня разбирал смех, едва лишь я представлял себе реакцию своих братьев, отца и самодовольных деревенских лавочников на подобное поведение матери. Ситуация казалась мне более чем забавной.

Не расхохотался я, должно быть, только лишь потому, что возникший перед моими глазами образ обнаженной матери сделал подобный смех неуместным. Но и спокойным я остаться не мог – я издал тихий смешок, и она с полуулыбкой кивнула в ответ, слегка приподняв брови и тем самым как бы подтверждая, что мы с ней легко понимаем друг друга.

В конце концов я не выдержал и разразился смехом, стуча себя кулаком по колену и ударяясь головой о деревянную спинку кровати. Мать тоже едва не расхохоталась, – быть может, она сделала это в душе.

Это был для меня удивительный момент. Странно было осознавать ее как обыкновенное человеческое существо вне всякой связи со всем, что ее окружало. Мы действительно хорошо понимали друг друга, и все мои обиды на нее в тот момент не имели никакого значения.

Она вытащила из волос шпильку, и они густой волной упали ей на плечи.

После этого мы еще около часа сидели молча. Не было ни смеха, ни разговоров – только пылающий в камине огонь и ощущение того, что она находится рядом.

Она повернулась так, чтобы огонь хорошо был виден ей, а я тем временем любовался ее точеным профилем и изящной формой губ и носа. Потом она вновь взглянула на меня и уже совсем другим, лишенным всяких эмоций, ровным тоном произнесла:

– Я уже никогда не смогу отсюда уехать. Я умираю.

Все пережитые мною ранее эмоции не шли ни в какое сравнение с тем потрясением, которое я испытал в этот момент.

– Я переживу весну и, может быть, лето. Но зиму мне уже не суждено пережить, – продолжала между тем мать. – В этом я совершенно уверена. Боль в легких слишком сильна.

– Матушка! – только и смог воскликнуть я, склоняясь к ней, и в голосе моем слышалось неподдельное страдание.

– Не нужно ничего говорить, – ответила она.

Мне даже показалось, что ей не нравится, когда я называю ее матушкой, но я ничего не мог с собою поделать.

– Мне просто необходимо было с кем-то поговорить об этом, – сказала она, – произнести эти слова вслух. Потому что эти мысли приводят меня в ужас. Я боюсь.

Мне очень хотелось взять ее за руку, но я знал, что она никогда не позволит мне сделать это. Она не любила, когда к ней прикасались. Сама она никогда никого не обнимала. Нас соединяли только взгляды, и мои глаза были полны слез.

– Тебе не следует много думать об этом, – промолвила она, похлопывая меня по руке. – Я и сама вспоминаю о своей болезни лишь время от времени. Однако ты должен быть готов к тому, что тебе когда-нибудь придется жить без меня. Возможно, это явится для тебя более тяжелым испытанием, чем может показаться сейчас.

Я попытался что-то сказать, но не смог вымолвить ни слова.

Она молча покинула комнату.

Хотя в разговоре мы ни разу не коснулись моих костюма, бороды и внешнего вида в целом, она прислала ко мне слуг с чистой одеждой, бритвой и теплой водой. Я безропотно отдался их заботам.

Глава 3

Силы мои несколько окрепли. Я почти не вспоминал о волках, и все мои мысли были заняты матерью.

Вспоминая ее слова об ужасе, который она испытывает, я не мог до конца понять их значение, но осознавал, что она сказала правду. Наверное, я тоже чувствовал бы нечто подобное, если бы знал, что медленно умираю. Схватка в горах с волками не шла с этим ни в какое сравнение.

Было еще нечто не менее важное. Всю жизнь она молчаливо сносила свое несчастье. Точно так же как и я, она ненавидела царившие вокруг нас инерцию и безнадежность. И вот теперь, родив восьмерых детей, из которых выжили лишь трое, она умирала сама. Конец ее был уже близок.

Я решил встать и покинуть свое убежище, надеясь, что сделаю ей приятное. Однако это оказалось не в моих силах. Я не мог вынести мыслей о ее близкой кончине. Поэтому я продолжал ходить из угла в угол по комнате, ел то, что приносили мне слуги, но не мог заставить себя пойти к ней.

Так миновал почти месяц, к концу которого в нашем доме появились визитеры. Из-за их приезда я все-таки вынужден был покинуть свою комнату.

Войдя ко мне, мать сказала, что пришли торговцы из деревни и что они хотят лично воздать мне почести за уничтожение волков.

– Пусть убираются к черту, – ответил я.

– Нет, ты обязан спуститься к ним, – настаивала она. – Они принесли тебе подарки. А теперь иди и исполни свой долг.

Все это было мне совсем не по душе.

В большом зале я увидел богатых деревенских торговцев. Всех их я очень хорошо знал, и все они были одеты подобающим случаю образом.

Однако среди них был весьма странный человек, которого я узнал не сразу.

Он был примерно моих лет, очень высок, однако, едва встретившись с ним взглядом, я тут же вспомнил, кто он. Никола́ де Ленфен, старший сын торговца тканями, посланный отцом на учебу в Париж.

Вид его произвел на меня впечатление.

На нем был розовый с золотом парчовый костюм и туфли с золотыми каблуками, а воротник его украшали несколько слоев итальянских кружев. Только волосы его остались прежними – такими же темными и вьющимися. Они были собраны назад и перетянуты широкой шелковой лентой, но, несмотря на это, придавали ему тот же, что и раньше, мальчишеский вид.

Выглядел он именно так, как требовала того парижская мода. Эта мода благодаря почте довольно быстро доходила даже до такой провинции, как наша.

Я же встретил гостей в далеко не новой шерстяной одежде и изношенных кожаных сапогах, а кружева на моей рубашке давно пожелтели и были штопаны-перештопаны.

Мы поклонились друг другу, после чего он, как спикер делегации, развернул черную саржу и достал из нее красный бархатный плащ, отделанный мехом. Восхитительная вещь! Когда он взглянул на меня, глаза его сияли. Можно было подумать, что на самом деле сеньором был он, а не я.

– Монсеньор, – почтительно обратился он ко мне, – мы просим вас принять это. На подкладку плаща пошел самый лучший волчий мех, и мы надеемся, что он сослужит вам хорошую службу в зимние холода, когда вы соблаговолите отправиться на охоту.

– И еще вот это, монсеньор, – вступил в разговор его отец, протягивая мне великолепно сшитую пару сапог из черной замши на меху. – Это тоже пригодится вам на охоте.

Меня переполняли эмоции. Эти люди, обладавшие таким богатством, о котором я мог только мечтать, от чистого сердца преподносили мне чудесные дары и оказывали почести как аристократу.

Я принял плащ и сапоги и поблагодарил дарителей так бурно и искренне, как не благодарил еще никого в своей жизни.

– Ну уж теперь-то он станет совершенно невыносимым, – услышал я за спиной шепот моего брата Августина.

Кровь прилила к моему лицу. Я был вне себя оттого, что он посмел произнести эти слова в присутствии такого большого количества людей. Но, взглянув на Никола де Ленфена, я увидел на его лице симпатию и нежность.

– Меня тоже считают невыносимым, монсеньор, – шепнул он мне, когда мы поцеловались на прощание. – Позвольте мне когда-нибудь навестить вас, чтобы побеседовать и услышать рассказ о том, как вам удалось уничтожить волков. Только невыносимые люди способны совершить невозможное.

Еще никто из торговцев не осмеливался так разговаривать со мной. Мы снова на миг превратились в маленьких мальчиков, и я громко рассмеялся ему в ответ. Отец Никола пришел в замешательство. Даже мои братья перестали перешептываться между собой. Один только Никола де Ленфен продолжал улыбаться с поистине парижским хладнокровием.

Как только все ушли, я взял красный бархатный плащ и замшевые сапоги и направился в комнату матери.

Она, как всегда, читала, одновременно медленными движениями расчесывая волосы. В просачивавшемся сквозь окно бледном солнечном свете я впервые заметил в них седину. Я пересказал ей слова Никола де Ленфена.

– Почему он назвал себя невыносимым? – спросил я. – Мне показалось, что он придавал этим словам какой-то особый смысл.

Мать в ответ рассмеялась:

– Да, в его словах действительно есть особый смысл. Он не пользуется уважением окружающих. – Она оторвалась от чтения и посмотрела на меня. – Тебе известно, что ему стремились дать образование и воспитать из него подобие аристократа. Так вот, еще в первом семестре, в самом начале своего обучения праву, он безумно влюбился в игру на скрипке и не мог уже думать ни о чем другом. Кажется, он тогда побывал на концерте какого-то виртуоза из Падуи, чья игра была столь восхитительной, что люди утверждали, будто он продал душу дьяволу. И тогда Никола бросил все и начал брать уроки у Вольфганга Моцарта. Он продал свои книги. Он играл и играл на скрипке и в конце концов провалился на экзаменах. Представляешь, он хочет стать музыкантом!

– И отец его, конечно же, вне себя?

– Естественно! Он даже вдребезги разбил инструмент, а ведь тебе известно, как относятся торговцы к любому дорогостоящему товару.

Я улыбнулся:

– Значит, Никола лишился своей скрипки?

– Нет, скрипка у него есть. Он тут же помчался в Клермон, продал там свои часы и купил новый инструмент. Этот юноша и в самом деле невыносим, но самое худшее состоит в том, что играет он действительно весьма неплохо.

– Ты слышала его игру?

Моя мать хорошо разбиралась в музыке. В Неаполе, где она выросла, музыка окружала ее повсюду. А я слышал лишь пение церковного хора да игру ярмарочных музыкантов.

– В воскресенье, когда я шла на мессу, он играл в своей комнате над магазином. Игру слышали все, кто проходил мимо, а его отец грозился переломать сыну руки.

При мысли о подобной жестокости я даже вскрикнул. Но рассказ матери чрезвычайно заинтересовал меня, и мне казалось, что я уже успел полюбить Никола, в первую очередь за его стремление поступать по-своему в столь нелегких обстоятельствах.

– Конечно же, ему никогда не удастся добиться успеха, – сказала мать.

– Почему?

– Ему слишком много лет. В двадцать лет поздно начинать обучение игре на скрипке. Хотя кто знает… Его игра по-своему великолепна. Быть может, он тоже когда-нибудь сумеет продать душу дьяволу.

Я рассмеялся, правда несколько натянуто. Все казалось мне таким странным и интересным.

– А почему бы тебе не отправиться в город и не познакомиться с этим молодым человеком поближе? – спросила она.

– Какого черта мне это нужно?

– Послушай, Лестат, твоим братьям это очень не понравится, а вот торговец будет вне себя от счастья. Еще бы! Его сын подружится с сыном маркиза!

– На мой взгляд, недостаточно веские причины.

– Он жил в Париже. – Она окинула меня долгим взглядом, потом вновь углубилась в чтение, время от времени медленно проводя рукой по волосам.

Я смотрел на нее, ненавидя в тот момент все книги на свете. Мне хотелось спросить ее о том, как она себя чувствует, сильно ли мучил ее сегодня кашель, но я не осмелился заговорить об этом.

– Отправляйся в город и побеседуй с ним, Лестат, – не отрываясь от книги и не глядя на меня, повторила она.

Глава 4

Прошла неделя, прежде чем я принял решение отыскать Никола де Ленфена.

В красном бархатном, подбитом мехом плаще и замшевых сапогах на меху, я шел по извилистой главной улице деревни по направлению к кабачку.

Магазин, принадлежавший отцу Никола, располагался как раз напротив кабачка, но Никола не было ни видно, ни слышно.

Денег моих едва хватило бы на стакан вина, и я не знал, как себя вести, когда хозяин с поклоном поставил передо мной целую бутылку своего лучшего вина.

Конечно же, все эти люди всегда относились ко мне с почтением, поскольку я был сыном землевладельца. Однако, после того как я уничтожил волков, ситуация изменилась. Как ни странно, я чувствовал себя еще более одиноким, чем прежде.

Едва я успел налить себе первый стакан, в проеме двери возникло яркое сияющее видение. Это был Никола.

Слава богу, он был одет не так роскошно, как в прошлый раз, однако весь его внешний вид свидетельствовал о богатстве и благосостоянии. На нем были шелк, бархат и новая кожа.

Он раскраснелся, как от быстрого бега, растрепавшиеся волосы превратились в беспорядочную массу, а глаза сияли от возбуждения. Поклонившись, он подождал приглашения присоединиться ко мне за столом и лишь после этого заговорил:

– Расскажите, монсеньор, как же вам удалось уничтожить волков?

Сложив на столе руки, Никола не сводил с меня взгляда.

– А почему бы вам, монсеньор, не рассказать мне о том, как живется в Париже? – спросил в свою очередь я и тут же понял, что слова мои прозвучали как грубая насмешка. – Простите, – немедленно извинился я, – но мне и в самом деле очень хочется об этом узнать. Вы посещали

занятия в университете? Вы действительно учились у Моцарта? Чем занимаются парижане? О чем они говорят? О чем думают?

Град вопросов заставил Никола тихо рассмеяться. Я тоже усмехнулся в ответ, приказал хозяину подать второй стакан и подтолкнул к Никола бутылку.

– Расскажите, – попросил я, – посещали ли вы парижские театры? Удалось ли вам побывать в «Комеди Франсез»?

– Я бывал там множество раз, – ответил он. – Знаете, с минуты на минуту должен прибыть дилижанс, и здесь станет чересчур шумно. Окажите мне честь и позвольте угостить вас ужином в одной из отдельных комнат наверху. Я был бы весьма рад предоставленной мне возможности…

Прежде чем я успел ответить благородным отказом, он уже отдавал необходимые распоряжения. Нас проводили в очень просто обставленную, но при этом уютную маленькую комнату.

До сих пор мне редко приходилось бывать в маленьких, отделанных деревом помещениях, и эта комнатка понравилась мне с первого взгляда. Стол был накрыт, ужин должны были принести чуть позже, огонь в камине горел, отчего в комнате было действительно тепло в отличие от замка, где ревущее в каминах пламя практически не давало никакого жара. Толстые стекла в окнах были достаточно чистыми, чтобы сквозь них можно было любоваться голубизной зимнего неба и белоснежными горами.

– Ну вот, а теперь я готов рассказать вам о Париже все, что вас интересует, – приветливо заговорил Никола, ожидая, пока я сяду первым. – Да, я действительно учился в университете. – Он усмехнулся, словно воспоминания о том времени не вызывали в душе его ничего, кроме презрения. – Я действительно брал уроки у Моцарта, который непременно сказал бы мне, что я безнадежен, если бы в высшей степени не нуждался в учениках. Так с чего же мне начать? С тяжелого зловония большого города или с царящего там адского шума? С толп голодных людей, которые окружают вас повсюду? С грабителей, поджидающих вас в каждой аллее и в любой момент готовых перерезать вам горло?

Я отказался слушать рассказы о чем-либо подобном. Улыбка Никола отнюдь не соответствовала тону, а манера его поведения была открытой и располагающей.

– Настоящий большой парижский театр… – начал я. – Расскажите мне о нем, опишите во всех подробностях… как он выглядит?

Мы провели вместе целых четыре часа, на протяжении которых только и делали, что пили и разговаривали.

Прямо на столешнице он мокрым пальцем рисовал планы театров, подробно описывал виденные им спектакли, знаменитых актеров, маленькие домики на парижских бульварах. Постепенно он так увлекся рассказом о Париже, что от его цинизма не осталось и следа, – своим неподдельным интересом я воскресил его воспоминания об Иль-де-ля-Сите, о Латинском квартале, о Сорбонне и Лувре.

Потом мы заговорили о более абстрактных вещах – о том, как отражают происходящие события парижские газеты, о студентах, заполняющих маленькие кафе и до хрипоты спорящих друг с другом. Он рассказал мне о том, что народ волнуется и уже не относится к монархии с прежним почтением. О том, что люди требуют смены правительства и терпения их едва ли хватит надолго. Он рассказал мне о философах – о Дидро, Вольтере и Руссо.

Далеко не все из того, что он говорил, было мне понятно. Однако его живой и временами ироничный рассказ дал мне великолепное и на удивление полное представление обо всем, что там происходило.

Меня, конечно, отнюдь не удивил тот факт, что люди образованные не верят в Бога, что их гораздо больше интересует наука, что аристократия уже не вызывает прежнее почтительное

к себе отношение, равно как и церковь. Наступила эпоха разума, где не было места предрассудкам, и чем больше рассказывал мне Никола, тем больше я понимал.

Потом он рассказал мне об Энциклопедии, об этом величайшем собрании знаний всего человечества, которое составлялось под руководством Дидро. Позже пришла очередь салонов, в которых ему приходилось бывать, питейных заведений и вечеринок в компании актрис. Он описывал мне городские балы в Пале-Рояле, на которых рядом с простыми людьми появлялась Мария-Антуанетта.

– Поверьте, – сказал он мне под конец разговора, – здесь, в этой комнате, все это кажется гораздо более привлекательным, чем есть на самом деле.

– Я вам не верю, – мягко ответил я, потому что не хотел, чтобы он замолчал. Я готов был слушать его без конца.

– Это безбожный мир, монсеньор, – сказал он, открывая еще одну бутылку и разливая по стаканам вино. – Очень опасный мир.

– Почему же опасный? – прошептал я. – Что может быть лучше, чем избавление от предрассудков?

– Вы говорите как истинный сын восемнадцатого века, монсеньор, – ответил он со слегка меланхолической улыбкой. – Но в этом мире не осталось абсолютно никаких ценностей. Всем заправляет мода. Даже атеизм не более чем дань моде.

Я никогда не отличался чрезмерной религиозностью и обладал скорее светским складом ума. Но причиной тому не были какие-либо философские убеждения. В нашей семье ни прежде, ни теперь набожность не была свойственна никому. Все мы, конечно, утверждали, что верим в Бога, и посещали мессу, но таким образом лишь выполняли свой долг. Истинная вера в нашей семье, как, впрочем, и в тысячах других аристократических домов, давным-давно умерла. Даже во время своего пребывания в монастыре я не верил в Бога. Я верил в окружавших меня монахов.

Я постарался как можно доступнее и мягче объяснить это Никола, потому что боялся оскорбить его чувства, ибо в его семействе все обстояло по-другому.

Даже его презренный скупердяй-отец (которым я все же втайне не переставал восхищаться) был истово верующим человеком.

– Но как же могут люди жить без веры? – печально спросил Никола. – Как воспитывать детей в отсутствие божьих заповедей?

Только теперь я начал понимать причину его сарказма и цинизма. Он совсем недавно утратил веру в свои идеалы и до сих пор горько переживал по этому поводу.

Несмотря, однако, на убивающий душу сарказм, в нем ощущались неиссякаемая энергия и неистовая страсть. Именно они вызывали во мне симпатию, я бы даже сказал, любовь к этому юноше. Еще пара стаканов вина, и я уже способен был сказать ему нечто совершенно невообразимое, как, например, следующее:

– Лично я в своей жизни обходился без веры.

– Знаю, – ответил он. – Вы помните историю с ведьмами? Тот день, когда вы так горько плакали на площадке ведьм?

– Плакал по ведьмам?

Какое-то мгновение я смотрел на него, ничего не понимая. Но вдруг в душе моей возникло болезненное ощущение чего-то постыдного. Подобными ощущениями были окрашены многие мои воспоминания. И вот теперь к ним должно было прибавиться еще и воспоминание о том, как я оплакивал ведьм.

– Что-то не припомню, – наконец выдавил я.

– Мы были тогда еще мальчиками. Священник, обучавший нас молитвам, повел нас к тому месту, где в старые времена сжигали на костре ведьм, и там мы увидели почерневшую землю и полусгнившие столбы.

– А, так вот вы о чем! – невольно содрогнувшись, воскликнул я. – Об этом ужасном, жутком месте!

– Вы принялись тогда кричать и плакать. Вашей няне никак не удавалось вас успокоить, и тогда пришлось послать кого-то за самой маркизой.

– Я был несносным ребенком, – произнес я, пытаясь стряхнуть с себя страшные воспоминания.

Да, конечно, теперь я и сам вспомнил, как кричал, как меня отвели домой и как меня потом долго мучили кошмары, связанные с огнем. Кто-то смачивал мне лоб и все время шептал: «Лестат, очнись».

Уже многие годы я не вспоминал этот небольшой эпизод своей жизни. Я довольно часто думал о том месте – каждый раз, когда мне приходилось оказываться неподалеку или проезжать мимо. В моем воображении возникали частокол из почерневших столбов и образы мужчин, женщин, даже детей, которых возле этих столбов сжигали заживо.

Никола не сводил с меня пристального взгляда:

– Когда ваша матушка пришла за вами, она сказала, что виной всему невежество и жестокость. Она очень рассердилась на нашего священника за то, что он забивал нам голову старыми сказками.

Я кивнул:

– Самым страшным для меня было услышать в конце концов, что все эти люди погибли напрасно, что давно забытые жители нашей деревни были совершенно невиновны. «Все они стали жертвами предрассудков, – сказала тогда моя мать. – Никаких ведьм на самом деле не было». Нет ничего удивительного в том, что я долго еще продолжал безутешно рыдать.

– А вот моя мать говорила совершенно другое, – возразил мне Никола. – Она утверждала, что все ведьмы находились в сговоре с дьяволом, что они портили посевы и в образе волков убивали овец и даже детей…

– Но разве станет мир хуже оттого, что никого и никогда не станут именем Бога сжигать на кострах? – спросил я. – Если не будет в людях слепой веры в Бога, ради которой они способны творить подобное друг с другом. Какую опасность таит мир, живущий по светским законам и не допускающий совершения столь ужасных деяний?

Никола притворно нахмурился и слегка подался в мою сторону.

– Надеюсь, что волки там, в горах, не причинили вам никакого вреда? – с озорной улыбкой поинтересовался он. – Не случилось ли так, монсеньор, что без нашего ведома они превратили вас в оборотня? – Он провел рукой по меховой опушке моего нового бархатного плаща, который по-прежнему оставался у меня на плечах. – Вспомните, о чем говорил нам святой отец: в те времена сожгли немало оборотней, поскольку считали, что они представляли для людей серьезную угрозу.

Я расхохотался.

– Скажу вам откровенно: если бы мне удалось превратиться в волка, я не стал бы кружить вокруг деревни и убивать детей. Я бежал бы куда глаза глядят из этой деревенской дыры, где маленьких мальчиков по-прежнему пугают россказнями о сожженных на кострах колдуньях. Я бы выбрался на дорогу в Париж и бежал по ней не останавливаясь, пока не увидел бы впереди городские предместья.

– И в результате обнаружили бы, что Париж – точно такая же дыра, – парировал он, – где на Пляс-де-Грев на потеху толпе на колесе переламывают ворам кости.

– Ничего подобного, – ответил я. – Я увижу прекрасный город и его жителей, в умах которых рождаются великие идеи, призванные вести человечество вперед и пролить свет на самые темные тайники мира.

– Так, значит, вы мечтатель! – воскликнул он, но я видел, что он очень доволен таким открытием. Улыбка делала его лицо по-настоящему красивым.

– И к тому же я познакомлюсь там с людьми, подобными вам, – продолжал я. – С теми, кто способен мыслить и выражать свои идеи доступным языком. Я буду сидеть рядом с ними в кафе, мы будем вместе пить и вести яростные словесные дуэли. И во время таких бесед и споров мы будем испытывать возвышенные чувства.

Никола обнял меня и поцеловал. Мы были уже так пьяны, что едва не опрокинули стол.

– Мой господин, победитель волков… – прошептал он.

Когда дошла очередь до третьей бутылки, я начал рассказывать Никола о своей жизни, чего никогда прежде не делал. О том, каково это – ежедневно подниматься в горы, уезжать от дому так далеко, что не видно башни отцовского замка, скакать на лошади высоко над полями, через леса, которые, казалось, населены привидениями и разного рода нечистой силой.

Слова лились из меня непрерывным потоком, мой собеседник тоже не отставал, и вскоре мы уже беседовали на тысячи разных тем, обо всем, что переполняло наши сердца, об одиночестве каждого из нас. Точно так же как и во время моих редких бесед с матерью, все сказанное нами приобретало особый смысл. Когда же речь зашла о наших желаниях, стремлениях и неудовлетворенных амбициях, мы пришли в страшное возбуждение и заговорили одновременно, перебивая друг друга, и речь наша при этом состояла практически из одних только восклицаний: «Да! Да!», или «Вот именно!», или «Я прекрасно понимаю вас!», или «Да, понимаю, вы не могли вынести это», или еще чего-то в том же духе.

Мы потребовали принести еще бутылку вина и подбросить в камин дров, после чего я принялся уговаривать Никола поиграть для меня на скрипке. Он тут же бросился к себе за инструментом.

День был уже в самом разгаре. Солнце ярко светило в окна, в камине жарко горел огонь. Мы были основательно пьяны, ужин мы так и не заказали. Мне казалось, что еще никогда в своей жизни я не был так счастлив. Лежа на маленькой, покрытой толстым соломенным матрасом кровати, подложив под голову руки, я смотрел, как он вынимает из футляра скрипку.

Он приложил ее к плечу и начал перебирать струны и подкручивать колки.

Наконец он взмахнул смычком и резко ударил им по струнам – раздались первые звуки.

Я тут же вскочил, прислонился спиной к деревянной панели стены и уже не в силах был отвести взгляд от Никола. Подобной музыки мне еще не приходилось слышать – я просто не мог поверить своим ушам.

Он буквально ворвался в мелодию, извлекая из скрипки потрясающие по силе, прозрачные и волнующие до глубины души звуки. Глаза Никола были закрыты, рот полуоткрыт и нижняя губа чуть изогнута, и не меньше, чем сама музыка, меня потрясла его поза, – казалось, он всем телом слился с инструментом и прислушивается к нему не ухом, а душой.

Никогда прежде я не слышал ничего подобного: полные искреннего чувства, трепещущие мощные звуки бурным потоком лились со струн, повинуясь смычку музыканта. Он играл Моцарта, и ему блестяще удавалось передать удивительную красоту, веселость и живость, свойственные произведениям великого композитора.

Когда музыка смолкла, я вдруг обнаружил, что сижу, сжимая руками голову и по-прежнему не сводя взгляда с Никола.

– Что с вами, монсеньор? – почти беспомощным тоном спросил он.

В ответ я вскочил с кровати, заключил его в объятия и поцеловал сначала его, а потом и скрипку.

– Перестань называть меня монсеньором! – воскликнул я. – Зови меня просто по имени.

С этими словами я бросился ничком обратно на кровать, закрыл лицо руками и разрыдался.

Никола присел рядом со мной, начал меня гладить, пытаясь утешить. Он спрашивал о причине моих слез, и, несмотря на то что я ничего не мог объяснить толком, я видел, что он

потрясен тем впечатлением, которое произвела на меня его игра. В его голосе не было теперь ни горечи, ни сарказма.

Не помню точно, но, кажется, в тот вечер он проводил меня до дому.

На следующее утро я стоял на вымощенной камнем улице перед магазином его отца и швырял камешки в окно комнаты Никола, пока наконец он не выглянул.

– Не хочешь спуститься и продолжить нашу вчерашнюю беседу? – спросил я его.

Глава 5

С тех пор все свободное от охоты время я проводил в беседах с Никола. Приближалась весна. На горных склонах зазеленела трава, яблоневые сады пробуждались к жизни. Мы с Никола всегда были вместе.

Мы подолгу бродили по каменистым горным склонам, ели хлеб и пили вино, расположившись на зеленой траве, согретой теплыми лучами солнца, или отправлялись чуть южнее – к развалинам древнего монастыря. Иногда мы проводили время в моем замке, сидя в одной из комнат или поднявшись в какую-нибудь башню. А когда мы были слишком пьяны, вели себя чересчур шумно и тем самым могли вызвать раздражение у окружающих, то запирались в знакомой комнатке на втором этаже деревенского кабачка.

Неделя проходила за неделей – и мы все лучше и лучше узнавали друг друга. Никола рассказал мне о своем детстве, о разного рода горестях и разочарованиях юности, о людях, которых он знал и любил.

Я в свою очередь поведал ему о своих бедах, поделился болезненными воспоминаниями, в том числе и о неудачном побеге из дома вместе с труппой бродячих итальянских актеров.

Это произошло в один из вечеров, когда мы снова сидели в комнатке в кабачке и, как всегда, были пьяны. Фактически мы находились в том состоянии, которое можно назвать золотым моментом, – том состоянии опьянения, когда все приобретает особенный смысл. Мы всегда стремились продлить этот момент, но каждый раз неизбежно наступала минута, когда кто-нибудь из нас говорил: «Все, не могу больше. Похоже, наш золотой момент прошел».

В тот вечер, стоя возле окна и глядя на сиявшую над горами луну, я сказал, что в такие золотые моменты даже тот факт, что мы находимся сейчас не в Париже, не в «Комеди Франсез» или в «Опера» в ожидании, когда поднимется занавес, – этот факт кажется мне не столь ужасным.

– Ты опять заговорил о парижских театрах, – сказал он. – О чем бы мы ни говорили, ты всегда возвращаешься к теме театров и актеров…

Выражение его больших карих глаз всегда вызывало расположение, и в своем красном бархатном сюртуке, сшитом по парижской моде, он выглядел нарядно и щеголевато.

– Актеры творят волшебство, – ответил я. – На сцене они заставляют происходить разного рода события, они фантазируют и импровизируют.

– Подожди, и ты в свете огней рампы увидишь, как по их загримированным лицам струится пот.

– Ну вот, опять ты об этом! А как же тогда ты сам, ты, который бросил все ради игры на скрипке?

Он стал вдруг очень серьезным, словно вновь ощутил страшную усталость от борьбы с самим собой.

– Да, я поступил именно так, – признался он.

Всем в городке было известно о разногласиях между ним и его отцом. Ники не желал возобновлять учебу в Париже.

– Своей игрой ты оживляешь все вокруг, – продолжал я. – Ты создаешь нечто из ничего. Ты заставляешь других совершать добрые поступки. И это для меня в тебе особенно благословенно.

– Я заставляю звучать музыку, и это делает меня счастливым, – ответил он. – Что же в этом благословенного?

Я, как всегда, не стал обращать внимание на его цинизм.

– Всю свою жизнь я прожил среди тех, кто ничего не создавал и не стремился что-либо изменить, – вновь заговорил я. – А потому воспринимаю актеров едва ли не как святых.

– Святых? – переспросил он. – Благословенно… добродетель… Лестат, твои словечки приводят меня в недоумение.

Я улыбнулся и покачал головой:

– Ты не понимаешь. Я говорю о сущности и характерах людей, а не о том, во что они верят. Я говорю о тех, кто не приемлет необходимости вести бесполезный образ жизни только потому, что был для него рожден. Речь о тех, кто жаждет стать лучше. Они трудятся, приносят жертвы, совершают поступки…

Его тронули мои слова, и в то же время я чувствовал, что каким-то образом причинил ему боль.

– Во всем этом действительно есть благословенность, – продолжил я, – есть святость. И независимо от того, существует ли Бог, есть благодетельность. Я уверен в этом так же, как уверен в том, что за окном видны горы, а в небе сияют звезды.

Он бросил на меня печальный взгляд, и по-прежнему было заметно, что его задели мои слова. Однако в тот момент я думал совсем не о нем.

Я вспомнил о своем разговоре с матерью и о том, что недостаточно хорош для своей семьи, что постоянно вызываю у них раздражение своим присутствием. Но если я верил в то, что говорил…

– Неужели ты и в самом деле веришь во все это? – спросил он, словно прочитав мои мысли.

– Быть может, да, а быть может, нет, – ответил я, ибо мне невыносимо было видеть его печаль.

И тогда я счел необходимым и уместным поведать ему историю своего побега из дома вместе с труппой итальянских актеров. Я рассказал ему о том, о чем не говорил никому, даже матери, – о нескольких счастливых днях, проведенных вместе с ними.

– А теперь скажи мне, как можно утверждать, что дарить огромное счастье и получать взамен счастье не меньшее – плохо? Своими представлениями мы вдохнули жизнь в городок. Уверяю тебя, это было поистине волшебство, способное даже исцелять больных!

Он лишь покачал головой. Я понимал, что он хотел сказать очень многое, но не осмеливался сделать это из уважения ко мне.

– Ты не понимаешь меня, не так ли? – спросил я.

– Разве тебе не известно, Лестат, что грех всегда кажется привлекательным? – мрачно ответил он. – Как ты думаешь, почему церковь всегда предавала актеров проклятию? Да потому, что театр возник еще во времена бога вина Диониса. Ты можешь прочесть об этом у Аристотеля. А бог Дионис поощрял в людях стремление к нечестивому поведению. Ты чувствовал себя хорошо на сцене, потому что там царили распущенность, непристойность и разврат, потому что там всем заправляют последователи этого виноградного бога, а тебе очень хотелось позлить своего отца. Именно там тебе представился для этого прекрасный случай…

– Нет, Ники, нет, тысячу раз нет!

– Лестат, мы оба с тобой пребываем во грехе. – Он наконец улыбнулся. – Мы оба грешили. Вели себя недостойно и пользовались дурной репутацией. Именно это столь тесно связывает нас.

Теперь настала моя очередь опечалиться, ибо его слова причинили мне боль. Золотой момент был упущен, ушел безвозвратно… разве что случится что-либо еще.

– Пошли, – сказал я. – Возьми свою скрипку, и давай уйдем куда-нибудь в лес, где ты сможешь играть, не опасаясь кого-либо разбудить. И тогда мы посмотрим, присутствует ли в твоей игре добродетель.

– Ты сошел с ума! – воскликнул он, но тем не менее, схватив за горлышко непочатую бутылку вина, устремился к двери.

Я последовал за ним.

– В таком случае давай пойдем на поляну ведьм, – предложил он, когда со скрипкой в руках вышел на улицу. – Посмотри, как ярко светит луна. Мы устроим дьявольские пляски, и я стану играть для колдовских духов.

В ответ я лишь расхохотался. Должно быть, я был очень пьян, раз согласился на подобное предложение.

– Мы заново освятим это место, – подхватил я его идею. – Мы сделаем это с помощью чистых звуков прекрасной музыки.

С тех пор как я в последний раз был на поляне ведьм, прошло уже много лет.

Никола был прав – луна ярко освещала мрачным кольцом окружавшие поляну обугленные столбы и черную землю, на которой даже через сто лет после происходивших здесь страшных сожжений ничего не росло. Молодой подлесок начинал появляться лишь на достаточно большом расстоянии от поляны. На открытом пространстве гулял ветер, уносясь в сторону гор и натыкаясь на каменистые склоны. Деревня была скрыта от нас темнотой.

По спине у меня пробежал озноб, но он был вызван, вероятно, воспоминаниями о том ужасе, который я испытывал в детстве при словах «сожженные заживо», представляя себе страдания тех, кто горел на этих кострах.

Ники заиграл какой-то цыганский напев и в странном танце пустился по кругу, сверкая в лунном свете белыми, с высокой шнуровкой сапогами.

Присев на обугленный пень, я пил вино прямо из горлышка. Как и всегда, я чувствовал, что сердце мое разрывается от звуков прекрасной музыки. Какой же может быть в этом грех, думал я, что плохого, кроме разве что возможности заново пережить собственную жизнь в этом ужасном месте? И вскоре я уже молча и безутешно плакал.

Мне казалось, что музыка все еще продолжает звучать, но вдруг я обнаружил, что Ники оказался рядом со мной и пытается меня утешить. Мы сидели бок о бок, и он говорил, что мир полон несправедливости и что мы оба оказались пленниками ужасного, богом забытого уголка Франции, но настанет день, когда мы наконец вырвемся отсюда. А я в тот момент вспомнил о матери, ставшей пленницей нашего замка на высокой горе, и меня охватила невыразимая и невыносимая печаль. Ники заиграл снова и велел мне забыть обо всем и танцевать.

Да, именно музыка и танец способны заставить нас сделать это, хотел сказать ему я. Так почему же тогда их считают греховными? Как можно считать, что они есть зло? Я присоединился к Никола в его круговой пляске. Поистине золотые звуки лились со струн его скрипки и устремлялись ввысь, к звездам. Теперь я плясал вокруг Ники, а он заиграл еще более быструю, неистовую мелодию. Распахнув, словно крылья, полы плаща, я откинул назад голову и посмотрел на звезды. Звуки музыки окутали меня туманной пеленой – и поляна ведьм перестала для меня существовать. Остались только горы и распахнутое над ними небо.

С тех пор мы с Никола стали еще ближе.

Через несколько дней, однако, случилось нечто совершенно из ряда вон выходящее.

Было уже очень поздно. Мы проводили время, как обычно, в комнатке в кабачке. Никола ходил из угла в угол и вдруг, отчаянно жестикулируя, высказал вслух то, что давно было на уме у нас обоих.

Он заговорил о необходимости нашего побега в Париж, о том, что, даже если мы останемся там без гроша, нам все равно будет лучше, чем здесь, что он предпочитает жить нищим попрошайкой в Париже.

Нужно ли говорить, что наши мысли полностью совпадали?

– Что ж, Ники, я готов просить милостыню на улице, – сказал я. – Но ни за что на свете я не соглашусь играть роль бедного провинциального родственника в богатом доме.

– А ты думаешь, я соглашусь на это? – резко спросил он. – Я предлагаю бежать, Лестат, послать к чертям абсолютно всех.

Хотел ли я продолжать подобную жизнь? Ведь я осознавал, что наши отцы проклянут нас. И в то же время жизнь здесь была такой бессмысленной…

Конечно, мы хорошо понимали, что наш совместный побег станет чем-то гораздо более серьезным, чем то, что я совершал раньше. Мы уже не были мальчиками, мы стали взрослыми мужчинами. Проклятие наших отцов, которое мы навлечем на свои головы, не могло не беспокоить нас.

К тому же мы были достаточно зрелыми людьми, чтобы понимать, что такое голод.

– А что я стану делать в Париже, если мы будем голодать? – спросил я. – Охотиться на крыс, чтобы раздобыть нам ужин?

– Если в том будет нужда, я буду играть за деньги на скрипке на бульваре Тамплиеров, а ты сможешь посещать театры.

Теперь уже он откровенно искушал меня.

– Неужели все это были для тебя пустые разговоры, Лестат? – спрашивал он. – Да с твоими внешними данными ты в самом скором времени окажешься на сцене одного из театров.

Мне очень нравилась тема наших теперешних разговоров. Мне доставляло удовольствие видеть, что он верит в возможность нашего побега. Несмотря на то что он постоянно употреблял слово «наплевать», от его цинизма не осталось и следа. И неожиданно перспектива успешно завершить задуманное показалась вполне реальной.

Сознание полной бессмысленности жизни здесь только усиливало наше желание.

Я вновь подумал о том, что музыка и актерская игра несут в себе добро, потому что они уничтожают хаос. Под этим словом я понимал однообразную, лишенную какого-либо смысла жизнь. Если нам суждено завтра умереть, то окажется, что мы прожили жизнь напрасно. Мне вдруг пришло в голову, что жизнь и скорая смерть моей матери тоже бессмысленны, и я повторил Ники сказанные ею совсем недавно слова о том, что она панически боится смерти.

И снова наш золотой момент куда-то исчез. Зато случилось нечто совершенно иное.

То, что произошло дальше, я мог бы назвать темным моментом, однако события носили некий возвышенный, даже суеверно-мистический характер. Мы продолжали разговаривать, проклиная бессмысленность жизни, торопясь высказаться и перебивая друг друга, а когда наконец Никола сел, опустив голову на руки, я с удовольствием выпил еще несколько глотков вина и продолжал расхаживать по комнате и оживленно жестикулировать, как делал это он.

И вдруг меня поразила только что пришедшая в голову мысль, которую я тут же высказал вслух: вполне возможно, что мы умрем, так и не узнав, зачем вообще родились на свет. Даже убежденный атеист, мне кажется, надеется, что после смерти он наконец найдет хоть какой-нибудь ответ. Я имею в виду вопрос о том, существует ли Бог, или там вообще ничего нет.

– Но в том-то и дело, – говорил я, – что в тот миг мы не сделаем никакого открытия. Мы просто перестанем существовать! Мы уйдем в небытие в полном неведении!

Я вдруг представил себе вселенную, увидел Солнце, другие планеты, звезды и окружающую их вечную тьму… И разразился смехом.

– Неужели ты не понимаешь? Даже когда все закончится, мы так и не узнаем, почему все происходило так, а не иначе! – кричал я. Никола в это время сидел на кровати, согласно кивая и потягивая вино прямо из графина. – Мы умрем, так ничего и не поняв! А вся эта

бессмыслица будет продолжаться и продолжаться! Но мы уже не будем тому свидетелями! У нас не останется даже возможности хотя бы в мыслях своих придать этому смысл! Нас просто не станет, мы будем мертвы, мертвы, мертвы, но так ничего не поймем и не узнаем!

Я уже не смеялся. Я стоял неподвижно и хорошо отдавал отчет своим словам.

Не будет ни Судного дня, ни возможности получить хоть какое-то объяснение, ни того возвышенного момента, когда можно исправить все страшные ошибки и устранить ужасные несправедливости!

Ведьмы, сожженные у столбов, никогда не будут отомщены.

Никто и никогда не собирается что-либо объяснять нам.

В тот момент я не просто понял. Я словно увидел все воочию! Изо рта моего вырывался лишь один звук: «О-о-о». Я повторял его снова и снова, все громче и громче… Бутылка выскользнула у меня из пальцев и упала на пол. Сжав голову руками, я, не закрывая рта, продолжал издавать лишь один и тот же звук. Все происходило именно так, как я описывал прежде матери.

Впечатление было такое, будто на меня напала вдруг безостановочная икота.

– Лестат, прекрати! – кричал Никола, обхватив меня руками и сильно встряхивая.

Но я не в силах был остановиться. Подбежав к окну, я отодвинул щеколду и, распахнув маленькую тяжелую створку, стал смотреть на звезды. Мне невыносимо было видеть их. Невыносимо было видеть абсолютную пустоту, слышать абсолютную тишину и сознавать абсолютное отсутствие какого-либо ответа. Когда Никола оттащил меня от окна и захлопнул створку, я зарычал, словно дикий зверь.

– Все будет хорошо, – снова и снова повторял он.

Кто-то уже барабанил в дверь. Оказалось, что это хозяин кабачка, прибежавший узнать, в чем дело, и возмущенный нашим поведением.

– Утром тебе станет легче, – продолжал уговаривать меня Никола. – Тебе необходимо поспать.

Своим шумом мы перебудили всех, но я все никак не мог успокоиться. Продолжая издавать все тот же стон, я бросился вон из кабачка и помчался по деревенской улице, а потом вверх по склону в сторону замка. Никола следовал за мной по пятам, безуспешно пытаясь остановить меня. Вбежав в ворота замка, я устремился в свою комнату.

– Ты должен поспать! Сейчас это все, что тебе нужно, – в отчаянии повторял Никола.

Я лежал, прислонившись спиной к стене, зажав руками уши и без конца выкрикивая: «О-о-о-о»…

– Утром, – снова сказал Никола, – тебе станет лучше.

Но утром я не почувствовал себя лучше.

Не стало мне легче и к вечеру. Напротив, с наступлением темноты мое состояние еще более ухудшилось.

Я ходил, говорил, жестикулировал как вполне разумный человек, но в действительности я был не в себе. Меня трясло, зубы мои стучали, и я никак не мог справиться с этим. На все, что меня окружало, я смотрел с нескрываемым ужасом. Темнота наводила на меня страх, так же как и старинное оружие и доспехи, находившиеся в большом зале. Я не мог отвести взгляд от цепа и булавы, которые брал с собой, когда охотился на волков, я пристально всматривался в лица своих братьев, и во всем, что меня окружало, в форме и цвете вещей, в освещении и тенях я видел только одно: смерть. Но не ту смерть, какой она представлялась мне прежде, а ту, сущность которой я понял только теперь. Настоящую смерть, абсолютную и неизбежную, неотвратимую и не предоставляющую никаких решений!

В этом невыносимом, чрезвычайно возбужденном состоянии я решился на нечто такое, чего никогда бы не осмелился сделать прежде. Обратившись ко всем, кто меня окружал, я без всякой жалости начал задавать им вопросы.

– Разве ты веришь в Бога? – спросил я своего брата Августина. – И как же можешь ты жить, если не веришь?

А ты? Веришь ли ты хоть во что-нибудь? – обратился я к своему слепому отцу. – И если суждено тебе сейчас умереть, что надеешься ты увидеть там – Бога или тьму? Ответь же мне!

– Ты безумен! Ты всегда был ненормальным! – закричал на меня отец. – Убирайся вон из этого дома! Ты всех нас сведешь с ума!

Он поднялся на ноги, что было для него, слепого калеки, делом нелегким, и швырнул в меня кубок. Конечно же, он промахнулся.

Я не осмеливался взглянуть на мать. Я не посмел подойти к ней. Я не хотел причинять ей страдания вопросами. Поэтому я снова бросился бежать вниз по склону в сторону кабачка. В тот момент я не мог вспоминать о поляне ведьм и ни за что на свете не согласился бы оказаться на том краю деревни, который был ближе к ней. Я сжал руками голову и закрыл глаза. «Убирайтесь!» – кричал я мыслям о тех, кто умер, так ничего и не поняв.

На следующий день дела обстояли не лучше. Не изменилось ничего и к концу недели. Я пил, ел, спал, но все время моего бодрствования было наполнено беспредельным ужасом и невыносимой болью. Отправившись к деревенскому священнику, я спросил его, действительно ли он верит в то, что тело Христово находится в алтаре храма на Святой земле. Услышав сбивчивые ответы и увидев в его глазах страх, я покинул его в еще большем отчаянии, чем прежде.

– Но как можете вы жить, как можете дышать, двигаться, делать что-то, если знаете, что не существует никакого объяснения? – в ярости обратился я ко всем.

И тогда Никола сказал, что, возможно, музыка поможет мне почувствовать себя лучше и что он сыграет для меня на скрипке.

Я опасался, что музыка подействует на меня слишком сильно. Однако мы все же вышли в сад, и там, под лучами яркого солнца, Никола стал играть для меня одну за другой все известные ему мелодии. Я сидел, обхватив руками колени и стуча зубами, несмотря на то что солнце пригревало довольно сильно. Никола стоял передо мной, забыв, казалось, обо всем и полностью отдав себя во власть волшебных звуков, льющихся из-под его смычка и наполнявших сад и окрестные долины. Солнечные лучи ослепительным сиянием отражались от маленького полированного корпуса скрипки. Окончив играть, Никола обнял меня, и мы долго сидели молча, прижавшись друг к другу, а потом он тихо прошептал мне в ухо:

– Лестат, поверь мне, это пройдет.

– Поиграй для меня еще, – попросил я его. – Музыка так чиста и невинна.

Никола с улыбкой кивнул. Безумцам ни в чем нельзя отказывать.

Я прекрасно понимал, что это не пройдет и ничто не заставит меня забыться. Но в то же время я испытывал чувство беспредельной благодарности за восхитительную музыку, дарившую мне сознание того, что в мире ужаса и хаоса еще возможно существование подобной красоты.

Невозможно что-либо понять, невозможно что-либо изменить, но остается возможность создавать столь прекрасную музыку. Такое же чувство благодарности я испытал, увидев, как танцуют деревенские ребятишки, как взлетают вверх их руки и сгибаются колени, как, повинуясь ритму, раскачиваются и кружатся тела в такт исполняемым песням. Глядя на них, я не смог удержаться от слез.

Я бросился в церковь, упал на колени, и, всматриваясь в величественные древние статуи, в великолепно выполненные носы, уши и пальцы рук, в выражение лиц, в складки одежд, я вновь испытал то же чувство благодарности и снова не мог не разрыдаться.

Во всяком случае, у нас еще остается подобная красота, думал я. И это поистине благодать.

Но ничто природное, естественное отныне не казалось мне прекрасным. Один вид огромного дерева, сиротливо стоящего посреди поля, способен был вызвать во мне дрожь и заставить кричать. Сад должен быть наполнен музыкой.

А теперь позвольте мне открыть вам маленькую тайну: поверьте, у меня это так никогда и не прошло.

Глава 6

В чем же состояла причина всего? Было ли мое состояние связано с нашими разговорами ночи напролет и неумеренной выпивкой или с известием о близкой смерти матери? Имели ли к этому отношение волки? Или мое воображение потрясло посещение поляны ведьм?

Трудно сказать… Мое состояние словно пришло откуда-то извне. Сначала возникла мысль, но уже в следующую минуту она превратилась в реальность. Мне кажется, такого рода вещи можно ожидать, но вы не в силах заставить их возникнуть.

Конечно же, со временем острота ощущений сгладилась. Но с тех пор небо над моей головой уже никогда не было столь же голубым, как прежде. Я смотрел на мир совершенно другими глазами, и даже в самые счастливые минуты, омрачая их, меня не покидало ощущение собственной слабости и бессмысленности нашей жизни в целом.

Возможно, это следует рассматривать как предчувствие. Хотя я так не считаю. Это было нечто гораздо более значительное. К тому же я не верю в предчувствия.

Вернусь, однако, к своему рассказу. Пока длился весь этот кошмар, я избегал встречаться с матерью. Мне ни в коем случае не хотелось говорить с ней о столь ужасных вещах, как смерть и хаос. Однако все вокруг только и твердили ей о том, что я лишился рассудка.

И вот наконец в первое воскресенье Великого поста она сама пришла ко мне.

Я был один в комнате. Все домашние и прислуга с наступлением сумерек отправились в деревню, где каждый год в этот день традиционно жгли большой костер.

Я никогда не любил этот праздник. Ревущее пламя, пение и танцы, крестьяне, под странные песнопения с зажженными факелами ходившие затем по дворам, – все это вызывало во мне необъяснимый страх.

Один недолго прослуживший в нашем приходе священник называл обычай языческим. Но от него довольно быстро избавились. Наши крестьяне, уроженцы гор, твердо придерживались старинных обрядов, веря, что только таким образом могут заставить деревья плодоносить и получить на полях хороший урожай.

Вот на таких праздниках мне больше, чем когда бы то ни было, казалось, что люди, которых я вижу перед собой, способны сжигать на кострах ведьм.

В том состоянии, в котором я тогда находился, при мысли о деревенском празднике я не мог испытывать ничего, кроме ужаса. Сидя возле камина, в котором тоже горел огонь, я с трудом сдерживал желание подойти к окну и взглянуть на костер, пламя которого одновременно и притягивало и пугало меня.

Войдя в комнату, мать прикрыла за собой дверь и сказала, что ей необходимо поговорить со мной. Она обращалась ко мне очень ласково.

– Скажи, то, что случилось с тобой, связано с известием о моей близкой смерти? – спросила она. – Признайся, если это действительно так. Дай мне свои руки.

Она даже поцеловала меня. В давно уже выцветшем халате, с не уложенными в прическу волосами, она казалась необычайно хрупкой. Мне невыносимо было видеть седые пряди на ее голове. Она выглядела худой и изможденной.

Я совершенно искренне ответил ей, что не знаю причины, а потом рассказал о том, что происходило в кабачке, стараясь не акцентировать внимание на наиболее ужасных моментах

и странной логике развития событий. Во всяком случае, я стремился, чтобы все выглядело не столь страшно.

– Ты настоящий воин, сынок, – выслушав меня, сказала она. – Ты никогда не смиришься. Даже если окажется, что такова судьба всего человечества, ты не согласишься принять ее.

– Я не могу, – горестно ответил я.

– Именно за это я и люблю тебя. Это так на тебя похоже – понять и увидеть такое, сидя поздно вечером за бутылкой вина в маленькой комнатке кабачка. И полностью в твоем характере восстать против этого, так же как ты восстаешь против всего остального.

Я понимал, что она не осуждает меня, и все же заплакал. Мать достала носовой платок, развернула его и вынула несколько золотых монет.

– Ты сумеешь все преодолеть, – промолвила она. – Все дело в том, что в данный момент тебе портит жизнь мысль о смерти. Но жизнь гораздо важнее смерти. И вскоре ты это поймешь. А теперь выслушай меня. Ко мне приходили врач и старуха из деревни, которая умеет лечить лучше любого врача. И оба они подтвердили, что мне осталось жить совсем недолго.

– Не говорите так, матушка! – воскликнул я, осознав вдруг, каким же я был эгоистом, но не в силах уже изменить что-либо. – И на этот раз, пожалуйста, не делайте мне никаких подарков! Спрячьте деньги.

– Сядь, – приказала она, указывая на скамью рядом с камином.

Я против воли подчинился, и она села рядом.

– Мне известно, – вновь заговорила она, – что вы с Никола говорили о побеге.

– Я никуда не убегу, матушка…

– Ты имеешь в виду, пока я не умру?

Я ничего не ответил. Мне трудно передать, что творилось тогда у меня в душе. Я еще не успел окончательно прийти в себя, меня трясло от нервного перенапряжения. А нам приходилось говорить о том, что эта живая, дышащая женщина в скором времени должна будет перестать жить и дышать, станет разрушаться, разлагаться, а душа ее умчится в пропасть; о том, что все ее страдания в момент смерти превратятся в ничто. Ее лицо с мелкими чертами походило на рисунок на вуали.

Из находившейся на достаточно большом расстоянии от замка деревни доносилось тихое пение собравшихся на праздник крестьян.

– Лестат, я хочу, чтобы ты уехал в Париж, – сказала она. – Я прошу тебя взять эти деньги – это все, что осталось у меня от наследства моей семьи. Когда придет мой час, я хочу быть уверенной, что ты уже в Париже. Лестат, я хочу умереть, зная, что ты в Париже.

Я был поражен. Мне вспомнилось потрясенное выражение ее лица в тот день, когда меня привезли домой после неудавшегося побега с итальянскими актерами. Я долго всматривался в ее глаза. В своем стремлении убедить меня она казалась едва ли не сердитой.

– Я панически боюсь смерти, – продолжала она, и голос звучал почти что сухо. – Но если в момент смерти я не буду уверена в том, что ты в Париже, что ты свободен, я просто сойду с ума.

Молча, одними глазами я просил у нее подтверждения того, что правильно понял ее слова.

– Так же как и твой отец, я стремилась удержать тебя возле себя, – вновь заговорила она. – Но причиной тому была не гордость, а эгоизм. А теперь настало время загладить вину. Я хочу увидеть, как ты уезжаешь. И мне совершенно все равно, что ты станешь делать, когда доберешься до Парижа, будешь ли петь под аккомпанемент скрипки Никола или крутить сальто на подмостках балагана на Сен-Жерменской ярмарке. Только уезжай и старайся как можно лучше делать то, что уготовит тебе судьба.

Я попытался обнять ее. В первый момент она напряглась, но тут же обмякла и прижалась ко мне всем телом, дав волю такой силы эмоциям, что мне показалось, будто я наконец

понял, почему она всегда стремилась держать себя в руках. Никогда прежде мне не приходилось видеть ее плачущей. И, невзирая на боль, которую я в тот момент испытывал, этот миг был едва ли не лучшим в моей жизни. Я стыдился этого чувства, но ни за что не хотел отпускать ее. Крепко прижав к себе, я целовал мать, восполняя то, чего был лишен всю свою жизнь, ибо раньше она не позволяла мне ее целовать. В те минуты мы казались двумя половинками одного целого.

Неожиданно она успокоилась и пришла в себя. Медленно, но решительно она высвободилась из моих объятий и оттолкнула меня.

Мы разговаривали еще очень долго. Она говорила о вещах, не всегда мне понятных, – о том наслаждении, которое она испытывала, видя, как я отправляюсь на охоту или сержусь на все и вся, забрасывая отца и братьев вопросами относительно того, почему мы должны жить именно так, а не иначе. С оттенком некоего суеверного страха она утверждала, что я составляю тайную часть ее самой и служу для нее неким органом, которого женщины лишены в реальной жизни.

– Ты – это мужчина во мне, – говорила она, – и именно поэтому я старалась удержать тебя возле себя и боялась без тебя остаться. И именно поэтому, возможно, я отпускаю тебя сейчас. Я просто делаю то, что уже однажды сделала.

Ее слова потрясли меня. Мне и в голову не могло прийти, что женщина может чувствовать или говорить что-либо подобное.

– Отцу Никола известно о ваших планах, – сказала она, – хозяин кабачка подслушивал ваши разговоры. А потому вы должны уехать как можно скорее. На рассвете садитесь в дилижанс. Как только доберетесь до Парижа, ты немедленно мне напишешь. На кладбище Невинных Мучеников возле Сен-Жерменской ярмарки есть люди, зарабатывающие на хлеб написанием писем. Найди там человека, знающего итальянский, и тогда твое письмо не сможет прочесть никто, кроме меня.

Она вышла из комнаты, а я еще долго сидел, глядя перед собой невидящими глазами, не в силах поверить, что все это происходит на самом деле. Потом осмотрелся вокруг: кровать с соломенным матрасом, две мои куртки и красный плащ, единственная пара кожаных сапог возле камина… Сквозь узкую щель окна я видел темные силуэты гор, знакомых мне с самого детства. В этот чудесный миг я вдруг избавился от ощущения мрака и темноты.

Вскоре я уже мчался вниз по лестнице и дальше, по склону горы к деревне, чтобы найти Никола и сообщить ему о нашем отъезде в Париж. Мы непременно сделаем это, и на этот раз никто не сможет остановить нас.

Вместе со своей семьей он был возле костра. Увидев меня, он бросился мне на шею, а я, обхватив его за плечи, потащил прочь от пламени и собравшейся вокруг него толпы на самый край луга.

Как это бывает только весной, воздух буквально пропитался запахом свежей зелени. Даже пение крестьян не казалось мне в эти минуты столь ужасным. Я бросился в пляс по кругу.

– Возьми свою скрипку, – говорил я Никола, – и сыграй о том, что мы едем в Париж! Мы уезжаем утром! Мы уже в пути!

– А на что мы будем жить в Париже? – пропел он в ответ, делая вид, что играет на невидимой скрипке. – Ты что, собираешься охотиться на крыс и есть их на ужин?

– Пусть тебя не волнует, что будет, когда мы наконец окажемся там. Главное, мы будем жить в Париже!

Глава 7

Меньше чем через две недели в полдень я стоял в толпе посреди огромного кладбища Невинных Мучеников с его старинными сводами и зловонными открытыми могилами. Это

была самая фантастическая рыночная площадь, какую мне только пришлось видеть в своей жизни. Я стоял среди всего этого шума и вони и диктовал человеку, умеющему писать по-итальянски, первое письмо к матери.

Я сообщал ей, что мы ехали днем и ночью и наконец благополучно добрались до Парижа, что мы сняли комнаты на Иль-де-ля-Сите, и что мы безмерно счастливы, и что гостеприимством, красотой и великолепием Париж превзошел все мои ожидания.

Мне очень хотелось самому взять ручку и лично написать ей обо всем.

Мне хотелось рассказать ей о тех чувствах, которые я испытывал при виде старинных особняков с башенками, древних извилистых улочек, заполненных толпами нищих, торговцев разного рода товарами и людей благородного происхождения, при виде четырех- и пятиэтажных домов на бульварах.

Мне хотелось описать ей золоченые, со стеклянными окошечками кареты, проносящиеся по Пон-Неф и Пон-Нотр-Дам, мимо Лувра и Пале-Рояля.

А еще я описал бы ей тех людей, которых мне приходилось встречать, – мужчин в чулках со стрелками и с серебряными тростями в руках, гуляющих по грязным улицам в светлых туфлях, женщин в переливающихся перламутром париках и изящных платьях из шелка и муслина. Я рассказал бы о впечатлении, произведенном на меня прогуливающейся в садах Тюильри Марией-Антуанеттой.

Конечно же, все это моя мать видела еще задолго до моего рождения. Вместе со своим отцом она жила в Неаполе, в Риме и в Лондоне. Но мне хотелось поблагодарить ее за предоставленную мне возможность услышать пение хора в соборе Нотр-Дам, посетить вместе с Никола переполненные кафе и там за чашкой хорошего английского кофе стать участником споров, которые без конца вели прежние товарищи Никола по университету, или, нарядно одевшись – а Никола настоял на том, чтобы я пользовался его гардеробом, – отправиться в «Комеди Франсез» и там, стоя возле рампы, любоваться актерами на сцене.

Однако то, что я написал в своем письме, было, возможно, самыми лучшими новостями: адрес наших комнат в мансарде на Иль-де-ля-Сите и сообщение о том, что меня приняли в настоящий театр, где я буду обучаться актерскому мастерству и, вполне возможно, в скором времени выйду на сцену.

Я, правда, умолчал о том, что нам приходилось подниматься пешком на шестой этаж, что под нашими окнами постоянно слышались крики и брань, что у нас совсем не осталось денег, потому что я таскал своего друга на все оперы и балеты, какие только давались в городе. Не написал я и о том, что заведение, в котором я работал, мало чем отличалось от ярмарочного балагана: это был крохотный театрик на одном из бульваров, где моими обязанностями были продажа билетов, помощь актерам во время переодевания, а также уборка помещений и вышвыривание на улицу нарушителей порядка.

И все же, несмотря ни на что, я был на вершине блаженства. Так же как, впрочем, и Никола, хотя его не принимали на работу ни в один хоть сколько-нибудь приличный оркестр и он вынужден был исполнять сольные партии в маленьком ансамбле музыкантов того театрика, в котором работал я, а в случае особенно острой нужды он играл на бульварах, тогда как я со шляпой в руках обходил публику. При этом мы не испытывали ровным счетом никакого стыда.

Каждый вечер мы буквально взлетали вверх по ступенькам к себе в мансарду, держа в руках бутылку дешевого вина и буханку чудесного мягкого парижского хлеба, которые казались нам деликатесами после того, что нам приходилось есть и пить в Оверни. При свете стоявших в единственном имевшемся у нас канделябре свечей мансарда представлялась нам лучшим в мире местом.

Как я уже говорил раньше, мне редко приходилось бывать в маленьких, обшитых деревом помещениях, за исключением разве что комнатки в кабачке. А здесь потолок и стены были оштукатурены. Это был настоящий Париж! Деревянный пол в комнатах был натерт до блеска,

имелся даже маленький камин с новым дымоходом, тяга в котором оказалась действительно прекрасной.

Что из того, что нам приходилось спать на комковатых циновках и соседи своими шумными драками будили нас по ночам? Ведь просыпались-то мы в Париже и могли, взявшись за руки, без конца гулять по его улицам и аллеям, заглядывать в магазины, заваленные драгоценными камнями, золотыми изделиями, скульптурами и гобеленами, – подобной роскоши мне прежде видеть не доводилось. Даже вонючие мясные рынки приводили меня в восхищение. Мне нравились шум и грохот большого города, суета тысяч и тысяч его жителей – ремесленников, клерков, художников, бесконечное мелькание лиц.

Днем я почти забывал о видениях, посетивших меня в кабачке, за исключением разве что тех случаев, когда на глаза мне попадался валявшийся на улице труп, которых, надо сказать, было немало на грязных городских аллеях, или когда мне случалось присутствовать на Пляс-де-Грев, где происходили публичные казни.

А я почему-то всегда оказывался на Пляс-де-Грев во время публичных казней.

И каждый раз я со стонами покидал площадь, дрожа с головы до ног. Это становилось для меня наваждением, грозящим полностью разрушить мою психику. Но Никола оставался непреклонным.

– Лестат, пожалуйста, никаких разговоров о вечном, о непознаваемом, о том, что невозможно изменить, – требовал он, грозя в противном случае хорошенько встряхнуть или даже ударить меня.

Но с наступлением сумерек – а это время суток я ненавидел больше всего, – вне зависимости от того, присутствовал ли я в тот день на казни и был ли день ясным или пасмурным, меня неизменно охватывала дрожь. Единственным спасением оставался теплый, уютный, ярко освещенный театр, а потому я старался всегда оказаться там до заката солнца.

Надо сказать, что в то время в Париже театры на бульварах вообще не имели каких-либо законных прав. Государственной поддержкой пользовались только «Комеди Франсез» и Итальянский театр, где и ставились достойные внимания спектакли – трагедии, комедии, пьесы Расина, Корнеля и великолепного Вольтера.

Старинные же итальянские комедии масок, которые я так любил и героями которых были Панталоне, Арлекин, Скарамуш и многие другие, продолжали жить, как и прежде, на подмостках балаганов на Сен-Жерменской ярмарке вместе с канатоходцами, акробатами, жонглерами и кукольниками.

Наследниками и последователями ярмарочных балаганов были театры на бульварах. В последние десятилетия восемнадцатого века они прочно обосновались по обе стороны бульвара Тамплиеров, и, хотя актеры играли главным образом для городской бедноты, для тех, кто не мог позволить себе купить билет в настоящий большой театр, среди публики можно было встретить людей вполне состоятельных. Многие аристократы и богатые буржуа приходили в ложи бульварных театров, потому что представления в них отличались живостью и талантливой игрой актеров и не были столь напыщенны, как пьесы Расина и великого Вольтера.

Мы ставили итальянские комедии точно так же, как учили меня делать это прежде. Они были полны импровизаций, а потому каждое представление получалось новым и неповторимым, несмотря на то что пьеса оставалась той же, что и в предыдущий вечер. Кроме того, мы пели и занимались на сцене всякого рода другой чепухой, но не потому, что это нравилось публике, а потому, что были вынуждены делать это, чтобы нас не обвинили в нарушении монополии государственных театров на чистое искусство.

Сам театр представлял собой обшарпанную деревянную крысиную нору, в которой могли разместиться не больше трех сотен зрителей. Но при этом его сцена и интерьеры были оформлены весьма элегантно, а голубой бархатный занавес выглядел просто шикарно. Ложи от остальной части зрительного зала отделялись барьерами и шторками. Актеры и актрисы обла-

дали большим опытом игры и, несомненно, были очень талантливы, хотя, быть может, мне просто так казалось в то время.

Даже если бы я не страдал недавно приобретенной боязнью темноты, этой «болезнью смертности», как упорно называл ее Никола, мое радостное возбуждение в тот момент, когда я выходил на сцену, едва ли было бы меньшим.

Каждый вечер в течение пяти или шести часов я жил в маленькой вселенной, полной смеха, криков и ссор, борьбы за кого-то и против кого-то, где все мы были товарищами друг другу, даже если на самом деле нас не связывала дружба. Мы словно плыли в одной лодке по безбрежному океану, вынужденные в полном согласии налегать на весла, ибо не имели возможности разойтись в разные стороны. Это было божественно!

Никола не разделял моего безграничного энтузиазма, но можно ли было ожидать от него чего-либо иного. Когда его богатые приятели-студенты приходили поболтать с ним, он становился более ироничным, чем обычно. Из-за того образа жизни, который он вел, они считали его едва ли не безумцем. Что же касается меня, то с аристократом, который пал так низко, что помогает переодеваться актрисам и выносит помои, они не желали даже разговаривать.

На самом деле эти молодые буржуа стремились любыми способами превратиться в аристократов. Они при первой же возможности покупали себе титулы или женились на девушках из благородных семей. Одна из насмешек истории в том и состоит, что во время Великой революции они встали на сторону восставших и помогали уничтожать именно тот класс, к которому сами всегда стремились принадлежать.

Друзья Никола меня совершенно не интересовали. Актеры не имели понятия о моем происхождении, а я отказался от своего родового имени де Лионкур и сменил его на более простое, ничего ни для кого не значившее. Отныне меня звали Лестат де Валуа.

Я старательно изучал все, что имело отношение к сцене, запоминал, подражал, задавал бесчисленные вопросы. Я забывал об этом лишь в те минуты, когда Никола солировал на скрипке. Он поднимался со своего места в маленьком оркестре, луч света выхватывал из темноты его фигуру, и Никола начинал играть одну из прекрасных маленьких сонат. Иногда мне казалось, что, прозвучи его музыка чуть дольше, стены театра, не выдержав, рухнут.

И все это время я жил в ожидании того момента в жизни, когда старые актеры, у которых я учился, которым подражал и прислуживал как лакей, наконец скажут:

«Ну что ж, Лестат, сегодня вечером мы хотим видеть тебя в роли Лелио. Теперь ты знаешь, что должен делать».

И вот в августе этот момент настал.

В Париже стояла жара, ночи были теплыми, даже душными, и театр заполняли не знавшие, чем еще занять себя, люди. Они жаждали развлечений и от духоты обмахивались носовыми платками и программками. Толстый слой белого грима, который я наложил на лицо, таял на глазах.

На мне был лучший бархатный плащ Никола, на боку болталась картонная шпага, и я дрожал с головы до ног, думая про себя, что, наверное, примерно такие же чувства испытывает приговоренный перед казнью.

Но едва я вышел на сцену, повернулся и увидел перед собой переполненный зал, со мной произошло нечто странное: весь мой страх мгновенно улетучился.

С сияющей улыбкой я отвесил зрителям медленный поклон и уставился на прекрасную Фламинию так, словно увидел ее впервые в жизни. Передо мной стояла задача завоевать ее сердце. Игра началась.

Точно так же как это уже было когда-то, много лет назад, в маленьком провинциальном городке, сцена принадлежала сейчас мне. Мы носились от кулисы к кулисе, ссорились, обнимались, дурачились, а в зале стоял такой хохот, что, казалось, дрожали стены.

Я чувствовал неослабевающее внимание публики. Каждый жест, каждое движение вызывало гомерический хохот аудитории. Все оказалось на удивление просто, и мы могли бы продолжать в том же духе еще по меньшей мере полчаса, если бы другие актеры, которым не терпелось исполнить свои, как они их называли, трюки, не заставили нас уйти за кулисы.

Публика аплодировала нам стоя. И это не были провинциалы, стоявшие вокруг подмостков под открытым небом. Это были парижане, криками своими требующие возвращения на сцену Лелио и Фламинии!

Когда я оказался за кулисами, меня буквально шатало и я едва не потерял сознание. Я ничего не видел вокруг себя, перед глазами стояла публика, глядящая на меня из-за огней рампы. Я жаждал вновь вернуться на сцену. Схватив в объятия Фламинию, я поцеловал ее и вдруг почувствовал, что в ответ она страстно целует меня.

Потом старый управляющий театром Рено оттолкнул ее.

– Ну что ж, Лестат, – сказал он задумчиво, – ты справился вполне прилично. Отныне я позволю тебе регулярно выходить на сцену.

Прежде чем я успел подпрыгнуть от счастья, нас окружила почти половина актеров труппы, и одна из актрис – Лючина – тут же воскликнула:

– Ну уж нет! Речь не о том, что ты позволишь ему регулярно выходить на сцену. Да он самый красивый актер на бульваре Тамплиеров, и ты наймешь его в труппу как положено и будешь платить ему как положено, и он никогда больше не возьмет в руки ни метлу, ни помойное ведро.

Я пришел в ужас. Моя карьера только началась и грозила тут же закончиться. Но, к моему неописуемому удивлению, Рено не раздумывая согласился на все ее условия.

Конечно, я был очень польщен тем, что меня назвали красивым, и понял, что Лелио может играть лишь актер, обладающий определенным стилем. И аристократ с моим воспитанием как нельзя лучше подходил для этой роли.

Но если я хотел, чтобы меня действительно заметила парижская публика, если я хотел, чтобы на меня обратили внимание в «Комеди Франсез», мне предстояло стать чем-то большим, чем златокудрый ангелочек, свалившийся на сцену прямо из дома благородного маркиза. Я должен был стать поистине великим актером. Именно этого я и намеревался в скором времени добиться.

В тот вечер мы с Никола отпраздновали мой успех грандиозной пьянкой, пригласив к себе в мансарду всю труппу. Потом я вылез на покатую скользкую крышу и раскрыл объятия всему Парижу, а Никола, стоя у окна, играл на скрипке, пока в конце концов мы не перебудили всех соседей.

Музыка была поистине восхитительной, но люди недовольно ворчали, ругались и орали, даже стучали кастрюлями и сковородами. Мы просто не обращали на них внимания. Мы пели и плясали почти так же, как не так давно делали это на поляне ведьм. Я даже едва не вывалился в окно.

На следующий день я стоял с бутылкой в руках под палящими лучами солнца на кладбище Невинных Мучеников и диктовал писцу-итальянцу послание к своей матушке, в котором подробно описывал события прошедшего вечера. Я проследил, чтобы письмо было отправлено немедленно. Мне хотелось обнимать и целовать каждого встречного. Я стал Лелио! Я стал актером!

К сентябрю мое имя появилось в программке. Ее я тоже послал матери.

Теперь мы играли уже не старинные итальянские комедии, а фарс, написанный одним знаменитым сочинителем пьес, который из-за всеобщей забастовки драматургов не имел возможности поставить свое творение на сцене «Комеди Франсез».

Мы, конечно же, не могли указать его имя, но всем было известно, что это его пьеса, и каждый вечер зал театра Рено заполняли толпы придворных.

Моя роль в спектакле не была главной. Я вновь играл юного влюбленного, в чем-то похожего на Лелио, и это было еще лучше, чем исполнять ведущую роль. Как только я появлялся на сцене, все внимание зрителей обращалось на меня. Никола разучил со мной роль, постоянно ругая меня за то, что я так и не научился читать. К четвертому представлению пьесы драматург написал для меня еще несколько реплик.

В антракте Никола играл прекрасную сонату Моцарта, и его интерпретация чудесной музыки композитора удерживала зрителей на местах, не позволяя им покинуть зал. Даже его прежние приятели-студенты стали снова приходить к нам. Мы получали приглашения на частные балы. Раз в несколько дней я выкраивал время, чтобы отправиться на кладбище Невинных Мучеников и продиктовать очередное письмо к матушке. И наконец в руках у меня оказалась вырезка из английской газеты «The Spectator» с восторженной рецензией на наш спектакль, в которой особенно была отмечена игра светловолосого проказника, крадущего в третьем и четвертом акте сердца абсолютно всех присутствующих в зрительном зале дам. Эту вырезку я тоже послал матери. Сам я, конечно, не мог прочитать рецензию, но тот человек, который принес ее мне, сказал, что она хвалебная, а Никола поклялся в том, что это именно так.

Холодными осенними вечерами я играл на сцене в своем красном бархатном плаще на меху. Даже полуслепой мог хорошо видеть его с самого последнего ряда галерки. Теперь я освоил и искусство накладывания грима, умело чередовал белый цвет с более темным, тем самым подчеркивая черты лица. Несмотря на черные тени вокруг глаз и ярко-красные губы, я выглядел очень естественно и одновременно эффектно. Я постоянно получал любовные записки от женщин.

По утрам Никола брал уроки игры на скрипке у итальянского маэстро. У нас теперь были деньги и на хорошую еду, и на дрова, и на уголь. Два раза в неделю приходили письма от матери. Она писала, что здоровье ее улучшается, что она уже не кашляет так страшно, как зимой, и почти не чувствует боли. Однако отцы лишили нас наследства и не желали слышать наших имен.

Мы были слишком счастливы, чтобы огорчаться из-за подобных пустяков. Но с наступлением холодов во мне еще более усилилось ощущение страшной опасности, «болезнь смертности».

В Париже холода причиняли особенно много неприятностей. Здесь не было такого чистого воздуха, как в горах.

Голодные, дрожащие от холода бедняки стучались в двери домов. Ухабистые, немощеные дороги были покрыты слоем липкой грязи. Босоногие ребятишки не знали, как спастись от пронизывающей стужи. Такого количества неубранных трупов на парижских улицах мне еще не приходилось видеть. Мой подбитый мехом плащ радовал меня больше, чем когда бы то ни было. Мы заворачивались в него вместе с Никола и, тесно прижавшись друг к другу, шли под дождем и снегом.

Однако холод не мешал мне в те дни чувствовать себя бесконечно счастливым. Именно о такой жизни я всегда мечтал. Я знал, что не задержусь надолго в театре Рено. Об этом твердили все окружающие. Я уже представлял себя на огромной сцене и в своем воображении рисовал картины успешных выступлений в составе настоящей театральной труппы в Лондоне, в Италии и даже в Америке. Однако пока у меня имелось все необходимое, а потому не было никаких оснований для спешки.

Глава 8

В октябре, когда Париж буквально застывал от холода, я вдруг стал регулярно замечать среди собиравшейся в зале публики одно и то же странное лицо, которое неизменно приводило меня в смущение. Иногда, увидев его, я даже забывал о том, что должен делать. И каждый раз лицо исчезало так же неожиданно, как и появлялось. Можно было подумать, что оно было не более чем плодом моего воображения. Так продолжалось в течение примерно двух недель, и в конце концов я не выдержал и рассказал обо всем Ники.

– Кто-то… следит за мной, – сказал я ему, чувствуя себя неловко и с трудом подбирая слова.

– За тобой следят абсолютно все, – ответил он. – Именно такого внимания ты и добивался.

В тот вечер Ники был не в настроении, и ответ его прозвучал несколько резко.

Чуть раньше, разжигая в камине огонь, он говорил о том, что своей игрой на скрипке никогда не сумеет достичь больших высот, несмотря на прекрасный слух и мастерство, – слишком многого он еще не знает. В то же время он был абсолютно уверен в том, что я стану великим актером. Я, конечно же, отвечал, что он болтает глупости, хотя в душе понимал его правоту. Мне вспомнились вдруг слова моей матери о том, что Никола слишком поздно начал.

Ники объяснил мне, что дело вовсе не в зависти, – просто он слегка расстроен.

Я решил забыть на время о странном лице и придумать какой-нибудь способ поднять Ники настроение и заставить его поверить в собственные силы. Я напомнил ему о тех возвышенных эмоциях, которые пробуждает его игра в душах людей, о том, что даже актеры за кулисами останавливаются и с замиранием сердца прислушиваются к его сольным партиям, о том, что он несомненно обладает огромным талантом.

– Но я мечтал стать великим скрипачом! – воскликнул Никола. – Боюсь, этого никогда не будет. Пока мы жили дома, я хотя бы мог делать вид, что это вполне возможно.

– Ты не должен сдаваться, – ответил я.

– Позволь мне быть с тобой откровенным, Лестат. Тебе все дается очень легко. Стоит тебе только захотеть, и ты добиваешься цели. Понимаю, ты сейчас вспомнил о том времени, когда был так несчастен в собственном доме. Но даже тогда тебе удавалось исполнять все тобою задуманное. Ты решил уехать в Париж – и что же?.. В тот же день мы двинулись в путь.

– Разве ты жалеешь о том, что мы в Париже? – спросил я.

– Конечно нет! Я говорю сейчас, что ты склонен считать возможным то, что на самом деле совершенно невозможно. Во всяком случае, для всех остальных. Возьми, например, историю с волками…

При этих словах по спине у меня пробежал какой-то странный холодок, а перед глазами вновь почему-то возникло лицо странного незнакомца, следившего за мной из зала. Каким образом это было связано с волками? Какое отношение это имело к тем чувствам, о которых говорил мне Никола? Не находя ответа, я постарался отбросить пустые тревоги.

– Мне кажется, что, если бы ты решил вдруг научиться играть на скрипке, ты бы сейчас уже играл для королевского двора, – продолжал Ники.

– Послушай, подобные разговоры ни к чему не приведут, – очень тихо ответил я. – Следует просто стремиться добиться того, что ты хочешь, – другого выхода нет. Ты же знал, что с самого начала обстоятельства против тебя. И нет ничего, кроме… кроме…

– Знаю, знаю, – улыбнулся он. – Кроме бессмысленности. И смерти.

– Вот именно, – кивнул я. – Все, что тебе остается, – это придать смысл собственной жизни, сделать ее добродетельной…

– Ради бога, только не говори мне снова о добродетели! – воскликнул Ники. – Опять эта твоя болезнь смертности и добродетели! – Он перестал смотреть на огонь и повернул ко мне недовольное лицо. – Мы не более чем актеры, шуты, призванные развлекать публику. Мы лишены даже права быть похороненными в освященной земле. Мы изгои общества.

– Господи! Если бы ты только мог поверить мне! Пойми же наконец, что наша добродетель в том и состоит, чтобы помочь людям забыть о горестях, заставить их хоть на время забыть…

– О чем? О том, что всех их ожидает смерть? – Улыбка его была, как никогда, ожесточенной. – Лестат, я надеялся, что в Париже ты сумеешь со всем этим справиться.

– С твоей стороны было глупо надеяться на это, – ответил я, в свою очередь начиная сердиться на Ники. – Я чувствую, что на бульваре Тамплиеров я творю добро…

Я вдруг замолчал, потому что перед моими глазами снова возникло лицо таинственного незнакомца, и меня, словно предвестие беды, охватило странное чувство. Вспомнил я и о том, что на этом лице, как ни странно, всегда была улыбка. Да, он улыбался, наслаждался…

– Лестат, я люблю тебя, – мрачно сказал Ники. – Я мало кого любил в своей жизни так, как тебя. И все же я должен сказать, что на самом деле со всеми этими идеями добродетели ты просто глупец.

Я расхохотался ему в ответ:

– Никола, я могу жить без веры в Бога. Могу смириться даже с сознанием того, что не существует жизни после смерти. Но я не в состоянии жить без веры в возможность творить добро. Вместо того чтобы постоянно насмехаться надо мной, почему бы тебе не рассказать о том, во что веришь ты?

– Я считаю, – ответил он, – что есть слабость и есть сила. Есть искусство хорошее и искусство плохое. Вот в этом-то и состоит моя вера. В настоящее время мы занимаемся тем, что можно назвать плохим искусством, и оно не имеет никакого отношения к добродетели!

Если бы в тот момент я сказал все, что думал о самомнении и напыщенности буржуа, наш разговор мог превратиться в настоящую схватку. Ибо я был твердо убежден, что наша работа в театре Рено во всех отношениях приносит гораздо больше пользы, чем то, что делается в больших театрах. Скромнее, незаметнее была лишь внешняя оболочка. Ну почему все эти джентльмены, представители буржуазного класса, в том числе и мой друг, придают такое огромное значение внешним проявлениям? Почему он не в состоянии заглянуть дальше поверхности?

Я вздохнул.

– Если даже добродетель и существует, – снова заговорил Никола, – то я нахожусь на противоположной от нее стороне. Я сам есть зло, я купаюсь во зле. Чихал я на твою добродетель! Если хочешь знать, я играю на скрипке вовсе не для тех идиотов, которые приходят в театр Рено. Я играю только для себя и ради себя, ради Никола!

Я не желал больше слушать его. Пора было ложиться спать. Однако наш разговор ранил мне душу, и Никола понимал это. Едва я начал стягивать с себя сапоги, он подошел и сел рядом со мной.

– Прости меня, – произнес он расстроенным тоном, так отличавшимся от того, каким он говорил со мной, что я не удержался и взглянул на него.

Он выглядел очень молодо и казался настолько подавленным… Я обнял его и попросил выбросить все это из головы.

– От тебя исходит какое-то сияние, Лестат, – сказал он. – Ты обладаешь необъяснимой силой, которая притягивает всех, кто тебя окружает. Ты не утрачиваешь ее даже в минуты гнева или растерянности…

– Это все лирика, – ответил я. – Мы оба очень устали.

– Нет, это действительно так. Внутри тебя сияет почти ослепительный свет. А во мне есть только темнота. Иногда мне кажется, что такая же темнота завладела и тобой – там, в кабачке,

когда ты задрожал и расплакался. Ты не был готов к этому, а потому оказался беспомощным перед нею. Я пытаюсь уберечь тебя от этой тьмы, потому что отчаянно нуждаюсь в том свете, который ты излучаешь, а тебе темнота не нужна.

– Ты просто безумец! – воскликнул я. – Если бы ты сам мог услышать свой голос, свою музыку, ту, которую, как ты утверждаешь, исполняешь для себя, то перестал бы видеть темноту. Поверь, Ники, ты непременно увидел бы свет! Унылый и безрадостный – согласен, но все же свет. А свет и красота существуют в тебе нераздельно и проявляются тысячами своих форм.

На следующий вечер наше представление имело особенно большой успех. Зрители живо реагировали на все происходящее на сцене, тем самым вдохновляя нас на все новые и новые трюки. Я проделал несколько новых танцевальных па, которые, как ни странно, на репетициях казались не особо удачными, а сейчас, во время спектакля, были восторженно приняты публикой. Ники великолепно исполнил одно из собственных сочинений.

Уже почти в самом конце представления я вдруг снова увидел таинственное лицо, заставившее меня испытать столь сильное потрясение, что я едва не сбился с мелодии и не забыл слова.

На какой-то миг мне показалось, что перед глазами все плывет, а голова идет кругом.

Когда мы с Ники остались наедине, я вынужден был рассказать ему об этом, о странном ощущении, будто я заснул прямо на сцене и увидел сон.

Поставив на узкую каминную полку стаканы с вином, мы сидели возле огня, и я заметил, что Никола выглядит все таким же усталым и удрученным, как и накануне.

Мне не хотелось расстраивать его еще больше, однако я не мог не рассказать ему о таинственном лице.

– А как он выглядел? – спросил Никола, протягивая к огню руки, чтобы согреть их.

В окне за его спиной я видел покрытые снегом городские крыши, и это зрелище заставило меня поежиться от холода. Меня угнетала тема нашей беседы.

– В этом-то и состоит весь ужас, – ответил я. – Я всегда вижу только лицо. Возможно, он одет во что-то черное – в плащ, может быть даже с капюшоном. Но это очень белое и абсолютно чистое лицо похоже скорее на маску. Черты его выделяются так резко, что кажется, будто они обведены черным контуром. Оно мелькает всего лишь на миг и при этом заметно светится. А когда я снова бросаю взгляд туда, где он только что стоял, лицо бесследно исчезает. Конечно, в моем рассказе все выглядит несколько преувеличенным. На самом деле все происходит как-то иначе, мягче, что ли… и его внешность… но все же…

Мой рассказ, похоже, потряс Никола ничуть не меньше, чем меня самого. Он не произнес ни слова, однако лицо его заметно смягчилось и утратило горькое выражение.

– Знаешь, – очень мягко и совершенно искренне заговорил он, – мне не хотелось бы тешить тебя напрасными надеждами, но, вполне возможно, ты и в самом деле видишь всего лишь маску. А что, если этот человек из «Комеди Франсез» и приходит сюда специально, чтобы посмотреть на твою игру?

Я лишь покачал головой:

– Хотелось бы мне, чтобы это было так. Но никто не наденет на себя такую маску. Расскажу тебе кое-что еще…

Он молча ждал, и я не сомневался, что дурные предчувствия в какой-то мере передались и ему. Он протянул руку и, взяв бутылку за горлышко, налил немного вина в мой стакан.

– Кем бы он ни был, ему известно о волках, – выпалил вдруг я.

– Известно о чем?!

– Ему известно о волках, – повторил я, но на этот раз не очень уверенно. Я словно вспоминал сон, который не в силах был забыть. – Он знает, что там, дома, я убил волков. Знает и то, что мой плащ подбит изнутри их мехом.

– О чем это ты? Ты что, разговаривал с ним?

– В том-то и дело, что нет! – воскликнул я. Все казалось мне таким неясным, смущало и тревожило меня. Я вновь почувствовал странное головокружение. – Именно это я и пытаюсь тебе объяснить. Я никогда не говорил с ним, даже близко к нему не подходил. И тем не менее ему все известно.

– Ах, Лестат, – с полной нежности улыбкой, откинувшись на скамье, воскликнул Никола, – в следующий раз тебе привидятся призраки! Никогда в жизни мне не приходилось встречать людей с таким богатым воображением, как у тебя!

– Никаких призраков нет, – тихо ответил я, раздувая огонь и подкладывая в него куски угля.

Никола стал вдруг серьезным:

– Так откуда же, черт возьми, мог он узнать о волках? И откуда ты…

– Я же говорю тебе – понятия не имею! – воскликнул я, потом замолчал и задумался, недовольный собой, потому что прекрасно понимал, как смехотворно и нелепо, должно быть, выгляжу во всей этой истории.

Потом мы еще долго сидели молча, тишину нарушало лишь потрескивание огня в камине, и в неподвижности комнаты пламя было единственным, что еще продолжало шевелиться. И тут откуда-то издалека до моего слуха отчетливо донеслись слова: «Убийца Волков». Словно их кто-то явственно произнес…

Но их никто не произносил.

Я взглянул на Ники и с ужасом понял, что его губы не шевелились. Кровь отхлынула от моего лица, и на этот раз я почувствовал не просто угрозу смерти, как это уже не раз случалось со мной по вечерам. Я ощутил нечто доселе мне совершенно незнакомое – страх.

Не веря ушам и не доверяя эмоциям, я продолжал молча сидеть, пока наконец Никола не обнял и не поцеловал меня.

– Пошли спать, – мягко сказал он.

Часть II
Наследство Магнуса

Глава 1

Было, должно быть, три часа ночи – сквозь сон до меня донесся звон церковных колоколов.

Как и все разумные обитатели Парижа, мы запирали двери на засов и закрывали на задвижку окно. Конечно, это было не слишком хорошо, поскольку комната отапливалась углем, но к нашему окну легко можно было пройти по крыше. Вот почему мы спали взаперти.

Мне снились волки. Я вновь очутился в горах, окруженный волками, и снова размахивал средневековой булавой. Потом я увидел, что волки мертвы, и сон мой стал более приятным, но мне еще предстояло проделать по глубокому снегу весь путь до дому. Где-то кричала и билась лошадь. Кобыла превратилась в полураздавленное на каменном полу насекомое.

«Убийца Волков», – тихо и протяжно произнес голос, в котором одновременно звучали призыв и уважение.

Я открыл глаза. А быть может, мне только показалось, что открыл. Кто-то был в комнате. Спиной к огню стояла, чуть склонившись, высокая фигура. Угли в камине еще не потухли, света от них было вполне достаточно, чтобы четко обозначить контуры нижней части фигуры, но голова и плечи тонули в темноте. Однако я догадался, что передо мной то же белое лицо, которое я видел в театре, и вдруг до меня дошло – ведь комната заперта, а рядом лежит Никола, и все равно, несмотря на это, прямо над нашей кроватью нависает фигура незнакомца.

До меня доносилось дыхание Никола, а перед моими глазами стояло белое лицо.

«Убийца Волков», – услышал я снова, но губы неизвестного при этом остались неподвижными. Лицо приблизилось ко мне, и я увидел, что это отнюдь не маска. Темные глаза… темные, почти черные, взгляд их внимателен и проницателен… белая кожа… и исходящий от нее жуткий запах, похожий на запах гниющей в сыром помещении одежды.

Мне показалось, что я вскочил. Или меня кто-то поднял. Как бы то ни было, но меньше чем через секунду я уже стоял на ногах. Остатки сна мгновенно улетучились, и я попятился к стене.

В руках у странного посетителя я увидел свой плащ. В тот момент я пожалел, что со мной нет моей шпаги и мушкетов. Они были спрятаны под кроватью. Существо набросило на меня плащ, и сквозь мех и бархат я почувствовал, как его пальцы вцепились в отвороты моей куртки.

Он оттащил меня от стены и швырнул через всю комнату. Я потерял равновесие и упал. Я звал на помощь Никола. «Ники! Ники!!!» – что есть мочи кричал я, стараясь его разбудить. И тут я заметил, что окно приоткрыто, и в ту же секунду услышал звон разлетающегося на тысячи осколков стекла и треск ломающейся деревянной рамы… Я летел вдоль аллеи на высоте шести этажей над землей…

Вопя от ужаса, я колотил руками тащившее меня существо и, извиваясь, пытался освободиться от красного плаща, в который был завернут.

Сначала мы летели высоко над крышами, а потом стали подниматься вдоль отвесной кирпичной стены еще выше. Все это время я беспомощно болтался в руках ужасного существа, пока наконец он не швырнул меня на твердую поверхность чего-то расположенного на огромной высоте.

С минуту я лежал, глядя на раскинувшийся перед моими глазами Париж, на белый снег, покрывающий городские крыши, на торчащие печные трубы, на высокие колокольни соборов и, казалось, на совсем близкое, низко нависшее надо мной небо. Потом я вскочил на ноги, спо-

ткнулся о красный плащ, но удержался и побежал. Подбежав к самому краю крыши, я глянул вниз и не увидел ничего, кроме пропасти глубиной в несколько сотен футов. Возле противоположного края меня ожидала точно такая же картина. Я едва не рухнул в бездну.

Задыхаясь от бега, я в отчаянии огляделся. Мы находились на самом верху какой-то квадратной башни не более пятидесяти футов шириной. Она была самой высокой во всей округе. Незнакомец стоял, не сводя с меня пристального взгляда, и я вдруг услышал его тихий хрипловатый смех, а потом тот же голос шепотом произнес:

– Убийца Волков.

– Проклятье! – закричал я. – Кто вы, черт побери, такой? – И бросился на него с кулаками.

Он даже не пошевелился. С таким же успехом я мог врезаться в кирпичную стену. Я буквально отлетел от него, поскользнулся на снегу, упал, но тут же снова поднялся и опять кинулся на странное существо.

Хохот его становился все громче и громче. В нем явственно слышалась насмешка, он издевался надо мной, но в то же время было отчетливо видно, что он получает удовольствие от своей «игры», и это приводило меня в бешенство. Отбежав к самому краю, я вновь повернулся к незнакомцу лицом.

– Что вам от меня нужно? – крикнул я. – Кто вы?

Услышав вместо ответа все тот же гомерический, сводящий с ума хохот, я набросился на него в очередной раз. Теперь, согнув пальцы наподобие звериных когтей, я целился ему в лицо и шею. Мне удалось сбросить с него капюшон, и я увидел обычной формы человеческую голову, темные волосы и мягкую, почти нежную кожу. Однако он по-прежнему оставался неподвижным.

Потом он слегка отодвинулся назад, поднял руки и принялся трясти меня, раскачивая взад и вперед, словно маленького ребенка. То влево, то вправо он отворачивал от меня лицо, причем движения были столь быстрыми, что я не успевал уследить за ними. Он проделывал все с такой легкостью, как будто это ему не стоило никаких усилий, в то время как я безуспешно пытался ударить его, причинить ему боль… Но мои пальцы лишь легко скользили по бледной и мягкой коже, и раз или два мне удалось провести рукой по блестящим темным волосам.

– Ты храбрый и сильный, маленький Убийца Волков, – произнес он, и на этот раз голос его был низким, мягким и даже приятным.

Перестав сопротивляться, я пригляделся к нему повнимательнее, а когда мне удалось хорошенько рассмотреть черты лица, которое я видел в театре лишь мельком, я буквально задохнулся от ужаса и покрылся холодным потом. Эти глубокие морщины, изогнутый и приоткрытый в насмешливой улыбке рот…

– Господи! Помоги мне! Спаси и сохрани меня, Боже!.. – пятясь, беспрерывно повторял я. Мне казалось невероятным, что такое лицо способно двигаться, принимать какое бы то ни было выражение и смотреть на меня с таким волнением, как это. – Господи! Боже мой!

– О каком боге ты говоришь, Убийца Волков? – спросил он.

Повернувшись к нему спиной, я издал поистине ужасное звериное рычание и почувствовал, как его руки железной хваткой вцепились мне в плечи. В последней отчаянной попытке я рванулся, стараясь высвободиться, но он резким движением развернул меня лицом к себе, и прямо передо мной оказались его огромные черные глаза и улыбающийся сомкнутыми губами рот. Потом он склонился ко мне, и я почувствовал, как его острые зубы вонзились мне в шею.

Словно утопленник, выплывший вдруг из глубины на поверхность темной воды и блеснувший в луче света. На память мне пришло слово, знакомое по старинным преданиям и сказкам, которые я слышал в далеком детстве.

– Вампир!!! – прозвучал мой последний, полный ужаса и отчаяния крик, в то время как я продолжал отбиваться от него чем только мог.

А потом все вокруг меня словно застыло, и наступила полная тишина…

Я сознавал, что мы по-прежнему находимся на крыше, чувствовал, как крепко обхватили меня руки ужасного существа. И в то же время мне казалось, что мы парим в невесомости и куда-то летим в темноте с еще большей легкостью, чем прежде.

– Да, да… – хотелось сказать мне. – Именно так.

Вокруг меня стоял какой-то мощный гул, как будто кто-то бил в гонг, исполняя на удивление красивую ритмичную мелодию. Звуки эти заполняли все мое существо и доставляли мне неизъяснимое удовольствие.

Губы мои шевелились, хотя с них не слетало ни звука. В тот момент это не имело никакого значения. Все, что хотелось выразить прежде, стало вдруг абсолютно ясным, и мне было совершенно не важно, что мысли мои оставались невысказанными. Впереди было еще столько времени, так много чудесного времени, чтобы успеть что-то сказать и что-то сделать. Спешить совершенно некуда.

Восхитительно. Мне казалось, что я произнес это слово, хотя губы мои при этом даже не пошевелились, я был просто не в состоянии сказать что-либо. Я вдруг осознал, что даже не дышу. И все же кто-то заставлял меня дышать, ритм дыхания совпадал с ударами гонга, но все это не имело ровным счетом никакого отношения к моему телу. Однако я испытывал удовольствие, мне нравился этот ритм, нравилось отсутствие необходимости дышать, говорить и понимать что-либо.

Я увидел улыбку матери и сказал ей, что очень ее люблю. «Да, я всегда любила, всегда любила…» – ответила она. А потом я увидел себя в монастырской библиотеке… Мне снова было двенадцать лет, и монах сказал: «Ты великий ученый…» И я одну за другой открывал книги и понимал, что могу прочитать их все – будь то на греческом, латинском или французском языке. Буквы светились и были необыкновенно красивы… Я обернулся и увидел перед собой публику, собравшуюся в театре Рено и приветствующую меня стоя… Одна из женщин убрала от лица цветной веер, и я увидел, что это Мария-Антуанетта. Она назвала меня Убийцей Волков… Никола бежал ко мне, умоляя вернуться. Лицо его исказила мука, волосы растрепались, а глаза были обведены кровавыми полосами. Он пытался схватить меня, но я приказал ему убираться… Меня вдруг охватила мучительная агония, и сквозь невыносимую боль я почувствовал, что звучание гонга постепенно ослабевает.

Я кричал, я умолял…

– Пожалуйста, не останавливайте его, пожалуйста… Я не хочу… я не… пожалуйста…

– Лелио, Убийца Волков, – произнесло существо, продолжая сжимать меня в объятиях, а я все кричал и плакал, чувствуя, что волшебные минуты заканчиваются.

– Не надо… не надо…

Я вновь начал сознавать тяжесть тела, ко мне вернулось ощущение боли, и я снова услышал собственные крики, а потом почувствовал, что кто-то меня поднял, подбросил вверх… В конце концов я оказался на плече ужасного существа, и его рука крепко обхватила мои колени.

Я хотел попросить защиты у Бога, я хотел этого всеми силами души, но был не в силах сделать это. Далеко внизу под нами снова была улица, весь Париж накренился под невероятным углом, валил сильный снег, и дул пронизывающий ветер…

Глава 2

Когда я проснулся, меня мучила сильнейшая жажда.

Я умирал от желания выпить хорошую порцию ледяного белого вина, такого, каким оно бывает, когда его поздней осенью приносят из подвала. А еще мне хотелось съесть что-нибудь очень сладкое и душистое, например сочное, спелое яблоко.

Не знаю почему, но мне вдруг пришло в голову, что я лишился рассудка.

Открыв глаза, я увидел, что уже наступает вечер. Свет за окном можно было принять за утренний, но прошло слишком много времени. Поэтому я был уверен, что это вечер.

Сквозь широкий каменный проем окна с толстыми решетками мне были видны покрытые снегом поля и леса, а вдалеке торчали высокие крыши и башни маленького городка. Ничего подобного я не видел с тех пор, как вышел из почтовой кареты. Я снова закрыл глаза, но видение не исчезло, как будто я их и не закрывал.

Однако это не было видением. Все происходило на самом деле. Несмотря на открытое окно, в комнате было тепло. Совсем недавно в ней еще горел камин – я чувствовал это по запаху. Но теперь огонь потух.

Я пытался прийти в себя и все обдумать. Однако в голову лезли лишь мысли о холодном белом вине и корзине яблок. Яблоки буквально стояли перед моими глазами. Я даже отчетливо представил себе, как падаю вниз с ветки дерева и чувствую вокруг себя запах свежескошенной травы.

Зеленые поля купаются в ослепительных лучах солнца. Оно отражается в темных блестящих волосах Никола и в покрытой лаком, отполированной поверхности его скрипки. Звуки музыки устремляются к бегущим облакам, а на фоне голубого неба я вижу башни отцовского замка.

Башни…

Я снова открыл глаза.

И понял, что лежу в комнате высокой башни, находящейся в нескольких милях от Парижа.

А на маленьком, грубо сколоченном деревянном столике прямо передо мной стоит бутылка белого вина – именно то, о чем я мечтал во сне.

Я долго не решался дотронуться до нее, все это время не сводя глаз с застывших на ледяной поверхности стекла капель. Мне казалось невозможным, что я могу взять эту бутылку и выпить из нее вина.

Еще никогда в жизни я не страдал так сильно от жажды. Казалось, что высохло все мое тело. Я чувствовал непреодолимую слабость. К тому же мне было немного холодно.

Едва я пошевелился, в комнате вокруг меня все завертелось. За окном ярко светило солнце.

Когда же я наконец решился взять в руки бутылку, откупорил ее и вдохнул прекрасный аромат, я принялся пить без остановки… Меня уже не волновало, что станется со мною после, где я нахожусь и откуда взялась эта бутылка.

Голова моя упала на грудь. Бутылка была почти пуста. И видневшийся вдали город постепенно растворялся в воздухе, сливаясь с чернотой неба и оставляя после себя лишь слабый отсвет огней.

Я сжал голову руками.

Кровать, на которой я спал, оказалась не более чем камнем с брошенной на него охапкой соломы, и тогда до меня постепенно начало доходить, что я нахожусь в своего рода темнице.

Но как же вино? Оно было чересчур хорошим для темницы. Кто же станет давать столь отменное вино заключенному? Разве что приговоренному к казни?..

Теперь до меня доносился уже совсем другой аромат – сильный, насыщенный и такой чудесный, что я не удержался и застонал. Я огляделся, точнее сказать, попытался это сделать, ибо был настолько слаб, что едва мог двигаться. Источник божественного аромата находился совсем рядом – запах исходил из большой кастрюли с наваристым говяжьим бульоном, в котором плавали куски мяса. Бульон был еще горячим, и я видел поднимающийся от кастрюли пар.

Стремительно схватив кастрюлю обеими руками, я принялся пить из нее так же жадно и позабыв обо всем, как прежде пил вино.

Это было так восхитительно! Мне казалось, что ничего вкуснее, чем этот бульон и мясо, я не пробовал за всю свою жизнь. Когда кастрюля опустела, я обессиленно рухнул на солому – меня едва не тошнило от сытости.

Мне почудилось какое-то движение в комнате, но, возможно, мне это только показалось. Потом я услышал, как звякнуло стекло.

– Еще вина? – произнес рядом со мной голос, который я тут же узнал.

И постепенно я начал вспоминать все, что со мной произошло: высокие отвесные стены, маленькую квадратную крышу, бледное улыбающееся лицо.

Какой-то миг я думал, что этого не могло быть, что все это лишь кошмарный сон. Но я ошибался. Это было, и я вновь вспомнил охвативший меня восторг, звук гонга и почувствовал, как закружилась голова, словно я готов вот-вот потерять сознание.

Я понимал, что должен взять себя в руки и ни в коем случае не позволить себе упасть в обморок. Меня охватил такой ужас, что я не осмеливался даже пошевелиться.

– Еще вина? – снова произнес тот же голос.

Я слегка повернул голову и в льющемся в окно ярком свете увидел приготовленную для меня непочатую бутылку.

Меня вновь мучила жажда, на этот раз еще более сильная из-за выпитого соленого бульона. Облизывая пересохшие губы, я протянул руку к бутылке и стал пить.

Потом, прислонившись спиной к каменной стене, я стал вглядываться в темноту, заранее испытывая страх перед тем, что ожидал увидеть.

Нужно ли говорить, что я был совершенно пьян?

Я снова увидел окно и город за ним, увидел маленький столик… Медленно обводя глазами темное помещение, я наконец увидел его.

Теперь на нем не было черного плаща с капюшоном, и нельзя сказать, что он сидел или стоял как обыкновенный человек.

Он будто прилег отдохнуть на довольно широком каменном подоконнике, согнув в колене одну ногу и вытянув наружу другую. Руки его свободно свисали вниз.

Он казался неподвижным и вялым, но лицо его при этом было таким же живым и выразительным, как и ночью. Огромные темные глаза казались черными провалами на белой коже, нос был длинным и тонким, а рот по-прежнему изогнут в шутовской улыбке. Походящие на клыки зубы касались бесцветных губ, а росшая над высоким лбом густая и блестящая масса темных, тронутых сединой волос спускалась ниже плеч.

Мне кажется, что в тот момент он смеялся.

А меня охватил столь невообразимый ужас, что я не в силах был даже вскрикнуть.

Я выронил из рук бутылку с вином, и она покатилась по каменному полу. Едва я попытался собраться с силами и встать, заставить тело двигаться и перестать быть бесформенной, напитавшейся вином массой, как его тело тоже пришло в движение.

Он приблизился ко мне.

Я даже не крикнул. От ярости и одновременно ужаса я издал какое-то тихое рычание, вскочил с постели и, опрокинув столик, бросился бежать от него со всех ног.

Но он тут же схватил меня, и пальцы его были такими же сильными и ледяными, как и прошлой ночью.

– Пусти меня! Будь ты проклят! Проклят! Проклят!!! – Я вдруг замолк. Разум подсказывал мне, что я должен просить, умолять его, и я заговорил снова, но уже совсем другим тоном: – Пожалуйста, позвольте мне уйти! Выпустите меня отсюда! Вы должны это сделать! Отпустите меня!

Мрачное лицо неясно вырисовывалось перед моими глазами, когда он буквально навис надо мной, и вдруг губы его растянулись, почти слившись с бледными щеками, и он расхохотался. Казалось, этот жуткий рокочущий смех не затихнет никогда. Я вырывался, отталкивал

его от себя, но все мои усилия были тщетны; я снова и снова умолял отпустить меня, бормотал какие-то извинения и пытался что-то объяснить… Бесполезно… Наконец, совсем отчаявшись, я воскликнул:

– Боже! Помоги мне, Боже!

И в ту же секунду он крепко зажал мне рот рукой.

– Никогда больше не произноси ничего подобного в моем присутствии, Убийца Волков! Или я скормлю тебя волкам самого дьявола в аду! – насмешливо произнес он. – Ну? Ты понял меня? Отвечай!

Я молча кивнул, и он опустил руку.

Его голос произвел на меня странным образом успокаивающий эффект. По звуку голоса можно было сказать, что его обладатель – человек опытный и искушенный в жизни, способный рассуждать вполне здраво.

Я весь сжался от страха, но он вдруг поднял руки и погладил меня по голове.

– Солнце в волосах, – прошептал он, – и вечное отражение голубого неба в твоих глазах.

В этот момент он казался задумчивым и даже несколько отстраненным. Я обратил внимание, что дыхание его было чистым и что от тела не исходил никакой запах. Тленом пахло лишь от его одежды.

Он уже не держал меня, но я по-прежнему не смел пошевелиться. Я внимательно рассматривал его одежду.

Полуистлевший шелковый камзол с пышными рукавами и сборками у ворота, изношенные рейтузы и рваные короткие панталоны.

В целом он был одет так, как одевались наши предки много веков назад. Я видел такие наряды на гобеленах, висевших на стенах отцовского замка, на картинах Караваджо и Латура, украшавших комнату матери.

– Мой Лелио, мой Убийца Волков! – воскликнул он. – Ты само совершенство! – Рот его вновь растянулся в улыбке, открывая белые клыки.

Меня охватила дрожь, и я почувствовал, что падаю на пол.

Однако он с легкостью подхватил меня одной рукой и осторожно положил на кровать.

Не в силах отвести взгляд от его лица, я продолжал мысленно возносить истовые молитвы к Господу нашему и Пресвятой Богородице, умоляя спасти меня.

Кого же я видел сейчас перед собой? Что пришлось увидеть и пережить мне прошлой ночью? Видение из прошлого? Существо, отмеченное печатью времени и в то же время словно законсервированное, чье лицо казалось таким же жестким и крепким, как и руки?.. Его нельзя было назвать живым существом. Это было какое-то чудовище. Вампир! Покойник, выходящий из могилы, чтобы напиться человеческой крови, и при этом наделенный разумом!

Почему своим видом он приводит меня в такой ужас? Внешне он был похож на человека, но двигался при этом совсем не как обыкновенный человек. Казалось, для него не имеет ровным счетом никакого значения, идет он или ползет, наклоняется или стоит на коленях. Я испытывал по отношению к нему непреодолимое отвращение. И в то же время он чем-то привлекал меня. Да, должен признаться, я испытывал к нему интерес, однако опасность была слишком велика, и я не мог позволить себе уделять внимание столь странному в моем положении чувству.

Широко расставив ноги, он склонился надо мной, провел рукой по моей щеке и рассмеялся низким, звучным смехом.

– Да-а-а-а… ты прекрасен, и я не устаю любоваться тобой, – шепотом и чуть задыхаясь, протяжно произнес он. – В момент своего перерождения я был уже стар. А ты поистине совершенен, мой Лелио, мой голубоглазый мальчик. Ты выглядишь еще лучше, чем на сцене.

Длинные белые пальцы играли моими волосами, одну за другой поднимая пряди и позволяя им свободно падать. Он вздохнул.

– Не плачь, Убийца Волков, – обратился он ко мне. – Ты избран, и, прежде чем закончится эта ночь, твой шумный успех на подмостках театра превратится в ничто и перестанет иметь значение.

И снова я услышал ужасный хриплый смех.

В душе моей не осталось никаких сомнений в том, что он послан самим дьяволом, что Бог и дьявол существуют на самом деле, что за пределами того одиночества, которое я испытывал совсем недавно, находится обширное царство темных сил и теперь я каким-то образом попал в него, потому что им удалось воплотить свои подлые и низкие намерения.

Мне стало вдруг совершенно ясно, что это должно послужить мне наказанием за мою жизнь, хотя я отчетливо сознавал абсурдность таких мыслей. Миллионы людей по всему миру думали, рассуждали и верили точно так же, как и я. Так почему, черт возьми, это должно было случиться именно со мной?! В голове моей возникло и стало крепнуть страшное предположение: мир в наши дни так же бессмыслен, как и прежде. От этой мысли я пришел в еще больший ужас…

– Во имя Господа Бога нашего, уйдите! – воскликнул я.

Я должен был в тот момент верить в Бога! Обязан был сохранить веру, ибо в ней, и только в ней была для меня надежда. Я поднял руку, чтобы осенить себя крестом.

Какое-то время он пристально смотрел на меня полными ярости глазами, но не сделал ни единого движения.

Он только наблюдал, как я творю крестные знамения, и слушал, как снова и снова призываю я на помощь Бога.

На лице его застыла улыбка, и оно превратилось в неподвижную маску из итальянской комедии, глядящую на меня с просцениума.

Я не выдержал и разрыдался как ребенок.

– Так, значит, на Небесах правит дьявол, а сами Небеса не что иное, как ад?! – восклицал я сквозь слезы. – Господи, не покидай меня, Господи!..

Я призывал на помощь всех святых, каких только знал и любил когда-то.

Он с силой ударил меня по щеке. Я рухнул на бок и едва не скатился с кровати. Комната закружилась перед глазами, а во рту появился резкий привкус вина.

И в ту же секунду я почувствовал, что его руки снова крепко сжали мне горло.

– Борись, борись, Убийца Волков! – произнес он. – Не отправляйся в ад без боя. Посмейся над Богом!

– Я не смеюсь над Богом! – возразил я.

Он вновь притянул меня к себе.

Я сопротивлялся, боролся с ним так, как никогда и ни с кем в своей жизни не боролся, даже с волками. Я отталкивал его, бил кулаками, вцеплялся ему в волосы. Однако с таким же успехом я мог драться с ожившими горгульями в соборе, настолько он был силен и могуществен.

Он только улыбался в ответ.

И вдруг лицо его потеряло всякое выражение. Мне показалось, что оно безмерно вытянулось. Щеки ввалились, глаза широко распахнулись и приняли странно удивленное выражение, рот приоткрылся, нижняя губа при этом сжалась, и я увидел его клыки…

– Будь ты проклят, проклят, проклят! – буквально ревел я.

Но он притягивал меня к себе все ближе и ближе, пока наконец его зубы не вонзились в мое тело.

«Нет, только не сейчас, – яростно и неистово уговаривал я себя, – только не сейчас. Я не почувствую это. Буду сопротивляться и устою. На этот раз я буду бороться за свою душу».

Однако это стало происходить со мной снова.

Приятное, сладостное ощущение… кажется, весь мир отодвинулся от меня очень далеко, а этот человек, отвратительный и гадкий, как будто находится где-то вне меня, словно спрятанное под стеклом насекомое, которое не вызывает у нас отвращения, потому что мы понимаем, что оно не может прикоснуться к нам… удары гонга… неповторимое удовольствие… и наконец я исчезаю… растворяюсь… Я перестаю ощущать свое тело и испытываю поистине неземное наслаждение. Оно охватывает меня целиком… И я проваливаюсь в царство волшебных снов…

Я увидел подземелье, отвратительное и зловонное место. Из узкой и глубокой могилы поднимается белая фигура вампира, закованного в цепи. Над ним склоняется похитившее меня чудовище… Во сне я знаю, что его имя Магнус и пока еще он обыкновенный смертный, великий алхимик. Мне известно также, что в этот решающий для его эксперимента час, как раз перед наступлением сумерек, он сам откопал и связал спящего вампира.

И вот теперь, когда свет на небесах угас, Магнус пил волшебную и проклятую кровь своего беспомощного бессмертного пленника. Эта кровь сделает его одним из вечно живых мертвецов. Он вероломно похищал бессмертие, словно Прометей мрачного и темного мира, крадущий сияющий огонь. Эхом отражаясь от каменных стен, в темном подземелье слышится смех, и кажется, что это эхо проносится через века. Воздух наполнен могильным запахом. Состояние неизмеримого, безграничного экстаза постепенно ослабевает, сходит на нет.

Я лежал на соломе и плакал.

– Пожалуйста, пусть это длится вечно, – шептал я.

Я снова обрел собственное дыхание, руки Магнуса уже не сжимали меня, сны рассеялись… Я падал все ниже и ниже, черное звездное небо удалялось, постепенно превращаясь в усыпанную красноватыми блестками вуаль. Надо же, подумал я, а мне показалось, что небо… настоящее.

В комнате повеяло зимним холодом. Я чувствовал слезы на своем лице. Меня мучила страшная жажда.

Откуда-то издалека, сверху, спокойно опустив руки, на меня смотрел Магнус.

Я попытался шевельнуться. Я умирал от жажды, и мне казалось, что все тело мое иссохло.

– Ты умираешь, Убийца Волков, – сказал мне Магнус. – В твоих прекрасных голубых глазах гаснет свет – так бывает, когда заканчивается летний день…

– Нет, прошу вас…

Жажда стала невыносимой. Выгнувшись, я жадно хватал воздух открытым ртом. Вот он… наконец… предсмертный ужас… вот какова она – смерть…

– Моли об этом, дитя, – ответил он, и лицо его перестало быть похожим на усмехающуюся маску, напротив, на нем было написано искреннее сострадание. В тот миг он казался почти нормальным человеком, состарившимся самым естественным образом. – Моли – и ты все получишь.

– Помогите… пожалуйста… – молил я, а перед глазами стояли потоки воды, стекающие с гор, все горные реки, которые я видел в детстве.

– Я дам тебе самую лучшую воду из всех существующих на свете вод, – прошептал он мне в самое ухо, и я вдруг заметил, что его лицо утратило неестественную белизну.

Он был просто стариком с нормальной человеческой внешностью, который с печальным видом сидел возле меня.

Но едва я снова увидел его улыбку, его заинтересованный взгляд из-под седых бровей, я понял, что это не так. В нем не было ничего человеческого. Передо мной сидело все то же древнее чудовище, только напившееся моей крови!

– Самое лучшее в мире вино… – едва слышно произнес он. – Это моя Плоть и моя Кровь!

При этих словах руки его снова обвились вокруг моего тела. Он прижал меня к себе, и я ощутил исходящее от него горячее тепло, – казалось, он был полон не моей крови, а любви ко мне.

– Попроси это у меня, Убийца Волков, и ты будешь жить вечно, – шепнул он, но голос его звучал устало и странно безжизненно, а взгляд был горестным и каким-то отстраненным.

Собственное тело казалось мне очень тяжелым и непослушным, но я почувствовал, что голова моя слегка повернулась. Нет, я не стану просить. Умру, но не попрошу ни о чем. Меня охватило отчаяние, ибо впереди меня ждет именно то, чего я больше всего боялся, – пустота смерти… И все же я сказал: «Нет». Несмотря на переполнявший меня ужас, я ответил: «Нет». Я не склонюсь ни перед хаосом, ни перед ужасом. И снова я сказал: «Нет».

– Жизнь, которая будет продолжаться вечно… – услышал я его шепот.

Голова моя упала ему на плечо.

– Упрямый Убийца Волков! – Мягкими теплыми губами он коснулся моей шеи.

– Нет, не упрямый, – прошептал я очень тихо, не зная даже, слышит ли он меня. – Смелый, но не упрямый.

Все слова казались теперь бессмысленными. Что толку было в моем тщеславии? Что вообще имело сейчас значение? Но слово «упрямый» показалось мне таким тривиальным, таким грубым…

Приподняв мою голову и удерживая ее правой рукой, острыми ногтями левой он расцарапал себе горло.

Я съежился от ужаса, но он прижал мое лицо к ране и приказал:

– Пей!

Я услышал собственный крик, но он замер где-то внутри меня. И в то же мгновение сочившаяся из раны кровь коснулась моих пересохших полуоткрытых губ.

Мучительная жажда достигла предела… я коснулся языком кровавой полоски… и буквально утонул в море восхитительных ощущений. Рот мой сам собой открылся шире, и губы сомкнулись на ране. Я с силой втягивал в себя фонтанирующий поток и сознавал, что получил сейчас возможность утолить жажду так полно, как мне не приходилось утолять ее никогда в жизни.

Кровь все текла и текла, и уходило и растворялось не только ощущение жгучей жажды, находили удовлетворение все мои желания и стремления, исчезали ощущение голода и сознание собственной ничтожности, все горестные мысли, когда-либо мучившие меня.

Я прижался к нему еще крепче. Я чувствовал, как струится в горло кровь. Я ощущал нежное прикосновение его головы и крепость его объятий.

Я приник к нему с такой силой, что чувствовал каждый изгиб его тела, каждый сосуд, каждую кость и каждое сухожилие. Я знал его всего целиком. Меня охватывало приятное оцепенение, сквозь которое прорывались восхитительные ощущения, вызывавшие покалывание и звон в ушах, усиливавшие мой восторг до такой степени, что я почти воочию видел то, что чувствовал.

И все же наивысшее наслаждение доставляла мне наполнявшая постепенно всего меня сладкая, ароматная кровь, которую я не переставая пил, пил, пил…

«Еще… Еще…» – только и думал я, если я вообще способен был думать. Алый поток был столь восхитителен, столь ослепительно прекрасен, что, несмотря на густоту, проникал в меня с легкостью струящегося света и тысячекратно удовлетворял все мои отчаянные желания.

Однако я чувствовал, что его тело, источник, к которому я так жадно приник, постепенно слабеет. Дыхание стало едва слышным и хриплым. И тем не менее он не делал попыток меня остановить.

«Люблю тебя, Магнус, – хотелось сказать мне, – ты мой неземной повелитель, ты страшное, ужасное существо, и все же я люблю тебя, люблю, люблю… именно этого всегда мне хотелось, я мечтал об этом, но никак не мог получить… а ты подарил мне…»

Мне казалось, что, если это продлится еще хоть немного, я умру. Но наслаждение продолжалось, а я не умирал.

Неожиданно я почувствовал, как нежные любящие руки гладят меня по плечам, а потом они с силой отодвинули меня.

В моем долгом горестном вопле было столько отчаяния, что оно встревожило и испугало меня самого. Но Магнус уже поставил меня на ноги, ни на секунду при этом не разжимая объятий.

Он подвел меня к окну, и я, упершись руками в края, выглянул наружу. Кровь с силой пульсировала в моих венах, меня трясло как в лихорадке, и я прислонился лбом к холодному железу решетки.

Далеко-далеко внизу я увидел темный силуэт горы, поросшей густым лесом, деревья которого мерцали в слабом свете звезд.

За горой широко и беспорядочно раскинулись огоньки города, плававшие и утопавшие, казалось, не во тьме, а в мягком сиреневатом тумане. Повсюду сверкал подтаявший снег. Крыши, башни, стены… мириады фрагментов всех оттенков голубого, розовато-лилового и розового.

Это был постепенно разраставшийся большой город.

Я прищурился и увидел миллионы светящихся окон, больше того – я сумел отчетливо разглядеть двигающихся людей. Крошечные люди на крошечных улочках, их головы и руки. Они касались друг друга в темноте. Одинокая фигурка – всего лишь маленькое пятнышко – взбирается на продуваемую всеми ветрами колокольню. Миллионы душ на мозаичной поверхности ночи… Потом сквозь мягкую толщу воздуха до меня донесся слабый гул огромного количества одновременно звучащих человеческих голосов. Крики, пение, тихое звучание музыки, приглушенный звон колоколов…

Я застонал. Легкий ветерок шевелил волосы на моей голове, и я услышал свой голос, но он показался мне совсем не таким, как прежде.

Видение города рассеялось. В лиловых сумерках угасающего дня среди причудливо переплетающихся теней исчезли толпы людей, заполнявшие его улицы.

– Что же вы сделали? Что вы мне дали? – едва слышным шепотом спросил я.

Казалось, я даже не делал пауз между словами, они слетали с моих губ единым потоком, пока наконец не слились в сплошной плач, усиливший одновременно и ужас и веселье, царившие у меня в душе.

Теперь для меня не имело никакого значения, существует ли на самом деле Бог. Он остался частью мрачного и унылого царства, все сокровища которого были давным-давно разграблены, тайны раскрыты и в котором давно уже погасли все огни. А истинный центр жизни, вокруг которого вращается все, был теперь здесь. И скорость вращения, ощущение, которое испытываешь, находясь в этом центре, забыть невозможно…

За моей спиной послышался звук шагов чудовища по каменному полу.

Обернувшись, я увидел бледное, без единой кровинки, лицо, больше напоминающее высушенную маску. Словно страдая от невыносимой боли, он протянул руки и обратил ко мне налитые кровавыми слезами глаза.

Я прижал его к своей груди и в этот момент почувствовал к нему такую любовь, какую не испытывал ни к кому прежде.

– Разве ты не понял? – услышал я хриплый голос, в характерной для него манере произносящий слова единым потоком, без пауз. – Ты мой наследник, избранный, чтобы принять

от меня Темный Дар. Какое же прекрасное выйдет из тебя Дитя Тьмы – ведь в тебе вдесятеро больше твердости и смелости, чем в любом другом человеке!

Я поцеловал его веки и принялся гладить и перебирать темные волосы. Он больше не казался мне уродливым и отвратительным. Теперь он был просто странным незнакомцем с очень белой кожей, значившим для меня гораздо больше, чем предостерегающе вздыхающие деревья за окном и манящие издалека мерцающие огни города.

Впалые щеки, длинная шея, тонкие ноги… все это было неотъемлемой частью его существа.

– Нет, мой птенчик, – вздохнул он, – оставь свои поцелуи для других. Пришло мое время. А от тебя теперь не требуется ничего, кроме почтения и уважения ко мне. Ступай за мной.

Глава 3

По винтовой лестнице он повел меня куда-то вниз, и я с интересом рассматривал все, что попадалось нам по пути.

Стены, сложенные из необработанного камня, казалось, излучали свет. Даже крысы, сновавшие мимо нас в темноте, обладали в моих глазах некой странной красотой.

Открыв толстую деревянную, обитую железом дверь, он передал мне тяжелую связку ключей, и мы вошли в просторное пустое помещение.

– Как я уже сказал, теперь ты мой наследник, – обратился он ко мне, – а потому ты станешь владельцем этого дома и всех моих сокровищ. Но сначала ты должен сделать то, что я тебе скажу.

Сквозь зарешеченные окна мне было видно бескрайнее небо, купающееся в лунном свете, и мерцание городских огоньков, словно город тянулся вширь без конца и без края.

– После этого ты сможешь досыта насладиться всем, что увидишь, – продолжал тем временем он, заставляя меня повернуться лицом к сложенной посреди комнаты огромной куче дров, перед которой он стоял.

– Слушай меня внимательно, – сказал он, – потому что я скоро тебя покину. – С этими словами он небрежно махнул рукой в сторону лежащей на полу кучи. – А есть вещи, которые тебе необходимо знать. Теперь ты бессмертен. Пройдет совсем немного времени, и твое естество приведет тебя к твоей первой человеческой жертве. Ты должен действовать быстро и безжалостно. Но при этом не забывай, что, какое бы удовольствие ты ни испытывал, ты обязан прервать свой пир, прежде чем сердце жертвы перестанет биться. С годами ты обретешь силу и научишься безошибочно распознавать этот момент, но сейчас просто умей вовремя отставить в сторону кубок, прежде чем он опустеет. Иначе тебе придется дорого заплатить за свою гордыню.

– Но почему же ты хочешь оставить меня? – прильнув к нему, в отчаянии воскликнул я.

«Жертва», «безжалостный», «пир» – эти слова сыпались на меня, словно удары.

Он отстранился от меня так легко и стремительно, что моим рукам стало больно. Я удивленно уставился на них, недоумевая, почему боль показалась мне такой странной, совсем не похожей на ту, какую обычно испытывает человек.

Тем временем он остановился и указал на противоположную стену. Взглянув на нее, я заметил, что один из камней, из которых она была сложена, сдвинут с места и примерно на фут выступает из поверхности стены.

– Ухватись покрепче за этот камень и вытащи его из стены, – приказал он.

– Но я не смогу, – ответил я, – ведь он весит, наверное, не меньше…

– Вытащи! – повторил он, и на лице его в тот момент было такое выражение, что я не посмел ослушаться.

К своему величайшему удивлению, я с легкостью вытащил камень. За ним я увидел темное отверстие, в которое вполне мог ползком проникнуть человек.

Издав сухой дребезжащий смешок, он кивнул.

– Это, сынок, и есть проход к моим сокровищам, – сказал он. – С ними, как и со всем остальным моим земным имуществом, ты можешь поступить так, как тебе заблагорассудится. Но сейчас ты должен дать мне клятву.

Он вновь удивил меня, взяв из кучи два полена и с такой силой потерев их друг о друга, что по ним побежали маленькие язычки яркого пламени.

Он швырнул их обратно на кучу дров, и она тут же занялась ослепительным огнем, вмиг осветившим сводчатый потолок и стены комнаты.

Вскрикнув от ужаса, я отступил назад. Желто-оранжевые пляшущие языки одновременно пугали и завораживали меня, а жар, который я хорошо чувствовал, вызывал непонятные ощущения. Я не боялся сгореть. Скорее, тепло было столь приятным, что я вдруг понял, как замерз. Во мне все было словно сковано льдом, и теперь жар от огня заставлял этот лед таять. Я едва не застонал от наслаждения.

Он вновь рассмеялся своим сухим, хриплым смехом и принялся плясать вокруг огня, причем длинные тонкие ноги делали его похожим на скелет с белым человеческим лицом. Он размахивал над головой руками, наклонялся в разные стороны, приседал и крутился, описывая круги вокруг огня.

– Боже мой! – прошептал я.

Перед моими глазами все плыло и кружилось. Еще час назад, увидев его танцующим таким образом, я пришел бы в неописуемый ужас. Но сейчас, в отблесках пламени, это зрелище завораживало и постепенно увлекало меня. Огненные блики играли на атласе его лохмотьев, на панталонах, на порванной рубашке.

– Нет! – молил я. – Вы не можете меня оставить!

Я пытался ясно соображать и понять, что именно он мне говорит. Голос мой самому мне казался ужасным, и я хотел заставить его звучать тише, нежнее, что больше соответствовало моему состоянию.

– Куда же вы пойдете?

Он оглушительно расхохотался, продолжая все убыстрять и убыстрять темп своего безумного танца, хлопая себя по бедрам, удаляясь от меня все дальше и разводя руки так, словно хотел обнять пламя.

Самые толстые поленья еще только занимались, но комната уже походила на гигантскую печь, выплевывающую в окна клубы дыма.

– Только не в огонь! – воскликнул я, отпрянув и ударившись спиной о стену. – Вы не можете уйти в огонь!

Все, что я видел и слышал, захватывало меня и повергало во всепоглощающий страх. Точно такие же ощущения я испытывал все последние часы. Я не в силах был противостоять или отказаться от них, и они заставляли меня то кричать, то плакать.

– Нет, именно это я и могу сделать! – воскликнул он сквозь смех, а потом запрокинул голову, и смех его перешел в протяжный вой. – Но прежде, мой птенчик, – он вдруг остановился прямо передо мной и ткнул в меня пальцем, – ты должен кое-что пообещать. И ты сделаешь это, мой маленький гордый смертный, а иначе, хотя сердце мое разорвется от боли, я брошу в этот огонь тебя и найду себе другого наследника. Отвечай!

Не в силах произнести ни слова, я молча кивнул.

В отблесках огня я увидел, что руки мои стали совершенно белыми. И вдруг почувствовал сильную боль в нижней губе, заставившую меня вскрикнуть.

Мои глазные зубы уже превратились в настоящие клыки! Почувствовав это, я в панике посмотрел на него, но он наблюдал за мной с хитрой улыбкой и словно наслаждался моим ужасом.

– Слушай же. Как только я сгорю, – схватив меня за руку, заговорил он, – и огонь погаснет, ты должен развеять мой прах. Слышишь меня, малыш? Ты должен развеять мой прах! Иначе я могу возвратиться вновь и в таком виде, о котором я даже думать не хочу. Но запомни мои слова: если ты позволишь мне вернуться еще более уродливым, чем сейчас, я найду тебя, где бы ты ни был, и спалю, чтобы ты стал таким же ужасным, как я. Ты меня понял?

Я по-прежнему не мог выдавить из себя ни звука. И причиной тому был уже не просто страх. Я словно очутился в аду. Я ощущал пощипывание и покалывание во всем теле и чувствовал, как растут мои зубы. А потому лишь лихорадочно закивал.

– Ну конечно. – Он улыбнулся и тоже кивнул, а за его спиной огненные языки уже лизали потолок и почти касались его затылка. – Это единственное одолжение, о котором я прошу сейчас, когда наконец отправляюсь, чтобы найти ад, если он есть, или обрести сладкое забвение, которого, безусловно, не заслуживаю. И если князь тьмы все же существует, я смогу наконец увидеть его. И плюнуть ему в лицо! Итак. Ты должен исполнить мой приказ. После того как ты развеешь прах, по этому проходу отправляйся в мое убежище. Только не забудь со всей тщательностью поставить на место камень, после того как проникнешь в отверстие. Там ты найдешь мой гроб. В нем ты должен прятаться днем, не то солнечные лучи сожгут тебя дотла. Запомни, что я сейчас скажу: никто и ничто на земле не в силах лишить тебя жизни, кроме солнца и такого пламени, какое ты видишь сейчас перед собой. Но и то ты умрешь только в том случае, если прах твой будет потом развеян.

Я отвернулся, чтобы не видеть ни его, ни языков пламени. Из глаз моих катились слезы, и я прижал руку ко рту, чтобы не разрыдаться в голос.

Однако он, обойдя огонь, снова подвел меня к вытащенному из стены камню и указал на него рукой.

– Прошу вас, останьтесь со мной, пожалуйста! – умолял я. – Ну хоть ненадолго, хоть на одну ночь! Заклинаю вас!

И снова меня привел в ужас тембр моего голоса, точнее, это был совсем не мой голос. Обняв Магнуса, я прижался к нему всем телом. Его мрачное белое лицо казалось мне прекрасным, а в темных глазах его застыло непонятное для меня выражение. Отблески пламени плясали на черных волосах.

Но губы старика вдруг снова растянулись в шутовской улыбке.

– Не будь жадным, малыш. Неужели тебе мало получить от меня бессмертие, да еще и весь мир в придачу? Прощай, сынок. Сделай все, как я сказал. Не забудь о моем прахе! За этим камнем находятся внутренние покои. Там ты найдешь все, что тебе необходимо для безбедного существования.

Я изо всех сил пытался удержать его, но он только смеялся мне в ухо своим хриплым смехом и превозносил мои способности.

– Великолепно! Великолепно! – шептал он. – А теперь, мой прекрасный Убийца Волков, живи вечно и пользуйся теми дарами, которые получил от меня в дополнение к остальным.

С этими словами он оттолкнул меня от себя с такой силой, что я едва удержался на ногах, и прыгнул в самую середину пламени. На какой-то миг мне показалось, что он летит.

Я видел, как он опустился в пекло и пламя охватило его одежду.

Казалось, он превратился в огромный факел, но вдруг глаза его широко распахнулись, рот раскрылся и стал походить на разверстую черную пропасть, зиявшую посреди ослепительного моря огня, а смех стал столь громким и пронзительным, что я не выдержал и зажал руками уши.

У меня создалось впечатление, что он прыгает на четвереньках в самой сердцевине огромного костра, и неожиданно я осознал, что мой собственный крик заглушил взрывы его смеха.

Тонкие обуглившиеся конечности то взлетали вверх, то вновь падали, а в какой-то момент растаяли, превратились в пепел. Пламя взметнулось и заревело еще громче. Но ничего, кроме бушующего огня, я уже не видел.

Упав на колени и закрыв руками лицо, я продолжал безутешно рыдать. Но даже сквозь прикрытые веки я видел следующие одна за другой вспышки и разлетающиеся во все стороны искры, пока не уткнулся лицом в каменный пол.

Глава 4

Прошли, казалось, годы, а я все продолжал лежать на полу, глядя, как догорает огонь, оставляя после себя обуглившиеся головешки.

В комнате стало прохладнее. В открытое окно задувал холодный ветер. Я не переставая плакал, и собственные всхлипывания отдавались у меня в ушах, пока наконец я не почувствовал, что не в силах больше выносить их. Меня не утешало и сознание того, что в таком состоянии все, в том числе и мое горе, несомненно казалось преувеличенным.

Время от времени я принимался молиться. Я молил о прощении, хотя не мог с уверенностью сказать, за что я просил простить меня. Я обращался к Пресвятой Богородице и ко всем святым, снова и снова произнося все известные мне молитвы, пока речь моя не превратилась в бессвязное бормотание.

Когда я протирал глаза, кровавые слезы оставляли следы на моих руках.

Потом я лежал, распластавшись на полу, бормоча уже не молитвы, а какие-то невразумительные мольбы и просьбы, которые мы обычно обращаем ко всем, кого считаем достаточно могущественными, какие бы имена они ни носили.

– Не бросай меня здесь одного. Не покидай меня. Я на поляне ведьм. Это колдовская поляна. Не позволяй мне пасть еще ниже, чем я сделал это прошлой ночью. Не допусти, чтобы это произошло… Лестат, очнись.

Вновь и вновь я слышал слова Магнуса: «…чтобы найти ад, если он есть… если князь тьмы все же существует…»

Наконец я с трудом поднялся на четвереньки. Голова кружилась, и в ней чувствовалась какая-то легкость, словно я вдруг лишился разума. Взглянув на огонь, я увидел, что он еще не до конца потух и при желании я могу разжечь его снова, чтобы самому броситься в ревущее пламя.

Но едва лишь я заставил себя вообразить муки, которые мне предстоит испытать, как намерение мгновенно улетучилось.

В конце концов, почему я должен делать это? В чем я провинился, чтобы заслужить участь ведьм? У меня не было никакого желания даже на миг оказаться в аду. И я совсем не собирался отправиться туда лишь затем, чтобы плюнуть в лицо князю тьмы, кем бы он ни был!

Напротив, если я проклят, пусть этот сукин сын сам придет за мной. И пусть объяснит мне, за что обречен я на страдания и муки. Мне и в самом деле очень хотелось бы это знать.

А что касается забвения… Что ж, с этим еще можно подождать. По крайней мере, все это надо тщательно обдумать…

Меня охватывало непонятное спокойствие. На душе было мрачно, во мне росло ожесточение, и все мое существо словно попало во власть темных чар.

Я перестал быть человеком.

В то время как я, скорчившись на полу, обдумывал свое положение, во мне скапливались и росли неимоверные силы. Постепенно я перестал всхлипывать как ребенок. Я принялся изу-

чать самого себя и заметил белизну кожи, остроту маленьких клыков и блеск в темноте как будто отполированных длинных ногтей.

Мое тело утратило всякое ощущение боли. Мне было приятно чувствовать исходившее от дымящихся углей тепло, словно оно укрывало и окутывало меня.

Время шло и в то же время остановилось.

Мне доставляло удовольствие каждое движение воздуха. А когда я услышал, как в освещенном мягким светом городе приглушенный хор колоколов пробил очередной час, звуки эти не значили для меня ход времени, как для смертных. Они прозвучали волшебной музыкой. Я неподвижно лежал и, приоткрыв рот, следил за пролетающими по небу облаками.

Неожиданно я почувствовал в груди новую, незнакомую прежде боль, ощущение чего-то живого, горячего.

Это ощущение переместилось по сосудам сначала к голове, где стало особенно острым, а потом, казалось, сконцентрировалось в области желудка. Я прищурился и склонил голову набок. И понял, что эта боль меня не пугает – я просто чувствовал ее и прислушивался к ней.

Вскоре я понял причину боли. Из моего тела небольшими порциями выходили отходы организма. Я оказался не в силах сдержать рвоту. В то же время грязные пятна на одежде ничуть не вызывали во мне отвращения.

Не вызывали отвращения и крысы, вылезшие из своих нор и бесшумно приближающиеся на мягких лапках к вонючей лужице.

Эти существа не могут причинить мне вред, даже если станут ползать по мне, стремясь добраться до оставшейся на одежде рвоты.

По правде говоря, в мире тьмы ничто не могло вызвать во мне отвращение, будь то даже жирные и скользкие могильные черви.

Я уже не принадлежал к тому миру, обитателей которого волнуют такого рода вещи. Мысль о том, что и сам я теперь являюсь частью того, что вызывает суеверный страх у смертных, заставила меня улыбнуться. Я испытал невыразимое удовольствие и засмеялся.

И все же печаль не покинула меня совсем. Она была вызвана тем, что оставалось пока на уровне фантазии, но эта фантазия в скором времени должна была превратиться в реальность.

Я мертв! Я вампир! И ради того, чтобы я продолжал жить, кто-то должен будет умирать. Никогда, никогда больше не увижу я Никола, не увижу свою мать, никого из тех людей, кого знал и любил, никогда не встречусь ни с кем из своих родных. Я буду пить кровь. Буду жить вечно. Именно так все и будет. Но все это лишь начало. И перед тем как родиться для такой жизни, я испытал восторг и наслаждение.

Я поднялся на ноги. Чувствуя необыкновенную легкость и какое-то странное оцепенение и одновременно сознавая свою силу и могущество, я подошел к пепелищу и стал бродить среди обуглившихся останков дерева.

Никаких костей я не обнаружил. Демон словно испарился. Собрав обеими руками прах, я подошел к окну и пустил его по ветру. Когда потоки воздуха подхватили невидимые частички, я прошептал последнее «прости» Магнусу, размышляя при этом, может ли он все еще меня слышать.

Наконец на полу остались лишь обугленные головешки и сажа, которую я тоже собрал руками и выбросил в темноту за окном.

Теперь пришло время осмотреть внутренние покои.

Глава 5

Как и в первый раз, мне легко удалось вынуть из стены камень. С внутренней стороны в него был вделан крюк, с помощью которого камень можно было поставить на место.

Однако проникнуть в отверстие я мог только ползком. Опустившись на колени, я заглянул в дыру, но не увидел впереди ни единого просвета. Мне это не понравилось.

Будь я по-прежнему смертным, я ни за какие блага не отважился бы ползти по такому проходу.

Но старый вампир ясно дал понять, что солнце способно уничтожить меня с не меньшим успехом, чем огонь. А потому необходимо было добраться до гроба. Я почувствовал, как меня снова охватывает страх.

Распластавшись, я червяком заполз в отверстие. Как я и опасался, мне не удавалось даже поднять голову, не говоря уже о том, чтобы повернуться и вставить на место камень. Пришлось подцепить крючок ногой и ползти вперед, волоча за собой камень.

Вокруг царила непроглядная тьма, а узкий проход позволял лишь чуть-чуть приподняться на локтях.

Я задыхался и едва не сходил с ума от страха при одной мысли о том, что не могу поднять голову. Кончилось тем, что я ударился ею о камень и со стоном замер на месте.

Однако выбора у меня не было. Я должен добраться до гроба.

Приказав себе успокоиться и не распускать нюни, я пополз дальше, стараясь двигаться все быстрее и быстрее. Упираясь коленями и царапая их о камни, я нащупывал руками трещины и выступы, за которые можно было зацепиться, и подтягивал тело вперед. Я постоянно следил за тем, чтобы не поднимать голову, и от сильного напряжения у меня разболелась шея.

Наконец руки мои наткнулись впереди на монолитный камень, и я изо всех сил толкнул его. Камень сдвинулся с места, открывая полоску бледного света.

Выбравшись наконец из темного прохода, я оказался в маленьком помещении.

Потолок был низким и сводчатым, а высокое узкое окно закрывала тяжелая решетка из толстых железных прутьев. В проникавшем сквозь него мягком фиолетовом свете ночи я увидел в дальней стене камин, а перед ним горку сухих поленьев, готовых для растопки. Возле камина под окном стоял старинный каменный саркофаг.

На саркофаге я увидел свой красный бархатный плащ на меху. Рядом, на грубо сколоченной скамье, лежал великолепный костюм из красного бархата, отделанный золотым шитьем и итальянским кружевом, здесь же были красные шелковые рейтузы, панталоны из белого шелка и башмаки с красными каблуками.

Откинув назад волосы, я отер пот со лба и верхней губы и увидел, что пот был кровавым. Непонятно почему, но это открытие сильно взволновало меня.

Так кто же я теперь и что ждет меня впереди? Думая об этом, я долго смотрел на кровавые следы на моих ладонях, а потом осторожно слизнул кровь языком. И тут же меня охватило необыкновенно приятное ощущение. Прошло не менее минуты, прежде чем я нашел в себе силы очнуться и направиться к камину.

Взяв в руки две палочки для растопки, я принялся сильно и быстро тереть их друг о друга, как это делал на моих глазах старый вампир. Они воспламенились почти мгновенно. В этом не было никакого волшебства – требовалось лишь немного сноровки. Согревшись возле огня, я снял с себя грязную одежду и рубашкой стер с тела последние остатки человеческого – рвоту и грязь. Потом швырнул старые тряпки в огонь и нарядился во все новое.

Ах, этот красный цвет, яркий, ослепительный красный цвет! Даже у Никола не было столь красивой одежды. В таких нарядах, отделанных изумительной вышивкой с вкрапленными в нее рубинами и жемчугом, не стыдно было показаться даже при дворе в Версале. Валенсийские кружева, украшающие мою рубашку, я прежде видел лишь на подвенечном платье моей матери.

На плечи я накинул меховой плащ. Хотя из тела моего ушел леденящий холод, я все же казался себе высеченным изо льда. Когда при виде столь восхитительных нарядов я позволил

себе дать волю чувствам, мне показалось, что губы мои чересчур медленно расползались в улыбке, хотя она и была широкой и ослепительной.

При свете огня я разглядывал гроб. На тяжелой крышке был высечен портрет пожилого мужчины, в чертах которого я немедленно уловил сходство с Магнусом.

Вот же он! Спокойно лежит, устремив в потолок мягкий взгляд, на лице застыла печать знакомой мне шутовской улыбки, глубоко высеченные в камне локоны и завитки волос образуют вокруг головы пышную гриву.

Ему, должно быть, никак не меньше трехсот лет. Руки его сложены на груди, одет он в длинную широкую мантию, а от каменного меча кто-то отбил рукоятку и часть ножен.

Приглядевшись повнимательнее, я понял, что они были отколоты очень аккуратно, причем это явно потребовало немалых усилий.

Быть может, кому-то очень хотелось избавиться от изображения креста? Я пальцем начертил его в воздухе. Конечно же, ничего не произошло – не помогло, как и мои молитвы ранее. Присев возле гроба на корточки, я нарисовал крест на покрытом толстым слоем пыли полу.

И снова ничего…

Тогда я добавил еще несколько штрихов, изобразив тело Христа, его руки, согнутые в коленях ноги и склоненную голову, а затем написал: «Господь наш Иисус Христос» – единственные слова, которые я умел писать правильно, за исключением собственного имени. И снова ничего не произошло.

С опаской поглядывая на написанные мною слова и изображение маленького распятия, я попытался приподнять крышку саркофага.

Несмотря на обретенную мною силу, это оказалось делом отнюдь не легким, не говоря уже о том, что смертному было бы не под силу сделать это в одиночку.

Больше всего меня ошеломило и сбило с толку то, что мне пришлось испытать значительные трудности. Так, значит, силы мои не безграничны! И судя по всему, мне еще очень далеко до могущества старого вампира. Трудно сказать наверняка, но, возможно, силы мои в тот момент равнялись силам трех, в крайнем случае четырех смертных.

Это открытие сильно повлияло на меня и расстроило.

Я заглянул внутрь гроба и не увидел ничего, кроме тесного пустого пространства. Я не мог представить себя лежащим там, в темноте. По краю гроба были начертаны какие-то латинские слова, но я не мог прочитать их.

Это мучило и раздражало меня. Я предпочел бы не видеть там никаких слов и чувствовал, как меня захлестывают тоска по Магнусу и ощущение собственной беспомощности. Я готов был ненавидеть его за то, что он меня бросил. И я вдруг понял, что по неисповедимой иронии судьбы, прежде чем он кинулся в огонь, я успел полюбить его всем сердцем. Я любил его и за то, что он оставил мне эту прекрасную одежду.

Способны ли дьяволы испытывать любовь друг к другу? Неужели они тоже могут гулять, взявшись за руки, по аду и при этом говорить примерно следующее: «Ах, друг мой, я так тебя люблю»? Впрочем, это абсолютно риторический вопрос, и к тому же я не верю в существование ада. Но все же эта проблема является частью концепции зла – в этом я не сомневаюсь. Ведь считается, что обитатели ада ненавидят друг друга так же, как спасенные души ненавидят все без исключения души проклятые.

Всю свою жизнь я был уверен в этом. Еще в детстве меня приводила в ужас одна только мысль о том, что, если вдруг мне придется отправиться на Небеса, а моя мать попадет в ад, мне придется ненавидеть ее. А я не мог ее ненавидеть! Но что будет, если мы окажемся в аду вместе?

Что ж, теперь вне зависимости от того, верю я в существование ада или нет, я твердо знаю, что вампиры могут любить друг друга и принадлежность к силам зла не исключает способности

любить. Во всяком случае в тот момент я в этом не сомневался. Нет, ни в коем случае не плакать. Я больше не в силах выносить слезы.

Я обратил взор на большой деревянный сундук, стоящий в головах саркофага. Он не был заперт, и, когда я откинул крышку, она едва не слетела с петель.

Хотя мой старый учитель и предупредил, что оставляет мне все свои сокровища, то, что я увидел, буквально ошеломило меня. Сундук был до отказа набит золотом, серебром и драгоценностями. В нем лежало бесчисленное множество колец с драгоценными камнями, бриллиантовых ожерелий, нитей жемчуга, золотой и серебряной посуды, монет – огромное количество разнообразных ценностей.

Я гладил руками эту красоту, поднимал полные пригоршни и в отблесках огня любовался сиянием и игрой красных рубинов и зеленых изумрудов. Такие оттенки цветов мне еще не приходилось видеть, о таком богатстве я не смел даже мечтать. Я словно воочию узрел сказочные сокровища пиратов Карибского моря, богатство, достойное короля.

И все это теперь принадлежало мне.

Я принялся внимательно и не торопясь разглядывать содержимое сундука. Здесь было множество личных, уже полуистлевших вещей: шелковые маски, отвалившиеся от золотых оправ, кружевные носовые платочки и лоскуты одежды с оставшимися на них булавками и брошами, фрагмент кожаной упряжи с золотыми колокольчиками, истлевшие кружева, просунутые сквозь золотое кольцо, огромное количество самых разных табакерок, медальоны на бархатных ленточках…

Неужели все это Магнус отобрал у своих жертв?

Я нашел инкрустированную драгоценными камнями шпагу, пожалуй чересчур тяжелую для наших дней, и даже поношенный башмак, сохранившийся, вероятно, только из-за украшавшей его пряжки из горного хрусталя.

Он мог взять все, что ему хотелось. И в то же время ходил в лохмотьях, в рваном костюме прошлой эпохи и вел образ жизни древнего отшельника. Для меня это было непостижимо.

Нашел я в сундуке и сокровища совсем иного рода: жемчужные четки с сохранившимися на них распятиями! Я осторожно прикасался к святым образам, качая головой и прикусив нижнюю губу, словно желая тем самым сказать: «Ах, как же скверно с его стороны – украсть такое!» Но одновременно это казалось мне забавным. Еще одно доказательство того, что Бог отныне не властен надо мной.

Пока я размышлял о том, присутствует ли во всем происходящем элемент случайности, рука моя наткнулась среди сокровищ на удивительно красивое зеркало с украшенной драгоценными камнями ручкой.

Непроизвольно и почти бессознательно я взглянул на себя в это зеркало. И увидел там примерно то же, что видел обычно, разве что кожа моя была теперь очень белой, такой же, какой была у старого дьявола, а цвет глаз из голубого превратился в радужную смесь фиолетового и кобальтового. Волосы мои блестели, а когда я провел по ним рукой, то почувствовал, что они стали здоровее и гуще.

По правде говоря, передо мной был вовсе не Лестат. Из зеркала на меня смотрело лишь его подобие, созданное из совершенно иных субстанций. А те немногие морщины, которыми наградила меня судьба к двадцати годам, либо исчезли совсем, либо выпрямились и стали чуть глубже, чем прежде.

Я не мог отвести взгляд от отражения в зеркале, и мне вдруг мучительно захотелось обнаружить там хотя бы частичку себя самого. Сжав зубы, чтобы не разрыдаться, я лихорадочно потер лицо и даже вытер зеркало.

В конце концов я зажмурился и снова открыл глаза, а потом улыбнулся глядящему на меня из зеркала существу. Оно улыбнулось мне в ответ. Да, это несомненно был Лестат. И лицо его не выражало ни недоброжелательности, ни злорадства. Во всяком случае, явного. Оно

носило лишь следы прежней импульсивности и склонности к озорству. Это существо можно было бы принять за ангела, если бы слезы его, когда оно плакало, не были алыми и весь его облик не носил оттенка красного, ибо и само оно видело все в красном свете. И если бы не его острые маленькие клыки, врезавшиеся в нижнюю губу, когда оно улыбалось, и придававшие ему совершенно жуткий вид. Вполне приличное лицо, имеющее только один страшный, поистине ужасный недостаток.

Но тут до меня вдруг дошло, что я вижу в зеркале собственное отражение! А ведь всегда говорили, что всякие призраки, духи и те, кто продал душу дьяволу, не могут иметь отражения!

Меня охватило жгучее желание узнать как можно больше о том, во что же я превратился. Я хотел знать, как мне следует вести себя среди смертных. Не терпелось вновь оказаться на парижских улицах и уже совершенно новыми глазами увидеть все то, что мне приходилось видеть до сих пор. Я жаждал заглянуть в лица людей, полюбоваться цветами и бабочками. Увидеть Ники и послушать, как он играет… Нет!

Мне придется отказаться от этого. Но ведь музыка существует и в иных формах. Я закрыл глаза, и мне показалось, что я слышу оркестр «Опера», в ушах моих зазвучали оперные арии. Воспоминания об этом были такими пронзительно живыми!

Но теперь все для меня станет другим – радости и боли, мысли и воспоминания… Все, даже печаль о том, что утрачено, отныне будет окрашено восхитительным светом.

Положив зеркало обратно в сундук, я достал оттуда один из пожелтевших от времени носовых платков и вытер слезы. Потом повернулся к огню. Лицо и руки окутало приятное тепло.

Меня охватывала сладкая сонливость. Закрыв глаза, я провалился в странное забытье, и передо мной возникло видение: Магнус пил мою кровь. И снова ко мне вернулось завораживающее ощущение головокружительного восторга, я чувствовал крепкие объятия Магнуса, то, как он приникает ко мне и как моя кровь перетекает в его тело. Слышал я и скрежет цепей по полу древнего подземелья, видел беспомощно обвисшего на руках у Магнуса вампира. И было что-то еще… что-то очень важное. Я никак не мог понять. Что-то о воровстве, о предательстве, о том, что нельзя отдавать себя во власть кого бы то ни было – ни Бога, ни дьявола, ни человека.

Находясь на грани сна и яви, я продолжал думать об этом, и в голову мне вдруг пришла совершенно безумная мысль: я должен обо всем рассказать Ники. Как только я вернусь домой, тут же выложу ему все без утайки – и о своем сне, и о том значении, которое он мог иметь… И мы все обсудим…

Я вздрогнул и открыл глаза. Во мне все еще оставалось нечто человеческое, и потому я начал беспомощно оглядываться вокруг, а затем человек во мне заплакал, ибо демон был еще слишком юн, чтобы возобладать окончательно. Слезы душили меня, и, чтобы не разрыдаться в голос, я зажал руками рот.

Почему ты меня бросил, Магнус? Что же мне теперь делать и как жить дальше?

Подтянув к подбородку колени, я уткнулся в них головой, и постепенно мысли мои стали проясняться.

Что ж, должно быть, это даже забавно – делать вид, что ты и в самом деле вампир, думал я, приятно носить такую чудесную одежду и перебирать в сундуке сокровища. Но в действительности жить так невозможно. Нельзя питаться живыми существами! Даже если ты и вправду чудовище, ты все равно не можешь не обладать сознанием, естественными для каждого чувствами… Добродетель и порок… добро и зло… нельзя жить без веры в… нельзя мириться с поступками, которые… Завтра ты… завтра ты… а, собственно, что завтра?..

Завтра ты станешь пить кровь. Разве не так?

В стоявшем рядом сундуке, словно угольки, сверкали драгоценные камни и золотые вещи, а за оконной решеткой на фоне серых облаков рассыпались сиреневые искры огней дале-

кого города. Какова же на вкус их кровь? Чем отличается горячая живая человеческая кровь от крови демона? Я невольно провел языком по нёбу и острым клыкам во рту.

Подумай об этом, Убийца Волков!

Я медленно поднялся на ноги. Это оказалось легко, словно тело мое подчинялось чьей-то сильной воле. Взяв в руки связку ключей, прихваченную из внешней комнаты, я отправился осматривать остальную часть башни.

Глава 6

Пустые комнаты. Зарешеченные окна. Великое и бесконечное покрывало ночи, раскинутое над зубчатыми стенами. Вот все, что удалось мне обнаружить наверху.

Но на нижнем этаже башни, как раз возле двери на лестницу, ведущую в подземную темницу, я увидел приготовленный просмоленный факел и в нише рядом с ним трутницу. На пыльном полу я заметил следы. Когда я наконец подобрал нужный ключ, прекрасно смазанный замок легко открылся.

Я зажег факел и по узким выщербленным ступеням стал спускаться. Доносящийся откуда-то снизу запах заставлял меня морщиться от отвращения.

Мне был хорошо знаком этот запах, его можно было почувствовать на любом парижском кладбище. У Невинных Мучеников он был особенно густым и едким, но приходилось дышать этим нездоровым воздухом всякий раз, когда необходимо было сделать покупки в тамошних лавчонках или обращаться к услугам писцов. Это был запах разлагающихся тел.

Поначалу мне едва не стало дурно, и я даже поднялся на несколько ступенек обратно, но все же запах показался мне не слишком сильным. К тому же аромат горящей смолы помогал перебороть отвращение.

Я стал спускаться дальше. Что ж, если там, внизу, лежат мертвецы, я не должен убегать от них.

Однако на первом подземном уровне я не обнаружил никаких трупов. Здесь был только просторный холодный склеп, ржавые железные двери которого стояли распахнутыми настежь. Внутри я увидел три огромных каменных саркофага. Все здесь очень напоминало расположенную выше комнату Магнуса, только эта комнатка была значительно меньше. Такой же низкий сводчатый потолок, такой же грубо сложенный камин, зияющий в стене…

А все это могло означать лишь одно: когда-то здесь тоже спали вампиры. Кто станет устраивать камин в подземном склепе? Мне, во всяком случае, такие чудаки неизвестны. А здесь имелись даже каменные скамьи. Саркофаги все как один были почти точными копиями того, который я уже видел, и на всех были высечены огромные фигуры.

Все вокруг, однако, покрывал толстый слой вековой пыли, отовсюду свисала паутина. Никаких сомнений в том, что здесь давно уже не обитают вампиры. И все-таки мне это казалось странным. Куда же делись те, кто спал в этих гробах? Сожгли они себя так же, как сжег себя Магнус, или продолжают существовать в каких-либо иных местах?

Один за другим я открыл саркофаги. Но не увидел внутри ничего, кроме пыли. Никаких признаков присутствия вампиров, никаких свидетельств их существования.

Не обращая внимания на все усиливающийся запах разложения и тлена, я продолжал спускаться по лестнице. Вскоре запах стал просто невыносимым.

Он явно шел из-под двери, которую я теперь отчетливо видел внизу. Мне было трудно заставить себя идти вперед. Конечно, будь я смертным, этот запах был бы мне крайне неприятен, но то отвращение, которое я чувствовал сейчас, было во много раз сильнее. Я испытывал непреодолимое желание бежать куда глаза глядят. Я остановился, чтобы перевести дыхание, а затем заставил себя двинуться дальше. Мне очень хотелось узнать, что же делал там старый демон.

То, что я увидел, превзошло самые худшие мои опасения.

В расположенной глубоко под землей камере лежала гора трупов в самых разных стадиях разложения – голые кости и гниющая плоть, кишащая червями и насекомыми. Испуганные светом факела крысы бросились наутек в сторону лестницы, я чувствовал, как их тела и лапы скользили по моим ногам. Отвратительный запах вызывал у меня тошноту, в горле стоял ком.

И в то же время я не в силах был отвести взгляд от этой горы мертвых тел. Я чувствовал, что должен увидеть и понять нечто очень важное. Я заметил, что все они были когда-то мужчинами, – об этом свидетельствовали остатки их обуви и одежды. И у всех были точно такие же, как и у меня, светлые волосы. Те, чьи черты лица еще можно было разглядеть, оказались молодыми людьми, высокими и стройными. А тот, который, судя по всему, появился здесь последним и чье разлагающееся, растекающееся тело с протянутыми сквозь решетку руками лежало теперь на полу, был поразительно похож на меня, и нас можно было бы принять за братьев.

Я, словно в тумане, шел вперед, пока наконец не коснулся носком башмака его головы. Опустив пониже факел, чтобы лучше рассмотреть лицо, я едва не вскрикнул. Несмотря на облепивших мертвеца насекомых, я сумел увидеть, что глаза его были голубыми!

Я зашатался и в ужасе попятился. Мне вдруг показалось, что он сейчас вскочит и схватит меня за ноги. Наверное, это было вызвано тем, что я споткнулся о тарелку с остатками испорченной пищи и о кувшин, который опрокинулся и разбился, отчего по полу растеклась отвратительная лужа свернувшегося и вонючего молока.

Я вдруг почувствовал сильную боль в груди, и изо рта у меня хлынула струя крови. Чтобы хоть немного прийти в себя, я вынужден был выскочить за дверь.

Несмотря на головокружение и тошноту, я не мог отвести глаз от крови, волшебным алым цветом светившейся в отблесках факела, постепенно темневшей и уходящей в щели между плитами пола. Кровь была живой, и ее сладкий запах, словно свежая струя, ворвался в отвратительную вонь разлагающихся тел. Сильнейшая жажда заставила меня забыть о тошноте. Спина моя согнулась, и с удивительной для меня самого гибкостью я стал наклоняться все ниже и ниже.

Все это время я не переставал думать о неизвестном мне молодом человеке. Его притащили сюда еще живым, и пища, испорченные остатки которой я видел, служила либо для поддержания его сил, либо для того, чтобы пытать его голодом. Он умер, запертый в подземелье вместе с гниющими трупами, сознавая, что обречен вскоре стать одним из них.

Господи! Как можно вынести подобные муки? Ужасные мучения! Скольким еще юношам с такими же светлыми волосами и голубыми глазами пришлось испытать то же самое?

Я уже стоял на коленях, все ниже и ниже наклоняя голову. В левой руке я продолжал сжимать факел, а мой язык непроизвольно высунулся изо рта и стал походить на шевелящегося слизняка. Вот он уже коснулся пола, лизнул лужицу крови… Непередаваемое, восхитительное ощущение! Удовольствие, переходящее едва ли не в экстаз!

Неужели я это делаю? Неужели это я слизываю с пола кровь в какой-нибудь паре дюймов от горы трупов? Неужели это мое сердце замирает от восторга рядом с мертвым телом мальчика, которого Магнус притащил сюда точно так же, как притащил меня? Рядом с мальчиком, обреченным на смерть вместо вечного бессмертия?

Я все лизал и лизал. В колеблющемся свете факела комната то освещалась, то вновь погружалась в темноту. Волосы покойника касались моего лица, а похожий на осколок хрусталя глаз неотрывно смотрел на меня.

Почему же я избежал участи быть заключенным в это подземелье? Какое испытание удалось мне выдержать, чтобы не трясти сейчас эти толстые решетки и не кричать от ужаса, чтобы не испытывать того кошмара, который охватывал меня в комнатке деревенского кабачка, словно провидение подавало мне тревожный сигнал?

Меня колотило, руки и ноги дрожали. И тут я услышал какой-то ужасный звук, но не сразу понял, что звук этот – мой собственный душераздирающий крик, вырвавшийся из самых глубин моего существа, такой же завораживающий, как и вид алой крови, голубых глаз юноши, как поблескивание в свете факела шевелящихся червей и крыльев насекомых.

Отбросив в сторону факел, я пятился на четвереньках, пока вновь не наткнулся на оловянную тарелку и разбитый кувшин. Вскочив наконец на ноги, я бросился по лестнице наверх, с грохотом захлопнув дверь темницы. Мой отчаянный дикий крик уносился к самой верхушке башни и, казалось, достигал неба.

Эхо его отдавалось от каменных стен, еще больше усиливаясь и буквально оглушая меня. Но я не в силах был замолчать.

В конце концов я заметил, что сквозь узкие бойницы и зарешеченные окна в башню проникает бледный свет холодного утра. Крик сам собою затих. Я увидел, как засветились камни стен и все окружающие меня предметы, и почувствовал, что струящийся потоком свет обжигает мне веки.

Времени на размышления не оставалось, и я помчался во внутренние покои.

Когда я наконец выбрался из узкого прохода, комната была освещена тусклыми пурпурными лучами утра. Казалось, что заполняющие сундук драгоценности пришли в движение, и их сияние буквально ослепило меня. Я торопливо поднял крышку саркофага.

Быстро скользнув внутрь, я поставил крышку на место. Болезненные ощущения на коже лица и рук исчезли. Теперь я был в безопасности. Я лежал совершенно неподвижно и, постепенно забывая о своих бедах и горестях, погружался в бездонную пропасть бесконечной тьмы.

Глава 7

Меня разбудила жажда.

Я мгновенно вспомнил, где нахожусь и кем я теперь стал.

Меня уже не мучили сны о холодном белом вине, прохладных на ощупь яблоках и зелени деревьев и травы в отцовском саду.

В темноте узкого пространства гроба я провел языком по зубам и почувствовал, что клыки мои чрезвычайно велики и остры, как ножи.

В башне кто-то был, и, хотя этот смертный еще не приблизился к двери внешнего помещения, я мог читать его мысли.

Я ясно ощутил его напряжение и беспокойство при виде незапертой двери на лестницу. Такого никогда раньше не случалось. Я почувствовал его страх, когда он увидел на полу обугленные головешки, и услышал, как он испуганно позвал: «Хозяин?!» Я понял, что это слуга, и в то же время догадался, что он коварен и вероломен.

Способность слышать его тайные, невысказанные мысли взволновала и заинтересовала меня. Но что-то меня при этом очень беспокоило… Его запах!..

Приподняв тяжелую крышку каменного саркофага, я выбрался наружу. Запах был очень слабым, но противостоять его притягательности я не мог. Он напоминал мне мускусный запах первой в моей жизни продажной девки, в чьей постели я оказался, чтобы удовлетворить юношескую страсть. Я вспомнил и о восхитительном аромате жареной оленины, и о том, какой восторг он вызывал после многих и многих дней нестерпимого голода в иные зимы. Он был восхитителен, как запах вина нового урожая, свежих яблок или чистой воды несущихся с гор потоков, которую я в жаркие летние дни пил пригоршнями.

Должен признаться, что этот запах казался мне во сто крат чудеснее и вызывал у меня острый, почти животный аппетит.

Я с легкостью, словно плывя в темноте, преодолел туннель, вытолкнул закрывавший его камень и оказался во внешней комнате.

Я увидел перед собой побледневшего от ужаса смертного.

В голове этого высохшего, худого и слабого старика путались разнообразные мысли и предположения. Я понял, что он служит одновременно конюхом и кучером, но не был уверен в правильности своих догадок.

И тут меня обдала его жаркая злоба по отношению ко мне. В его преступных намерениях не оставалось никаких сомнений. Пока он внимательно оглядывал меня с головы до ног, в душе его кипела бешеная ненависть. Это он раздобыл и принес великолепную одежду, которая была на мне. И именно он присматривал за несчастными узниками подземной темницы, пока они были еще живы. Почему же, вопрошал он в безмолвной ярости, я сейчас не там?

Как вы догадываетесь, моя любовь к нему от подобных мыслей не возросла. Больше того, я готов был убить его голыми руками.

– Где хозяин? – в отчаянии спросил он. – Где мой господин?

Интересно, за кого принимал он своего хозяина? Наверное, считал его чародеем при королевском дворе. Но теперь власть и могущество перешли ко мне. И этот человек явно не обладал какой-либо полезной для меня информацией и ничего интересного рассказать не мог.

Как только я, хоть и против его воли, узнал все это, внимание мое переключилось на пульсирующие вены, выступающие под кожей его лица и рук. Исходящий от него запах буквально сводил меня с ума.

Я чувствовал тихое биение его сердца и явственно представлял себе, какова может быть на вкус его кровь. При одной мысли о том, как эта теплая густая кровь станет растекаться по моим венам, меня захлестнуло предвкушение восторга.

– Твой господин умер, он сгорел, – пробормотал я, медленно приближаясь к нему и удивляясь равнодушию в своем голосе.

– Не может быть, вы лжете, – ответил он и обвел взглядом почерневшие стены, потолок, двери.

Он был вне себя от ярости, и злоба его ярким светом пульсировала перед моими глазами. Я отчетливо чувствовал его горечь, отчаяние, то, как он лихорадочно размышляет над моими словами.

Я был во власти собственного аппетита и не испытывал никакой жалости к этому человеку. Что может сравниться с притягательностью живой плоти?

Он тоже это понял. Не знаю как, но он догадался о моих мыслях и чувствах. Бросив на меня полный ненависти взгляд, он кинулся к лестнице.

Но я мгновенно поймал его. Для меня это не составило никакого труда, и сознание легкости, с какой я это проделал, доставило мне удовольствие. Не успел я подумать, что следует догнать его, как уже оказался рядом с ним, даже не заметив, каким образом мне удалось преодолеть разделявшее нас расстояние. И вот он уже у меня в руках, оторванный от пола, болтает в воздухе ногами и пытается ударить меня.

Я держал его на весу с такой же легкостью, с какой взрослый сильный мужчина держит на руках ребенка. Он лихорадочно пытался придумать способ спастись, но в голове его все смешалось от ужаса.

Однако то, что я видел перед собой, начисто заслонило от меня его полный беспорядочных мыслей разум.

Глаза его больше не были зеркалом его души – они превратились в радужные студенистые шары, а его тело стало для меня не более чем извивающимся и корчившимся кусочком наполненной кровью плоти. И я должен был либо получить его, либо умереть.

Поначалу мне казалось ужасным, что я вынужден буду питаться живыми существами, теплой кровью, струящейся по артериям и венам, но теперь я считал это восхитительным. Он – это он, а я – это я, и я был намерен устроить для себя пиршество.

Я поднял человека ко рту и разорвал зубами артерию на его шее. Поток крови хлынул, обжигая мне нёбо, отчего я вскрикнул и еще теснее приник к ране губами. Его кровь не походила ни на горячий нектар, который подарил мне его хозяин, ни на чудесный эликсир, который я слизывал с пола темницы. Нет, она скорее была похожа на превратившийся вдруг в жидкость свет. А сильное человеческое сердце, заставляющее кровь мчаться по венам, источник умопомрачительного запаха, было на вкус в тысячи раз восхитительнее.

Я чувствовал, как вздымаются мои плечи, как пальцы все глубже и глубже погружаются в плоть, как бешено колотится мое сердце. Я не видел вокруг себя ничего, кроме этой крошечной бьющейся души, я почти терял сознание от восторга, и при этом мне казалось, что, кто бы он ни был, этот человек не имеет никакого отношения к происходящему.

Мне пришлось собрать в кулак всю волю, чтобы заставить себя вовремя оторваться от него. Мне так хотелось услышать, как перестанет биться его сердце, как оно станет замедлять удары, постепенно останавливаясь, и чувствовать, что в этот момент он находится целиком в моей власти.

Но я не осмелился.

Когда я ослабил хватку, он тяжело рухнул на пол, раскинув в стороны руки и ноги. Из-под его полуприкрытых век виднелись белки глаз.

Вид мертвого тела буквально заворожил меня, я был не в силах отвести от него взгляд. От моего внимания не ускользнула ни одна, даже самая мелкая деталь. Я видел, как он в последний раз вздохнул, как обмякло и затихло его тело, без борьбы отданное в объятия смерти.

Его кровь подарила мне ощущение приятного тепла. Я чувствовал, как она течет внутри моего тела. Прижав ладони к щекам, я заметил, что они очень горячие. Обратил я внимание и на то, что зрение мое стало удивительно острым. Я вдруг почувствовал себя невероятно сильным.

Подхватив с пола мертвое тело, я потащил его вниз по винтовой лестнице, которая вела в наполненную ужасным запахом темницу, и там швырнул на груду других трупов.

Глава 8

Пора идти. Пришло время проверить свои силы. Набив карманы и кошелек деньгами, я прицепил к поясу украшенную драгоценными камнями шпагу, после чего вышел из башни и запер за собой тяжелые железные ворота.

Судя по всему, башня была единственным, что осталось от разрушенного особняка. Ветер донес до меня конский запах, очень сильный и приятный, и я понял, что наделен теперь поистине звериным чутьем. Я тихо обогнул башню и увидел постройку, служащую временной конюшней.

Внутри я обнаружил не только очень красивый экипаж, но и четырех великолепных гнедых кобыл. Удивительно, но они нисколько меня не боялись. Я целовал их гладкие бока и длинные мягкие морды. Они настолько восхитили меня, что я готов был провести рядом множество долгих часов и познакомиться с ними как можно ближе, узнать о них все, что только можно. Но мне не терпелось отправиться дальше.

В конюшне был и человек. Едва войдя внутрь, я почувствовал его запах. Но он крепко спал, а когда я разбудил его, то увидел, что это всего лишь придурковатый парень, не представляющий для меня ровным счетом никакой опасности.

– Я твой новый хозяин, – сказал я, вкладывая ему в ладонь золотую монету, – но сегодня ты мне не понадобишься. Все, что от тебя требуется, – это оседлать для меня лошадь.

У него хватило ума понять мои слова и даже ответить, что в конюшне нет ни единого седла, прежде чем он снова лег и заснул.

Что ж, ладно. Я отрезал кусок от длинных поводьев, накинул его в виде уздечки на самую красивую кобылу и выехал верхом на ней без седла.

У меня не хватает слов, чтобы описать свои чувства. Мчащаяся вперед кобыла, ледяной ветер, бьющий в лицо, и высокий черный шатер неба над головой… Я всем телом приник к лошади и буквально слился с ней. Стремительно несясь по заснеженному простору, я хохотал во весь голос, а иногда даже принимался петь. Мне удавалось взять невероятно высокие ноты, а потом я переходил на бархатный баритон. Время от времени я просто выкрикивал что-то веселое. Да, мне должно было быть весело и радостно. Но разве может чудовище испытывать подобные чувства?

Конечно, мне хотелось немедленно скакать в Париж, но я понимал, что еще рано, что я пока к этому не готов. Слишком мало я знал о своих новых возможностях и способностях. А потому поскакал в противоположном направлении, пока не оказался наконец на окраине какой-то маленькой деревушки.

Вокруг не было видно ни души. Я подъехал к небольшой церкви, и вдруг к ощущению беспредельного счастья, которым я был охвачен, примешалось чисто человеческое желание, импульсивный порыв.

Я быстро спешился, подошел к двери ризницы и подергал ее за ручку. Замок легко открылся, и я прошел к ограде перед святым престолом.

Мне трудно объяснить, что я в тот момент чувствовал. Наверное, мне хотелось, чтобы что-нибудь произошло. Я ощущал себя кровавым убийцей. Но молния не ударила. Я смотрел на красные отблески свечей на алтаре, видел застывшие во тьме неосвещенных витражей фигуры святых.

В полном отчаянии я шагнул за ограду святого престола и прикоснулся к дарохранительнице, потом открыл маленькие дверцы и вынул оттуда украшенную драгоценными камнями дароносицу, обладавшую, как говорили, чудодейственными силами. Но никаких сил я не ощутил. Ничего такого, что нашло бы хоть какой-то отклик во мне. Я обнаружил лишь золото, картон и воск… и еще свет.

Я склонил голову к самому алтарю, став похожим, должно быть, на священника во время мессы. Затем поднялся, захлопнул дарохранительницу и привел все вокруг в прежний вид, чтобы никому и в голову не пришло, что здесь было совершено святотатство.

После этого я обошел всю церковь. Мрачные картины и зловещие статуи буквально завораживали меня. Я вдруг понял, что способен видеть не только великолепные произведения искусства, но и весь процесс их создания художниками и скульпторами. Я видел, каким именно образом покрытая лаком поверхность отражает лучи света. Замечал каждую ошибку в изображении и каждый особенно выразительный фрагмент. Размышлял о том, какими глазами буду рассматривать теперь творения великих мастеров, если сейчас не в силах оторвать взгляд от примитивных изображений, нарисованных на штукатурке. Я опустился на колени и принялся разглядывать рисунок мраморных плит, пока вдруг не обнаружил, что лежу, распластавшись на каменном полу и уставясь в него широко раскрытыми глазами.

Я начинал терять над собой контроль. Дрожа с головы до ног, со слезами на глазах я поднялся, и мне показалось, что горящие вокруг свечи и лампады ожили. От этой мысли мне едва не сделалось дурно.

Пора уходить отсюда. Мне следует пройтись по деревне.

Я провел в деревне два часа, и за все это время меня почти никто не видел и не слышал.

С удивительной легкостью я перепрыгивал через заборы или взлетал на низкие крыши домов. Я мог соскочить на землю с высоты третьего этажа или залезть на отвесную стену, цепляясь ногтями и кончиками пальцев ног за щели между камнями и выступы штукатурки.

Я заглядывал в окна и видел спящие среди смятых простыней супружеские пары, младенцев в колыбелях, пожилых женщин, занимающихся шитьем при тусклом свете огня.

Все эти домишки выглядели кукольными. Прекрасная коллекция игрушек с крошечными стульчиками, отполированными каминными досками, аккуратно заштопанными занавесками и чисто вымытыми полами внутри.

Я смотрел на все это глазами существа, никогда не имевшего отношения к такой жизни и теперь с удовольствием любовавшегося каждой деталью. Висящий на крючке белоснежный фартук, изношенные башмаки, стоящие у очага, кувшин возле кровати…

А люди… люди были просто изумительны.

Я остро чувствовал их запах, но был сыт и потому относился к нему совершенно спокойно. Мне нравились их розовая кожа, изящные руки и ноги, отточенные движения и вообще весь ход их жизней, словно сам я никогда не был одним из них. Мне казалось замечательным даже то, что у них по пять пальцев на каждой руке. Во сне они зевали, вскрикивали, вертелись с боку на бок. Я был совершенно очарован ими.

Если они разговаривали, то даже самые толстые стены не мешали мне отчетливо слышать их голоса.

Но самым удивительным открытием, которое я сделал в процессе своих исследований, был тот факт, что я мог читать мысли людей, точно так же как читал незадолго до этого мысли убитого мной в башне злобного слуги. Горе, несчастье, надежды и ожидания… Они словно витали в воздухе: одни походили на слабые дуновения ветерка, другие же пугали, словно мощные порывы ураганного ветра, а некоторые рассеивались так быстро, что я не успевал даже уловить их источник.

Надо отметить, что это нельзя было назвать чтением мыслей в полном смысле слова.

Мысли банальные, незначительные не доходили до моего сознания, а когда я погружался в собственные размышления, разум мой оказывался закрытым даже для наиболее сильных и страстных человеческих порывов. Короче говоря, я воспринимал только сильные эмоции и лишь тогда, когда сам этого хотел. Но встречались мне и такие люди, которые даже в пылу безграничного гнева не позволяли мне проникнуть в их разум и что-либо узнать.

Эти открытия потрясли меня, в высшей степени поразили, как и вдруг увиденная мною красота всего окружающего, прелесть, казалось бы, самых обыденных вещей. И в то же время я отчетливо сознавал, что за всем этим кроется бездна, в которую я могу неожиданно рухнуть.

Ведь после всего случившегося я уже не принадлежал к числу живых и теплых чудес совершенства и невинности. Теперь они должны были стать моими жертвами.

Настало время покинуть деревню, я уже достаточно узнал здесь всего. Но прежде, перед тем как уйти, я осмелился предпринять еще один, последний, шаг. Я не мог удержать себя от этого поступка. Я просто обязан был его совершить.

Высоко подняв воротник красного плаща, я зашел в кабачок, отыскал в нем место подальше от огня и приказал принести стакан вина. Все посетители обратили на меня внимание, но отнюдь не потому, что заметили сверхъестественную природу нового посетителя. Нет, они просто разглядывали богато одетого джентльмена! Чтобы убедиться в правильности своих предположений, я пробыл в кабачке примерно двадцать минут. Никто, даже тот человек, который мне прислуживал, абсолютно ничего не заметил! Надо ли говорить, что я не притронулся к вину. Мой организм теперь не переносил даже винного запаха. Цель моя состояла совсем в другом. Отныне я точно знал, что способен одурачить смертных! Я уверился в том, что могу свободно жить среди них!

Я покинул кабачок в самом радужном настроении, а когда добрался до леса, помчался со всех ног. Вскоре я уже бежал так быстро, что небо и деревья слились перед моими глазами в сплошном мелькании. Я почти летел!

Наконец я остановился и принялся скакать на месте и танцевать. Я хватал с земли камешки и забрасывал их так далеко, что не видел, где они падали. Наткнувшись на полный соков толстый ствол поваленного ветром дерева, я приподнял его и, словно тонкую веточку, переломил о колено.

Я кричал, распевал во весь голос и наконец с хохотом повалился на траву. Потом снова вскочил на ноги, сорвал с себя плащ, отстегнул шпагу и принялся ходить колесом. Я выделывал сальто не хуже акробатов в театре Рено. Сначала несколько безукоризненных сальто вперед, а потом назад и снова вперед. Дело дошло до двойных, тройных сальто, я подпрыгивал на добрых пятнадцать футов и, слегка задыхаясь от восторга, приземлялся совершенно точно и чисто. Мне хотелось выделывать эти трюки еще и еще.

Но приближалось утро.

Небо и воздух оставались такими же, какими и были, но я немедленно заметил перемены и услышал набат, доносящийся из преисподней. Адские колокола призывали вампира вернуться домой и погрузиться в смертельный сон. О, эта чудесная красота светлеющего неба! Очарование туманного видения – едва заметных очертаний колоколен, вырисовывающихся на фоне небес! И в голову мне вдруг пришла очень странная мысль: свет адского огня, наверное, не менее ярок, чем сияние солнца, и отныне он станет для меня единственным доступным солнечным светом.

В чем же я провинился? Я размышлял над этим вопросом и не находил на него ответа. Ведь я не просил ни о чем подобном. Более того, я не хотел сдаваться. Даже когда Магнус сказал мне, что я умираю, я продолжал бороться, дрался с ним. И, несмотря ни на что, я слышу сейчас звон колоколов ада.

Так кто же проклял меня и осудил на адские муки?

Когда я вернулся на церковный двор и хотел было сесть на лошадь, чтобы отправиться домой, что-то привлекло мое внимание и привело меня в смущение.

Не выпуская из рук поводьев, я обвел взглядом немногочисленные могилы, безуспешно пытаясь определить, что именно меня так смутило. Ощущение не покидало меня, и я наконец понял, в чем дело. Я отчетливо почувствовал чье-то присутствие на церковном кладбище.

Я стоял совершенно неподвижно и так тихо, что слышал, как кровь стучит в ушах.

Это не было ощущением присутствия человека! Неизвестное существо не обладало свойственным людям запахом, и я не слышал его мыслей. Скорее можно сказать, что оно тоже почувствовало меня и, чтобы защититься, окутало себя своего рода туманом. Оно наблюдало за мной.

А быть может, мне все это только казалось?

Я стоял, внимательно прислушиваясь и пристально вглядываясь во тьму. Из-под снега торчали серые могильные камни. В отдалении виднелся ряд склепов. Все они были большими, богато украшенными резьбой, но выглядели такими же заброшенными и полуразвалившимися, как и могильные камни.

Мне показалось, что существо прячется где-то возле склепов, но потом я почувствовал, как оно двинулось в сторону густо росших неподалеку деревьев.

– Кто вы? – требовательно обратился я к нему и сам удивился тому, насколько резко прозвучал мой голос. – Отвечайте! – еще громче и решительнее крикнул я.

Я явственно ощутил смятение существа, его волнение и одновременно почувствовал, что оно удаляется от меня чрезвычайно быстро.

Я бросился следом, но вскоре понял, что расстояние между нами увеличивается. Голый лес был пуст, и я никого не видел. Однако осознал, что я сильнее этого существа и что оно боится меня.

Это просто фантастика какая-то! Оно меня боится!

Тем не менее я по-прежнему не знал, кто это. Было ли существо таким же, как и я, вампиром, или оно вообще не имело плоти?

– Одно, во всяком случае, я знаю наверняка, – произнес я вслух. – Ты просто трус!

Ответом мне было длившееся всего мгновение легкое колебание воздуха, словно лес глубоко вздохнул.

Меня охватило сознание собственного превосходства, до этого лишь тлевшее глубоко внутри. Отныне мне ничто не страшно. Я не боюсь ни церкви, ни темноты, ни ползающих по трупам в подземной темнице червей. Ни даже этого странного существа, которое скрылось в лесу, но которое, кажется, по-прежнему присутствует где-то рядом. Мне не страшны и люди!

Я стал поистине выдающимся демоном! Даже если бы сейчас я сидел на ступенях ада и сам дьявол обратился бы ко мне с вопросом: «Лестат, каким демоном ты хочешь стать? Ты волен избрать для себя ту форму, в которой ты хочешь дальше странствовать по свету», – разве мог бы я пожелать что-то лучшее, чем то, что имею сейчас! Мне вдруг пришло в голову, что уже никогда мне не придется испытывать такие страдания, какие я пережил в своей прежней жизни.

Сейчас воспоминания о той ночи и особенно об этом моменте не вызывают у меня ничего, кроме смеха.

Глава 9

Когда наступила следующая ночь, я взял с собой столько золота, сколько смог унести, и отправился в Париж. Я проснулся, едва солнце скрылось за горизонтом, и пустился в путь, когда небесная лазурь еще окончательно не погасла.

Я просто умирал от голода.

Но удача опять мне улыбнулась, и возле самой окраины города на меня напал разбойник. Размахивая пистолетом, он с диким воплем выскочил из леса. Потом я увидел вспышку выстрела и даже успел разглядеть пулю, пролетевшую мимо меня, как раз когда я повернул в сторону лошадь и бросился на него.

Это был очень сильный мужчина. К моему удивлению, его проклятия в мой адрес и отчаянное сопротивление доставили мне удовольствие. Тот злобный слуга, которого я убил накануне, был стар. А этот разбойник обладал крепким молодым телом. Мне приятен был даже его грубый, заросший щетиной подбородок, мне нравились его мускулистые руки и мощь ударов. Но наша борьба не имела ничего общего со спортом. Едва я вонзил зубы в его артерию, как он сразу обмяк и неподвижно застыл. Хлынувшая мощной струей кровь доставила мне неизъяснимое, почти чувственное наслаждение. Я испытал такой восторг, что напрочь забыл о необходимости оторваться от жертвы, прежде чем перестанет биться ее сердце.

К концу нашей битвы мы оба стояли в снегу на коленях, и вот теперь жизнь его уходила в меня вместе с потоком крови. Когда все закончилось, я еще долго не мог даже пошевелиться. Ну вот, думал я, правила уже нарушены. Какое же наказание мне теперь грозит? Смерть? Непохоже, что она меня ожидает. Я находился в состоянии необычайно радостного исступления.

А на моих руках лежал мертвый бедняга-разбойник, который мог одним выстрелом разнести в куски мою голову, если бы, конечно, я позволил ему это сделать.

Я смотрел в темнеющее небо, на туманно вырисовывающиеся силуэты Парижа и чувствовал, как по всему телу разливается восхитительное тепло и во мне растет ощущение собственной силы.

Что ж, пока все идет как нельзя лучше. Я поднялся на ноги и вытер губы. Потом зашвырнул мертвое тело как можно дальше в снежную целину. Да, я был силен, как никогда.

Еще какое-то время я неподвижно стоял на месте. Меня охватила ненасытная жажда убийства, я готов был убивать снова и снова, лишь бы это волшебное ощущение экстаза не проходило никогда. Но я уже не мог больше пить кровь и постепенно успокаивался, чувствуя, что настроение мое каким-то образом изменилось. Меня охватило чувство уныния и одиночества, словно этот разбойник был моим другом или родственником и внезапно покинул меня. Я не мог понять причину такого ощущения, разве что нас породнила выпитая мною его кровь. Его запах теперь исходил от меня, и мне он почему-то очень нравился. А мой «друг» в это время лежал, полузарывшись в снег и раскинув в стороны руки, и при свете восходящей луны кожа его приобрела землисто-серый оттенок.

Черт возьми! Но разве этот ублюдок не собирался убить меня?

Не прошло и часа, а я уже нашел очень способного адвоката по имени Пьер Роже, жившего в Мара. Это был весьма честолюбивый, жадный до денег, хитрый, но при этом добросовестный молодой человек. Именно такой мне и был нужен. Мало того что я с легкостью читал все его мысли, я еще убедился в том, что он безоговорочно верит каждому моему слову.

Он с радостью согласился служить мужу богатой наследницы из Сан-Доминго. И конечно же, с готовностью погасил в комнате все свечи, кроме одной, раз после тропической лихорадки у меня все еще болят глаза. Мое состояние находится в драгоценностях? Прекрасно! Он знаком и ведет дела с самыми лучшими ювелирами. Банковский счет и оплата векселей моей семьи в Оверни? Никаких проблем! Все будет немедленно исполнено.

Все это было гораздо проще, чем роль Лелио.

Должен признать, однако, что мне понадобилось довольно много времени, чтобы собраться с мыслями и сосредоточиться.

Мое внимание отвлекалось на каждую мелочь, будь то чадящее пламя свечи, латунная чернильница, обои с золотым рисунком или сам месье Роже с его удивительно маленьким личиком, посверкивавшими за толстыми стеклами очков глазками и зубами, напомнившими мне клавиши клавикордов.

Мне казалось, что все предметы в комнате исполняют какой-то странный танец. Латунные ручки комода представлялись мне неотступно следящими глазами. Где-то наверху пела женщина, и голос ее, смешиваясь с тихим гудением огня в печи, словно звал меня к себе на непонятном и странном языке.

Так, наверное, продолжалось бы вечно, но я все же сумел взять себя в руки. Этой же ночью должны быть посланы с курьером деньги для моего отца и братьев, а также для Никола де Ленфена, служившего музыкантом в театре Рено. Ему следовало сказать лишь, что деньги присланы Лестатом де Лионкуром и что этот самый Лестат де Лионкур просит его немедленно переехать в хорошую квартиру на Иль-Сен-Луи или в любом другом приличном районе. Излишне говорить, что Роже обязан был оказать ему всяческую помощь и поддержку. А затем Никола де Ленфену следует брать уроки игры на скрипке. Роже получил приказание купить для Никола самую лучшую скрипку работы Страдивари.

И наконец, отдельное письмо должно быть послано моей матери, маркизе Габриэль де Лионкур. Его следует написать по-итальянски, чтобы никто другой не смог его прочесть. Вместе с письмом следовало переслать для нее лично значительную сумму денег. Если у нее хватит сил, чтобы отправиться в путешествие и посетить свою родину на юге Италии, возможно, ей удастся остановить развитие чахотки.

При мысли о том, что она получит наконец желанную свободу и сможет покинуть замок, у меня голова кружилась от радости.

На какое-то время я мысленно перенесся домой и забыл о существовании Роже. Я представил себе, как она впервые в жизни оденется так, как подобает маркизе, и выедет из ворот замка в богато украшенной карете, запряженной шестеркой лошадей. Но вдруг я так явственно

услышал ее ужасный кашель, словно она была в тот момент рядом со мной, и перед моими глазами возникло ее изможденное лицо.

– Деньги и письмо должны быть отосланы ей этой же ночью, – сказал я. – Меня совершенно не интересует, сколько это будет стоить. Мое приказание должно быть исполнено неукоснительно.

С этими словами я положил перед адвокатом столько золота, что ей должно было хватить на всю оставшуюся жизнь. Если бы только знать, сколько ей еще осталось!

– И еще, – спросил я, – знаете ли вы какого-нибудь торговца хорошей мебелью, картинами и гобеленами? Кого-нибудь, кто готов открыть для нас свои магазины сегодня же вечером?

– Конечно, монсеньор! Позвольте мне только одеться, и мы отправимся немедленно.

Через несколько минут мы уже направлялись в пригород Сен-Дени.

Следующие несколько часов в сопровождении своих смертных помощников я блуждал по райским лабиринтам материальных благ, выбирая все, что мне нравилось. Кресла и стулья, фарфоровая и серебряная посуда, ткани и скульптуры – все это, стоило мне только пожелать, немедленно становилось моим. Я распорядился, чтобы выбранные мною товары были тут же упакованы и отправлены на юг Франции. В своем воображении я рисовал прекрасные картины, представляя себе, как изменится замок, в котором я вырос, когда все эти чудесные вещи окажутся там. Для маленьких племянников и племянниц я послал такие красивые игрушки, о каких они прежде и мечтать не могли, – миниатюрные кораблики с матросами, созданные руками великолепных мастеров, искусно украшенные кукольные домики.

Прикосновение буквально к каждой вещи доставляло мне истинное наслаждение, и были моменты, когда их фактура и яркие краски едва не причиняли мне боль. В глубине души я просто рыдал от восторга.

Все это время мне удавалось блестяще справляться с ролью обычного смертного. Хотя один промах я все же допустил.

Мы осматривали один из магазинов, и вдруг возле самой стены я заметил бегущую крысу – обыкновенную крысу, каких немало в городах. Однако я почему-то не мог отвести от нее взгляд. Здесь, среди деревянных и гипсовых изделий, среди вышитых тканей и одежд, она показалась мне необычайно прекрасной. Неправильно истолковав мое состояние, мои спутники принялись кричать, топать ногами и громко хлопать, стремясь отогнать крысу как можно дальше.

Для меня их голоса слились в невнятное приглушенное бормотание, напоминающее звук кипящего в горшке супа. В тот момент я способен был думать лишь о том, что у этой крысы совсем крошечные лапки и что мне никогда еще не приходилось рассматривать вблизи ни одно столь маленькое существо с теплой кровью. С удивительной даже для самого себя быстротой я рванулся вперед и, поймав крысу, стал разглядывать ее лапки. Забыв обо всем, в том числе и о своих спутниках, я внимательно изучал миниатюрные ноготки и пальчики.

Воцарившаяся тишина и гробовое молчание стоящих рядом людей привели меня в чувство. Оба мои спутника остолбенело уставились на меня.

Изобразив на лице как можно более невинную улыбку, я отпустил крысу и снова вернулся к выбору покупок.

Несмотря на то что никто не сказал мне ни слова, этот случай послужил мне хорошим уроком. Я понял, что очень испугал их.

Чуть позже я дал своему адвокату последнее в ту ночь поручение: он должен купить подарок не менее чем за сто крон и отправить его владельцу театра господину Рено вместе с письмом от меня с выражением благодарности за проявленную им доброту.

– Выясните, в каком положении находится сейчас театр, – добавил я, – есть ли у него какие-либо долги.

Стоит ли говорить, что сам я и близко не подойду к этому театру. Они не должны даже догадываться о том, что произошло, их не может коснуться подобная скверна. Ну вот, теперь я, кажется, сделал все, что мог, для тех, кого действительно любил.

Когда наконец все было позади и соборные часы, возвышающиеся над белыми крышами городских домов, пробили три часа, я вдруг почувствовал, что ужасно голоден и запах крови преследует меня повсюду. Оглядевшись, я обнаружил, что стою один посреди пустынного бульвара Тамплиеров.

Растерзанный колесами экипажей снег превратился в жидкую грязь, а прямо передо мной была обшарпанная стена театра Рено с сохранившимися на ней обрывками афиш, на которых еще можно было прочесть написанное красными буквами имя молодого актера Лестата де Валуа.

Глава 10

Последующие ночи я провел весьма бурно. Я впитывал в себя Париж так, словно пил горячую кровь. Едва наступал вечер, я отправлялся в самые злачные места, где нападал на воров и убийц. Иногда я устраивал себе развлечение и позволял им какое-то время сопротивляться, давая шанс защитить свою жизнь, а потом с ужасным оскалом и рычанием заключал их в смертельные объятия и пировал до полного насыщения.

Я попробовал на вкус убийц самых разных типов: огромных громил; малорослых, но чрезвычайно крепких и жилистых; темнокожих и густо заросших волосами… Но больше всего мне нравились юные мерзавцы, готовые лишить человека жизни всего за несколько лежащих в его кармане монет.

Я с наслаждением слушал их вопли и проклятия. Иногда я хватал их одной рукой и со смехом издевался над ними, доводя буквально до белого каления, забрасывал на крыши домов ножи и вдребезги разбивал о стены пистолеты. И при всем этом мне не приходилось прилагать слишком большие усилия. Единственное, что вызывало у меня отвращение, – страх. Как только я чувствовал, что жертва боится, я тут же терял к ней всякий интерес.

Со временем я научился оттягивать момент убийства. Я пил кровь одного, потом другого, потом делал несколько поистине смертельных глотков крови третьей или четвертой жертвы. Ради собственного удовольствия я продлевал процесс охоты и борьбы. Когда же наконец я чувствовал, что насладился в полной мере, что мною выпито такое количество крови, которого хватило бы для насыщения как минимум шести вампиров со здоровым аппетитом, я отправлялся исследовать совсем другой Париж. Я проводил удивительные, волшебные часы. Раньше ни о чем подобном я и помыслить не мог.

Но прежде всего я шел в дом Роже, чтобы узнать новости о Никола и о своей матери.

Ее письма были полны счастья, она от всей души радовалась моим успехам и обещала отправиться весной в Италию, если, конечно, ей хватит сил, чтобы перенести такое путешествие. А сейчас ей необходимы книги, парижские газеты и ноты, чтобы она могла играть на посланных мною клавикордах. Она хотела знать, действительно ли я совершенно счастлив. Сумел ли добиться всего, о чем мечтал? Ее одновременно радовало и пугало столь неожиданное богатство, – должно быть, в театре Рено мне чрезвычайно везло. Она просила меня довериться ей и рассказывать все без утайки.

Читать ее письма было для меня сущей мукой. Мне приходилось бесстыдно лгать ей, что никогда не было мне свойственно. Но ради матери я готов был стать даже лжецом.

Что касается Ники, я должен был предвидеть, что его не удастся обмануть подарками и туманными россказнями, что он потребует встречи со мной. Именно на этом он продолжал настаивать и даже пытался припугнуть Роже.

Однако его угрозы ни к чему не привели. Мой поверенный не мог сказать ничего, кроме того, что велел сказать ему я. А сам я так боялся встретиться с Ники, что даже не спросил у адвоката адрес новой квартиры друга. Я только приказал ему удостовериться в том, что Ники действительно берет уроки у итальянского маэстро и у него есть возможность получить все, что он пожелает.

Почти против своей воли я все же каким-то образом сумел узнать, что Ники не ушел из театра. Он продолжал играть на скрипке во время представлений в театре Рено.

Сама мысль об этом сводила меня с ума. Я не мог понять, какого черта ему это нужно.

Да все очень просто. Он любил театр так же, как и я. На самом деле мне не нужно было ничего объяснять. В этом маленьком, похожем на крысиную нору театрике мы все были как родные. Не говоря уже о том волшебном моменте, когда занавес взлетает вверх и публика начинает аплодировать и кричать…

Что ж, следует отправить в театр побольше вина и шампанского. И послать цветы Жаннетт и Лючине, девушкам, которые нравились мне больше других. И еще много золота для Рено. Необходимо также оплатить все долги театра.

Прошло немного времени, и все было исполнено. Однако Рено пришел от этого в полное замешательство и был чрезвычайно смущен. Через две недели Роже сообщил мне о предложении Рено.

Он хотел, чтобы я выкупил театр и оставил его работать в качестве управляющего. При наличии достаточного количества денег на новые постановки и переоборудование сцены он сможет создать великолепные спектакли и таким образом осуществить свои грандиозные замыслы. С моими деньгами и его умом и способностями мы заставим говорить о театре весь Париж.

Я не смог ответить сразу. Мне и в голову не приходило, что я могу владеть театром точно так же, как владею сундуком с драгоценностями, одеждой или кукольными домиками, посланными моим племянницам. Я отказался и вышел, громко хлопнув дверью.

Но быстро вернулся.

– Хорошо, – сказал я Роже, – покупайте театр и дайте Рено десять тысяч крон, которыми он может распорядиться по своему усмотрению.

Это было поистине целое состояние. И я сам не знал, почему вдруг решил так поступить.

Боль скоро пройдет, думал я, должна пройти. А сейчас мне следует собраться с мыслями и взять себя в руки. Я должен наконец понять, что такого рода вещи не могут на меня воздействовать.

В конце концов, где я провожу сейчас время? В крупнейших и лучших театрах Парижа. Для меня забронированы лучшие места на оперных и балетных спектаклях, на представлениях пьес Мольера и Расина. Я часами могу стоять у рампы, глазея на величайших актеров и актрис. У меня множество костюмов всех цветов радуги, париков, сделанных по последней моде, башмаков с бриллиантовыми пряжками и золотыми каблуками, а пальцы мои украшают перстни с драгоценными камнями.

Я мог без конца наслаждаться поэтикой стихов, пьянел от пения и музыки, которые слышал, от изгиба рук танцовщика в балете, от звуков органа под сводами Нотр-Дама. Меня приводил в восторг гул колоколов, которые отсчитывали для меня время, и даже снег, беззвучно падавший с неба и укрывавший землю в пустых садах Тюильри.

С каждой ночью я все меньше и меньше опасался смертных и начинал вполне свободно чувствовать себя в их обществе.

Не прошло и месяца, как я отважился появиться посреди огромной толпы на балу в Пале-Рояле. После очередной охоты я был возбужден, чувствовал тепло во всем теле и на щеках моих горел румянец. Не медля ни минуты, я присоединился к танцующим. Ни у кого из присутствующих не зародилось даже сомнения на мой счет. Напротив, какая-то магическая сила

притягивала ко мне женщин. Мне нравилось прикосновение их горячих пальцев, нравилось обнимать их плечи и прижиматься к их мягкой груди.

Позже я смело отправлялся бродить по бульварам. Проходя как можно быстрее мимо театра Рено, я заглядывал в другие, чтобы посмотреть кукольное представление, выступление мимов или акробатов. Я больше не стремился укрыться от света уличных фонарей. Я заходил в кафе и приказывал принести чашку кофе только лишь затем, чтобы ощутить пальцами исходящее от нее тепло, а если возникало желание, беседовал с другими посетителями.

Я даже спорил с ними о состоянии монархии. Мало того, я пристрастился к бильярду и старательно овладевал мастерством в этой игре. Теперь мне казалось, что я могу без опаски отправиться в театр Рено, купить билет и тихонечко проскользнуть на балкон, чтобы оттуда наблюдать за ходом представления. Я могу увидеть Никола!

И все же я не стал этого делать. О чем мог я мечтать, на что надеяться, окажись я рядом с Ники? Одно дело вводить в заблуждение и дурачить посторонних мужчин и женщин, прежде меня не знавших, но что увидит Никола, если заглянет в мои глаза? Что он подумает, увидев мою кожу? И вообще, у меня впереди еще очень много дел, говорил я себе. Шло время, и я все больше и больше узнавал о собственной природе и о тех возможностях и власти, которыми обладал.

Волосы мои, например, стали светлее, но при этом толще и гуще. Кроме того, они совершенно перестали расти. То же самое происходило и с ногтями на руках и ногах. Они стали более блестящими, и, если я вдруг решал их состричь, они быстро восстанавливались и достигали той же длины, что и в момент моей смерти. Конечно же, люди при первом взгляде на меня не могли открыть мои секреты, но их внимание могли привлечь другие особенности: необычный свет в моих глазах, отражение в них всех цветов радуги, слабо люминесцирующая кожа.

Когда я был голоден, люминесценция становилась особенно заметной. А следовательно, у меня было еще больше оснований хорошо питаться.

Я постепенно убеждался в том, что одним пристальным взглядом могу держать людей в полном повиновении. Также я понял, что мне следует тщательно следить за модуляцией собственного голоса. Он мог звучать непривычно низко, иногда чересчур тихо для человеческого уха, а если бы я стал вдруг кричать или слишком громко смеяться, то мог бы оглушить окружающих, да и сам мог бы оглохнуть.

Существовала еще одна трудность – моя манера двигаться. Я старался ходить, бегать, танцевать, улыбаться и жестикулировать как самый обыкновенный человек. Но в состоянии сильного волнения, удивления, горя или испуга тело мое обладало поистине акробатической гибкостью.

Мне приходилось внимательно следить и за выражением лица, поскольку я был склонен к преувеличенному проявлению эмоций. Однажды, когда я забылся во время прогулки по бульвару Тамплиеров – а думал я в тот момент, как и всегда, о Никола, – я уселся под деревом, прислонившись спиной к стволу и подтянув колени к подбородку, а потом обхватил голову руками и стал при этом похож на потрясенного эльфа из волшебной сказки. Джентльмен восемнадцатого века, носящий парчовый фрак и белые шелковые чулки, не должен вести себя подобным образом, во всяком случае на улице.

В другой раз, погрузившись в размышления о закономерностях преломления и игры света на различных поверхностях, я подпрыгнул и уселся, скрестив ноги и упершись локтями в колени, на крыше кареты.

Подобные выходки приводили людей в недоумение. Иногда они пугали окружающих. Но чаще всего, даже в тех случаях, когда их пугал, например, вид моей кожи, люди просто отводили глаза. Я быстро понял, что они предпочитали обманываться, убеждая себя в том,

что все в этом мире можно так или иначе объяснить. Такова была особенность рационального мышления тех, кто жил в восемнадцатом веке.

За последние сто лет не было ни одного дела по обвинению в колдовстве. Последним, насколько мне известно, был суд над предсказательницей судьбы Ла Вуазин, которую живьем сожгли на костре еще во времена Людовика XIV, «короля-солнце».

И не забывайте, что это был Париж. А потому, даже если мне случалось раздавить в руке хрустальный бокал или чересчур сильно хлопнуть дверью, все просто считали, что я пьян.

Время от времени я ловил себя на том, что отвечаю на вопрос, прежде чем он мне задан. Я мог также впасть в состояние полного ступора и долго сидеть, уставясь на горящие свечи или на ветви деревьев, – окружающие потом начинали взволнованно спрашивать, уж не заболел ли я.

Самой большой моей проблемой, однако, оставался смех. Иногда на меня находили такие приступы смеха, что я никак не мог заставить себя остановиться. Эти приступы могли быть вызваны самыми разными причинами. Полнейшая ненормальность моего собственного положения абсолютно выводила меня из равновесия и рождала во мне непреодолимое желание расхохотаться.

Со мной это и сейчас случается достаточно часто. Никакие потери, никакая боль, даже все более и более углубляющееся понимание того тяжелого положения, в котором я оказался, ничего не смогли изменить. Мне вдруг, ни с того ни с сего, что-то кажется смешным, и я начинаю хохотать и никак не могу остановиться.

Кстати, эта моя особенность приводит в ярость других вампиров. Однако я в своем рассказе забегаю вперед.

Как вы уже, наверное, заметили, я еще ни словом не обмолвился о других вампирах. Но в том-то и дело, что я не мог найти ни одного из них.

Во всем Париже мне ни разу не встретилось ни одно сверхъестественное существо.

Повсюду меня окружали только смертные, но иногда я слабо ощущал чье-то неуловимое и сводящее с ума присутствие. В такие моменты я изо всех сил старался убедить себя в том, что мне это только кажется.

Воображаемое существо было таким же бестелесным, как и то, которое я встретил в свою первую ночь в деревне. И всегда ощущение его присутствия охватывало меня неподалеку от какого-нибудь парижского кладбища.

Каждый раз я останавливался, резко оборачивался и пытался его разглядеть. Однако безрезультатно – оно исчезало, прежде чем я успевал напрячь зрение. Мне ни за что не удавалось отыскать его самому, а запах парижских кладбищ вызывал во мне такое отвращение, что я не хотел, не мог войти за их ограду.

Такое происходило со мной вовсе не потому, что я был чрезмерно утонченной натурой, и не из-за воспоминаний о подземной темнице в башне. Похоже, отвращение к самому виду и запаху смерти составляло неотъемлемую часть моего существа.

Так же как и тогда, когда я был мальчишкой и жил в Оверни, я не в состоянии был без дрожи наблюдать смертную казнь, а при встрече с мертвым телом закрывал руками лицо. Мне казалось, что смерть оскорбляет меня, за исключением тех случаев, когда я сам был ее причиной. Но и тогда я старался как можно быстрее избавиться от своих жертв.

Однако вернусь к истории с присутствием. Поразмыслив, я пришел к заключению, что это существо, вполне возможно, какой-то призрак, причем призрак совершенно иной, не такой, как моя, природы, и он по тем или иным причинам не может вступить со мной в контакт. С другой стороны, я был почти уверен, что таинственный незнакомец наблюдает за мной и, возможно, намеренно ведет себя так, чтобы я его заметил.

Как бы то ни было, других вампиров я в Париже не встретил. Я даже подумал о том, возможно ли вообще существование нескольких вампиров одновременно. А что, если Магнусу

пришлось уничтожить того вампира, чью кровь он когда-то выпил? Что, если и ему пришлось пожертвовать собой, после того как он передал свою власть другому? Быть может, и я вынужден буду уйти в небытие, если создам другого вампира?

Нет, не может быть! Все это не имеет смысла. Даже отдав мне свою кровь, Магнус остался полным сил. А для того чтобы отобрать власть у того, другого, вампира, он заковал его в цепи.

Все было окутано завесой страшной тайны, и мысль об этом сводила меня с ума. Но в тот момент, пожалуй, неведение было поистине благословенным для меня. Я и без помощи Магнуса успешно осваивал новую для себя науку. Скорее всего, именно этого и хотел от меня Магнус. Возможно, много веков тому назад ему тоже пришлось самостоятельно пройти весь этот путь.

Мне вдруг вспомнились его слова о том, что в тайных покоях башни я найду все необходимое для процветания.

Многие часы я проводил в скитаниях по городу, покидая общество людей лишь затем, чтобы укрыться в башне от дневного света.

Однажды в голову мне пришла странная мысль: если я могу танцевать с ними, играть в бильярд, разговаривать, почему бы мне не жить среди них точно так же, как я жил прежде, пока не умер? Почему бы мне не выдавать себя за одного из них? Почему бы не вернуться в гущу жизни, где… где есть что? Ну же, произнеси это вслух!

Почти наступила весна. Ночи становились все теплее, а в театре Рено поставили новую пьесу, в антрактах которой выступали новые акробаты. Деревья стояли в цвету. И не проходило ни одной минуты, чтобы я не вспоминал о Ники.

Однажды мартовской ночью, когда Роже читал мне письмо от матери, я вдруг понял, что в состоянии прочитать послание сам. Я учился читать многими доступными мне способами, но никогда еще не пробовал делать это самостоятельно. Я взял у Роже письмо и отправился с ним домой.

Во внутренних покоях башни теперь уже не было холодно. Я присел к окну и впервые в жизни в одиночестве прочел письмо от матери. Мне казалось, что я явственно слышу ее голос:

– Никола пишет, что ты купил театр Рено. Значит, ты теперь владелец этого маленького театрика на бульварах, где ты был когда-то так счастлив. Но счастлив ли ты по-прежнему? Когда же ты наконец мне ответишь?

Я аккуратно сложил письмо и сунул в карман. На глаза навернулись кровавые слезы. Ну почему, почему она понимает так много – и в то же время так мало?

Глава 11

Ветер стих. И тут же все запахи города вернулись обратно. Рынки были буквально завалены благоухающими цветами. Забыв обо всем и плохо понимая, что делаю, я ворвался в дом Роже и потребовал немедленно сказать мне, где сейчас находится Никола.

Мне необходимо было взглянуть на него, убедиться в том, что он здоров и его новое жилище достаточно хорошо.

Дом стоял на Иль-Сен-Луи и производил весьма солидное впечатление, но все окна, выходящие на набережную, были плотно закрыты ставнями.

Я довольно долго стоял перед домом, и мимо меня один за другим с грохотом пролетали по мосту экипажи. Я знал, что должен обязательно увидеть Ники.

Я стал взбираться по стене – так, как это приходилось делать мне в деревне, – и вдруг обнаружил, что подъем дается на удивление легко. Я преодолевал один этаж за другим и нако-

нец забрался так высоко, как никогда не осмеливался забираться прежде, потом быстро пересек крышу и стал спускаться во внутренний дворик, чтобы отыскать квартиру Ники.

Миновав дюжину открытых окон, я обнаружил то, которое мне было нужно. И увидел Никола. Он сидел за накрытым к ужину столом, а рядом с ним были Жаннетт и Лючина. Как и раньше, после того как закрывался театр, они пировали до поздней ночи.

В первый момент я резко отпрянул от окна и едва не свалился вниз, но, к счастью, совершенно инстинктивно успел ухватиться правой рукой за стену. Я даже закрыл глаза, но, хотя я видел комнату всего лишь какие-то доли секунды, в моей памяти четко отпечаталась каждая деталь.

На нем был все тот же наряд из зеленого бархата, который он с такой благородной небрежностью надевал для прогулок по извилистым улочкам родной деревни. Но повсюду вокруг него я узрел свидетельства посланного мною богатства: книги в кожаных переплетах, стоящие на полках, инкрустированный столик и картина в овальной раме, сверкающая на крышке нового фортепиано скрипка работы итальянского мастера.

На пальце его я увидел свой подарок – перстень с драгоценным камнем. Темные волосы Никола были зачесаны назад и перевязаны черной шелковой лентой. Опершись локтями о стол, он напряженно о чем-то размышлял, а перед ним стояла тарелка из дорогого китайского фарфора, однако к еде он даже не притронулся.

Я осторожно открыл глаза и снова взглянул на Ники. При ярком свете мне хорошо было видно, что он почти не изменился: те же изящные, но сильные руки, те же большие спокойные карие глаза, тот же рот, который, несмотря на способность иронически и даже саркастически кривиться, оставался по-детски пухлым и вызывал желание его поцеловать.

Была в нем какая-то слабость, совершенно для меня непонятная и непостижимая. И все же мой Ники казался чрезвычайно умным, особенно в такие моменты, как сейчас, когда он слушал болтовню Жаннетт, погрузившись в какие-то свои мысли.

– Все очень просто, – тараторила Жаннетт, а Лючина согласно кивала. – Лестат женился. У него богатая жена, и он не хочет, чтобы она узнала, что в прошлом он был простым актером.

– Я считаю, что нам следует оставить его в покое, – добавила Лючина. – Он спас театр от закрытия и без конца осыпает нас подарками…

– А я в это не верю! – с горечью воскликнул Никола. – Он никогда не стал бы стыдиться нас. – В его голосе явственно слышались сдерживаемая ярость и бесконечная печаль. – Мне не дает покоя само его исчезновение. Ведь я слышал, как он звал меня! Окно к тому же оказалось разбитым вдребезги! Говорю вам, я наполовину проснулся и слышал его голос…

В комнате повисла напряженная тишина. Они не верили тому, что он говорил, не принимали его версии моего исчезновения из мансарды, но понимали, что если снова ему об этом скажут, то тем самым только отдалят его от себя и заставят страдать еще больше. Я отчетливо понял это, читая их мысли.

– Вы плохо знали Лестата, – угрюмо проговорил Никола, продолжая разговор. – Он плюнул бы в лицо любому, кто посмел бы стыдиться знакомства с нами. Он посылает мне деньги. И как же должен я вести себя в этой ситуации? Он всех нас дурачит.

Никто не произнес ни слова. Актеры были слишком практичны и рассудительны, чтобы порицать своего таинственного покровителя. Слишком уж хорошо все складывалось.

Молчание затянулось, и я отчетливо ощущал, как усиливается боль в душе Ники, как мучительно он страдает. Я заглянул в его мысли. И не смог этого вынести.

Мне было невыносимо думать, что я без ведома и против воли Ники копаюсь в его душе. Несмотря на это, я не мог не чувствовать, что в глубоких тайниках этой души царит темнота еще более мрачная, чем я мог себе представить, и он испытывает примерно то же, что чувствовал я тогда, в кабачке, но пытается это скрыть.

Я, можно сказать, видел тайные глубины, которые простирались далеко за пределы его разума, служившего как бы преддверием хаоса, который лежал по другую сторону черты, ограничивающей знания.

Мне стало очень страшно. Я не хотел этого видеть. Я не хотел чувствовать то, что чувствовал он сейчас.

Но что я мог для него сделать? Именно это было сейчас важнее всего. Возможно ли раз и навсегда прекратить его мучительную пытку?

Я испытывал непреодолимое желание дотронуться до него, прикоснуться к его рукам, лицу. Мне хотелось почувствовать под своими теперь бессмертными пальцами его плоть. «Живой…» – слово это вырвалось у меня против воли. Да, Ники, ты жив и, следовательно, можешь умереть. И когда я смотрю на тебя, то вижу лишь нечто бестелесное, некую совокупность движений и неясных красок, словно ты напрочь лишен телесной оболочки и являешься средоточием тепла и света. Ты есть свет, а что же представляю собой я?

Я обречен вечно корчиться в пламени и, как мельчайшие частички золы, клубиться в воздухе.

Тем временем атмосфера в комнате изменилась. Лючина и Жаннетт вежливо прощались с хозяином. Но он не обращал на них никакого внимания. Он медленно поднимался из-за стола, не отрывая взгляда от окна, как будто услышал доносящийся оттуда зовущий тайный голос. Выражение его лица было совершенно непередаваемым.

Он знал, что я там!

В одно мгновение я взлетел по скользкой стене и оказался на крыше.

Однако я по-прежнему его слышал. Взглянув вниз, я увидел его руки, вцепившиеся в переплет окна. В абсолютной тишине я отчетливо ощущал охватившую его панику. Он чувствовал, что я где-то рядом. Заметьте, он сознавал мое присутствие точно так же, как я сознавал чье-то присутствие на кладбище. Но он отказывался верить своим ощущениям, пытаясь убедить себя в том, что этого не может быть, что Лестат не может находиться рядом.

Я был слишком потрясен, чтобы что-либо предпринять. Вцепившись в желоб на краю крыши, я услышал, как ушли гости, и понял, что Ники остался в одиночестве. Я способен был думать лишь об одном: чье же присутствие ощущает он сейчас, какова природа этого присутствия?

Ведь я уже не был Лестатом. Я превратился в демона, в жестокого и жадного вампира, и все же он чувствовал, что я рядом, что рядом с ним Лестат – юноша, которого он когда-то знал!

Это отнюдь не походило на ситуацию, когда кто-либо из смертных сталкивался со мной лицом к лицу и смущенно бормотал мое имя. В моей нынешней, поистине чудовищной натуре Ники сумел уловить нечто такое, что он знал и любил.

Я перестал прислушиваться к нему и распластался на крыше.

И все же я отчетливо сознавал каждое его движение, слышал, как он ходит внизу, как направляется к фортепиано, берет в руки скрипку и вновь возвращается к окну.

Я зажал руками уши.

Но все равно услышал звук. Он рвался из скрипки и рассекал темноту ночи, словно сияющий свет, в корне отличающийся от реального, материального света, от воздуха и вообще от чего-либо существующего в природе. Казалось, он способен прорваться к звездам.

Никола страстно водил смычком по струнам, и я ясно представлял себе, как он раскачивается взад и вперед, как прижимает склоненную голову к деке, как будто старается слиться с музыкой воедино. Но вскоре я совершенно перестал ощущать его – остались только звуки музыки.

Они были то продолжительными и вибрирующими, то превращались в доводящие до дрожи глиссады. Скрипка существовала и звучала сама по себе, делая остальные формы речи фальшивыми и лживыми. Мелодия наполнялась страстью, постепенно превращаясь в истинное

воплощение отчаяния и горя. Создавалось впечатление, что ее красота не более чем ужасное совпадение, недоразумение, не имеющее ничего общего с реальностью.

Действительно ли он пытался выразить таким образом свою веру, те мысли и чувства, которые испытывал, когда я твердил ему о добродетели? Хотел ли он заставить скрипку высказать то, что было у него на душе? Сознательно ли извлекал из инструмента продолжительные, вязкие звуки, доказывая, что красота есть ничто, ибо исходит из переполняющего его отчаяния, и что она не имеет с отчаянием ничего общего, поскольку отчаяние не может быть прекрасным? И разве в таком случае красота не является воплощением страшной иронии судьбы?

Я не в силах был ответить на эти вопросы. Но, как всегда, звуки существовали отдельно от Ники. Они становились чем-то гораздо большим, чем просто выражение отчаяния. Словно воды, без каких-либо усилий стекающие по склонам гор и продолжающие путь по равнине, музыка постепенно замедляла течение, превращалась в плавную мелодию. Она становилась мрачнее и глубже, но в ней по-прежнему сохранялось нечто буйное и одновременно целомудренное, строгое, способное разбить сердце. Теперь я лежал на крыше, обратив глаза к небу и глядя на звезды.

Недоступные взгляду смертных средоточия света… Фантомные облака… И доносящиеся снизу пронзительные звуки скрипки, свидетельствующие о предельном напряжении душевных сил…

Я лежал не шевелясь.

Я находился в странном состоянии молчаливого понимания того языка, на котором сейчас разговаривала со мной скрипка. Ах, Ники, если бы только мы могли поговорить… Если бы могли продолжить наши беседы…

Нет, красота вовсе не была обманом и не предавала его, как это ему казалось. Скорее, это была некая неведомая и неисследованная область, в которой каждый обречен совершить множество роковых промахов, – своего рода дикий и равнодушный ко всему рай, где нет четкого обозначения и разграничения понятий добра и зла.

Несмотря на все изящество и совершенство, достигнутые цивилизацией и отраженные в искусстве, будь то головокружительное волшебство струнного квартета или пышное великолепие картин Фрагонара, красота жестока и беспощадна. Она так же опасна и так же не признает никаких законов, как когда-то, за много веков до возникновения первой осознанной мысли в голове человека и до первых правил поведения, записанных им на глиняных табличках, был опасен и беззаконен мир. Красота всегда больше походила на Сад Зла.

Почему же тогда его ранило сознание того, что прекрасна даже та музыка, которая способна низвергнуть человека в бездну отчаяния? Почему мысли об этом причиняли ему боль, лишали веры и делали его циничным?

Понятия добра и зла были придуманы человеком. А человек, наверное, все же лучше, чем Сад Зла.

И тем не менее вполне возможно, что в глубине души Ники всегда мечтал о всеобщей гармонии. В отличие от него я был уверен в том, что она недостижима. Ники грезил не о добродетели, но о справедливости.

Как жаль, что нам уже не суждено поговорить с ним об этом. Никогда больше не окажемся мы с ним в кабачке. Прости меня, Ники. Добро и зло все еще существуют, как существовали во все времена. Но наши с тобой беседы навсегда ушли в прошлое.

Однако, едва спустившись с крыши и в молчаливой задумчивости бредя прочь от Иль-Сен-Луи, я твердо знал, что собираюсь сделать. Хотя даже сам себе боялся в этом признаться.

Когда следующим вечером я прибыл на бульвар Тамплиеров, было уже очень поздно. Я хорошо подкрепился на Иль-де-ля-Сите, а в театре Рено первый акт представления был в самом разгаре.

Глава 12

Я был одет как на прием при королевском дворе. На мне был костюм из серебряной парчи, а на плечах короткий плащ из нежно-голубого бархата. К поясу была прицеплена новая шпага с резной серебряной рукояткой, а башмаки украшали изысканные тяжелые пряжки. Я уже не говорю о таких непременных атрибутах костюма, как кружева, перчатки и шляпа. К дверям театра я подъехал в наемном экипаже.

Расплатившись с кучером, я прошел по аллее и открыл дверь, ведущую прямо за кулисы.

Меня тут же окружила до боли знакомая атмосфера, пропитанная запахами грима и дешевых костюмов, пропахших потом, духами и пылью. За беспорядочным нагромождением опор для декораций я увидел кусочек ярко освещенной сцены и услышал раздающиеся в зале взрывы хохота. Несколько акробатов ждали своей очереди, чтобы выступить в перерыве, а рядом с ними стояли клоуны в красных рейтузах, шляпах и гофрированных воротниках, украшенных золотыми колокольчиками.

На какой-то миг я почувствовал страх, от которого у меня даже закружилась голова. Мне вдруг показалось, что опасность поджидает меня со всех сторон, но в то же время было так чудесно снова оказаться здесь. В душе моей воцарилась печаль, хотя нет – это скорее можно было назвать паникой.

Первой меня заметила Лючина и тут же завизжала на весь театр. Мгновенно распахнулись двери крошечных, тесных гримерных. Подскочивший ко мне Рено схватил и крепко сжал мою руку. Там, где еще секунду назад были лишь деревянные декорации и полотнища кулис, теперь бурлило море взволнованных людей с красными и влажными от возбуждения лицами… Я непроизвольно отпрянул от канделябра с чадящими свечами и резко вскрикнул:

– Мои глаза!.. Потушите!..

– Потушите свечи! Разве вы не видите, что у него от света болят глаза?! – воскликнула Жаннетт, и тут же я почувствовал на щеке прикосновение ее влажных полуоткрытых губ.

Вокруг меня тесно сгрудилась вся труппа, даже акробаты, которые меня совсем не знали, даже старые художники и плотники, которые создавали декорации и которые в свое время столь многому меня научили.

– Позовите Ники! – приказала Лючина, и в этот момент я едва не закричал «нет!».

Маленький театр задрожал от шквала аплодисментов. Занавес закрылся, и я очутился в объятиях старых актеров, а Рено уже требовал, чтобы принесли шампанского.

Я закрывал руками глаза, как будто, словно василиск, мог убить своих друзей одним взглядом. К тому же я чувствовал, как навернулись непрошеные слезы, и понимал, что должен смахнуть их, прежде чем кто-либо заметит, что они полны крови. Однако я был окружен таким тесным кольцом, что не имел никакой возможности вытащить из кармана носовой платок. Словно почувствовав вдруг ужасную слабость, я обхватил руками Жаннетт и Лючину и прижался к Лючине лицом. Обе они были легкими, как птички, как будто их кости были наполнены воздухом, а сердечки трепетали, словно крылышки. Какие-то доли секунды я прислушивался к пульсирующей в них крови ушами вампира, но вдруг ощутил всю непристойность своего поведения. А потому я полностью отдался во власть их объятий и поцелуев, стараясь не обращать внимания на биение их сердец, полной грудью вдыхая исходящий от них запах пудры, снова и снова ощущая прикосновение влажных губ.

– Ты даже представить себе не можешь, как мы беспокоились! – громко ворчал Рено. – А потом все эти рассказы о твоем богатстве! Все, буквально все только об этом и говорили!

Он вдруг захлопал в ладоши:

– Ах, это месье де Валуа, владелец величайшего театрального заведения!..

Он произнес еще множество возвышенных и шутливых слов, заставляя все новых и новых актеров и актрис целовать мои руки, – если бы мог, он, наверное, заставил бы их целовать мне ноги. Я крепко вцепился в девушек, словно готов был рассыпаться на куски, если меня оторвут от них. И вдруг… я услышал Ники, точнее, почувствовал, что он стоит не более чем в футе от меня, и понял, что он слишком рад меня видеть, чтобы я мог по-прежнему заставлять его страдать.

Я продолжал стоять с закрытыми глазами и ощущал, как его рука сначала коснулась моего лица, а потом крепко прижалась к затылку. По-видимому, все расступились, чтобы дать ему дорогу, и, когда мы оказались в объятиях друг у друга, в первый момент я задрожал от беспредельного ужаса. Однако тут же вспомнил, что вокруг царит полумрак и к тому же я подкрепился особенно основательно, чтобы согреться и походить на обыкновенного человека. Уже в следующее мгновение я забыл обо всем, кроме того, что вижу перед собой Ники.

Я взглянул ему прямо в лицо.

Как объяснить, какими мы видим живых людей? Я уже пытался это описать, когда говорил, что прелесть Ники для меня состояла в сочетании цвета и движения. Но вы даже представить себе не можете, что мы испытываем, видя перед собой человеческую плоть! В наших глазах живое существо состоит из миллиардов цветовых оттенков и мельчайших движений. Это сияние полностью гармонирует и смешивается с запахом человеческого тела. Красота – вот что такое для нас человеческое существо, если мы перестаем относиться к людям, даже к старым и больным, как к недостойным внимания жалким тварям, толпами снующим по улицам. Люди для нас словно распускающиеся цветы или бабочки, покидающие свои коконы и расправляющие крылья.

Так вот, именно таким я увидел Ники, почувствовал запах пульсирующей в нем крови и в течение нескольких поистине упоительных мгновений не испытывал ничего, кроме всепоглощающей любви к нему, затмившей все и заставившей забыть о мучивших меня страхах. Казалось, перестали существовать все приобретенные мною способности, еще недавно приводившие меня в восхищение и вызывавшие порочный восторг. Возможно, мне доставляла безграничную радость мысль о том, что, несмотря на все сомнения, я способен любить.

Окружавшие смертных тепло и уют действовали на меня словно яд. Казалось, еще немного, и я закрою глаза, потеряю сознание и провалюсь в небытие, увлекая за собой Ники.

Но одновременно меня беспокоило и другое – нечто, заставлявшее собрать все силы и принуждавшее лихорадочно работать мой мозг. Я не хотел признаться в этом даже самому себе и в то же время понимал, что еще немного – и я потеряю над собой контроль. Я отлично сознавал, что это за ощущение – чудовищное, всепоглощающее и в такой же степени естественное для меня, в какой противоестественным был солнечный свет. Я жаждал Ники. Я жаждал его точно так же, как и любую другую свою жертву, добытую в битве на Иль-де-ля-Сите. Я хотел, чтобы его горячая кровь разливалась по моему телу, хотел попробовать ее на вкус, ощутить запах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.